

СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ
ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ
СЕМАНТИКИ

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки

Кафедра иностранных языков

СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Межвузовский сборник научных трудов

Под ред. В.И. Агамджановой

Латвийский государственный университет им. П. Стучки
Рига 1980

Статьи настоящего сборника представляют собой результаты исследования лексической семантики в парадигматическом и синтагматическом аспекте на материале английского и французского языков. При сравнительном рассмотрении привлекаются также русский и латышский языки.

Сборник предназначен для филологов, занимающихся проблемами семантики, а также для преподавателей иностранных языков.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Агамджанова В.И. (отв. редактор),
Байкова Э.М. (секретарь),
Пошк Л.В.,
Оводинь О.Л.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ЛГУ им. П.Стучки от 30 мая 1980 года

С 70104-076у 98.80.4602 020 000
М 812(II)-80

© Латвийский
государственный
университет
им. П.Стучки, 1980

ИТЕРАТИВНОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ЛЕКСИКИ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Итеративность, воспроизведение семантических признаков в лексических значениях слов, образующих предложение, является результатом диалектического взаимодействия лексической и синтаксической семантики.

"Предложение реализуется посредством слов. Но слова не просто отрезки предложения. Предложение — это целое, не сводящееся к сумме его частей; присущий этому целому смысл распространяется на всю совокупность компонентов. Слово — компонент предложения, в нем проявляется часть смысла всего предложения" /1, с.188 /.

Проецирование семантики предложения /2 / на семантику отдельного слова протекает как семантическое согласование, заданное "тотальным смыслом высказывания (текста)" /3 /. Выявление способов экспликации семантической структуры лексического значения слова, обусловленной обобщенным значением семантической модели предложения, является одной из наиболее актуальных проблем современной контекстологии.

Данная статья является попыткой показать, как структурно-семантическая модель предложения формирует состав признаков лексического наполнения ее реализаций. При этом сразу следует указать, что семантическая модель предложения как формирующий контекст не лишает слово его самостоятельности, она выстраивает и материализует только то, что имеется или потенциально содержится в семантике слова.

Для рассмотрения формирующей роли контекста предложения необходимо указать, что нами понимается под терминами "семантический категориальный признак" и "итеративный семантический признак".

Для нас существенны следующие характеристики семантического категориального признака. Семантическая категория входит в состав лексического значения слова как та его основная часть, которая, с одной стороны, опознает объект, как

представителя определенного класса предметов или их признаков. С другой стороны, категориальный признак — та часть лексического значения слова, которая предопределяет синтаксическую и семантическую структуру предложения-высказывания. Категориальные признаки отличаются по уровню обобщения. Степень абстрактности категориальных признаков в составе глагола и категориальных признаков имплицуруемых глаголом зависит от широты состава лексики, заполняющей данную лексико-синтаксическую модель. Чем шире диапазон номенклатурного списка лексических значений слов, наполняющих данную структурно-семантическую модель, тем больше степень абстракции категориальных признаков. Категориальные признаки актуализируются в составе предложения — речевой реализации структурно-семантической модели.

Категориальный семантический признак, реализованный в составе предложения, всегда является итеративным. Неоднократное воспроизведение категориальных семантических признаков — обязательное условие семантической целостности предложения.

Итеративный семантический признак является "функционально-семантической категорией" (термин А.В.Бондарко) /4, с.8-29/. Будучи функциональным фактором, итеративный семантический признак является содержанием, выраженным разнородными языковыми средствами, взаимодействующими между собой. Вариативность средств выражения итеративных признаков может быть продемонстрирована на многомерном контексте семантической категории "предмет" в предложении: *Scientists face many mysteries, but there is none so compelling as the mystery of how life on Earth began.* Слово *mystery* является примером девятикратного воспроизведения признака "предмет". Категория предметности выражена в слове *mystery* морфологическими, лексическими и синтаксическими средствами. Предметность передается лексическим значением самого слова *mystery*, °относящегося к классу предметных имен, суффиксом — *ery*, °определениями *many*, *compelling*, *the* в предло-
зиции, предлогами (сгруппированными словами) *as*, *of*. Указанные

средства выражения предметности дополняются информацией, которую несет с собой, синтаксическая функция объекта в случае первичного наименования словом *mysteries* и синтаксическая функция субъекта при повторном наименовании, осуществленном словом *the mystery*. Приведенный анализ наглядно показывает функциональную природу итеративного признака. Функциональное назначение итеративного признака — обеспечивать связность текста, которая достигается при взаимодействии морфологических, лексических и синтаксических средств.

Итеративный признак, реализуемый в предложении, является результатом взаимосвязи и взаимной обусловленности лексической и синтаксической семантики, он возникает на "стыке" лексики и синтаксиса, там, где "закладывается семантическая основа предложения" / 5, с. 81 /.

Констатация итеративных признаков в предложении непосредственно зависит от точки зрения на роль глагола в определенной семантической рамке.

Широко распространена концепция, согласно которой основой предложения является глагол. Уоллес Л. Чейф говорит, например, "В известном смысле глагол и есть предложение:" /6, с. 198/, но как справедливо указывает С.Д. Кацнельсон "Далеко не все содержание высказывания определяется значением глагола. Из глагольного значения вытекает лишь категориальный состав аргументов, образующих вместе с предикатом пропозициональное ядро порождаемого высказывания" /7, с. 423 /.

Необоснованность абсолютизации роли глагола в формировании обобщенного значения предложения становится очевидной, если к валентным свойствам глагола подходить с точки зрения "тотального единства языкового коммуникативного процесса" /8, с. 59/. Коммуникативный подход к структурированию семантики предложения как результату взаимодействия значений лексического наполнения и наоборот формированию семантики слова как "результату структурирования тотального смысла высказывания (текста)" /8, с. 54/ снимает гипертрофию роли

глагола и выявляет диалектическую сущность его семантических отношений в предложении. Будучи причастным к "единому смыслу коммуникативного акта" /8, с.55/ глагол, не столько задает, сколько фиксирует общий смысл высказывания, констатирует состав категориальных семантических признаков глагола и его аргументов.

Итак, итеративность категориальных семантических признаков в предложении есть результат согласования семантики глагола с его распространителями. Известно, что являясь признаковым именем, глагол отражает и обозначает не сами объекты, а их отношения, свойства. Согласно универсальному закону взаимной импликации синтагматически связанных слов, глагол задает только те категориальные признаки, которые характеризуют субъект, объект и способ осуществления действия, глагол зависим в своем значении, состав его признаков относителен.

Состав категориальной семантики глагола непосредственно зависит от состава категориальных признаков существительного. Данная регулярная зависимость неизменно подтверждается анализом значений многосубъектных и многообъектных глаголов / 8 /.

Подход к глаголу с точки зрения итеративности категориальных признаков в предложении не мыслим без учета семантической согласованности глагола с субъектами, объектами, обстоятельствами реализации действия. Говоря о роли глагола в определении итеративности категориальных признаков предложения необходимо учитывать абстрактность/конкретность значения глагола. Чем абстрактнее глагол, тем больше состав итеративных признаков высказывания зависит от семантики существительного-субъекта, объекта. Чем конкретнее глагол, тем больше его роль в определении состава итеративных признаков предложения. Проанализируем данное положение на примере глаголов с широкой и узкой семантикой.

Глагол *to put* служит выразительным представителем глаголов как такого класса слов, которые определяют абстрактные синтаксические категории типа: субъект, направленное

действие, объект, отражающие отношения, и лишены возможности конкретизации семантики данной модели. Структурно-синтаксической модели: субъект — направленное действие — объект, заданной глаголом *to put*, соответствует несколько структурно-семантических моделей, семантика которых непосредственно зависит от семантики объектов.

Предложение *He put the book on the table* является реализацией синтаксической модели — субъект + действие + объект и представляет структурно-семантическую модель с обобщенным значением "помещать", которое имплицитно подразумевает признаки: агент, объект-предмет, который можно переместить; место. Но обобщенное значение структурно-семантической модели, а вместе с ним и значение глагола изменяется со сменой характеристик объектов. Так, если объектом *to put* являются письменные знаки, данная структурно-семантическая модель принимает значение "написать", реализуя итеративные категориальные признаки: лицо, письменные знаки, предмет, на котором ставятся письменные знаки. Ср. *He put his signature to the document.*

He put a mark against the names of the absent pupils.

Объект, представляющий класс предметов, используемых для определенных целей, придает данной структурно-семантической модели значение "использовать" и предполагает категориальные признаки: лицо, предмет, используемый с какой-то целью, цель использования предмета. Ср.: *He put the money to a good use.* Глагол *to put* реализует обобщенное значение "преобразовать какой-либо текст" в сочетании с объектами, представляющими собой виды текстов. Ср.: *How would you put these words in French?* Структурно-семантическая модель с *to put* принимает значение "передать-получить информацию", если в ее составе в качестве объекта выступает какая-либо форма информации. Ср.: *He put a question to the pupils.*

Импликациями структурно-семантической модели со значением "передать-получить информацию" будут категории: субъект-лицо, передающее информацию, объект — передаваемая информация, объект —лицо — адресат, получающий информацию. Син-

такси́ческая модель $N_1 \cdot V \cdot N_2$ с глаголом *to put* благода-
ря объекту-предмету, связанному с денежными отношениями,
обозначает ситуацию "оценивать". Ср.: *He put a price on the
painting*. Значение структурно-семантических моделей с гла-
голами узкой семантики так же складывается на основе согла-
сованности категориальных и лексических признаков глагола и
его распространителей. Предложения

He screwed a lock on the door
He screwed water out of a sponge,

реализующие одну и ту же синтаксическую модель: субъект, на-
правленное действие, прямой объект, предложенный объект,
представляют две разные структурно-семантические модели: мо-
дель с обобщенным значением "завинчивание" и модель с обоб-
щенным значением "выжимание". Если в первом случае имплика-
ции глагола *to screw* : лицо и два предмета, которые можно
скрепить винтом, шурупом, то во втором предложении такими
импликациями будут признаки: лицо, жидкость, предмет, про-
питанный жидкостью. Многозначность синтаксической модели:
"субъект, направленные действия, объект, предложенный объект"
с глаголом *to introduce* представлена структурно-семанти-
ческими моделями с обобщенными значениями: "знакомство ко-
го-то с кем-то", "ввоз чего-то куда-то", "помещение чего-то
во что-то". Ср.: *to introduce somebody to somebody* ; *to
introduce something into some place* ; *to introduce some-
thing into something*. Лексическое значение существительных
shelf, date, а не сам глагол *to fix* определяет обобщен-
ные значения предложений "прибивать" (*to fix a shelf to a
wall*) и "определять" (*to fix a date for a meeting*).
Итак, состав итеративных семантических признаков в предло-
жении фиксируется в глаголе-предикате, но детерминируется
как глаголом-предикатом, так и существительными-распростра-
нителями глагола-предиката.

Чем абстрактнее глагол, тем больше его актуализация за-
висит от семантики распространителей, и тем меньше его роль
в определении состава итеративных признаков предложения.

Предложение как диалектическое единство общего и частного является индивидуальным, конкретным явлением, обладающим и абстрактным категориальным составом, определяющим его принадлежность к классу однотипных предложений.

Будучи вариантом языковой единицы — семантико-синтаксической модели, предложение актуализирует ее инвариантное значение. Как указывает О.И.Москальская, первоначальную основу предложения составляет семантическая модель, выведенная на базе семантической репрезентации структурной схемы предложения.

Следовательно, экспликация итеративности семантических признаков в составе предложения предполагает классификационно-аналитическое описание семантико-синтаксической модели.

Для демонстрации характера проявления закона семантического согласования формирующего лексические значения слов в условиях предложения и выявления возможного способа экспликации итеративности семантических признаков предложения обратимся к семантике английской синтаксической модели

$N_1-V-N_2-PN_3$. Структурная схема английского предложения
 $S-P_r-O_1-O_2$

$N_1-V-N_2-PN_3$, где N — существительное или его эквивалент, V — глагол, P — предлог, реализует синтаксические отношения: субъект + предикат + прямое дополнение + предложное дополнение. Данная структурно-синтаксическая модель представлена 672 глаголами направленного действия, как о том свидетельствуют сведения, полученные нами на основе сплошной выборки глаголов, зафиксированных в The Advanced Learner's Dictionary of Current English by A.S.Hornby, E.V.Gatenby, H.Wakefield, London, 1958.

Семантика структурно-синтаксической модели $N_1-V-N_2-PN_3$ с глаголами направленного действия многозначна, ее интерпретации зависят от семантики лексического наполнения и могут быть обобщенно представлены в трех вариантах: лексико-синтаксическая модель с обобщенным значением — физическое воздействие, воздействие в сфере межличностных отношений,

интеллектуальная направленная деятельность. Каждая из представленных лексико-синтаксических моделей, в свою очередь, распадается на варианты, находящиеся в отношении включения.

Обобщенное содержание, составляющее основу четырехместных предложений с глагола и направленного действия, составляют следующие признаки [10]:

Физически воздействовать

Создавать, разрушать, преобразовывать, обрабатывать, устранять (нежелательную ситуацию), защищать, управлять движением, воздействовать на физическое состояние, лишать, давать, помещать, перемещать.

Воздействовать на партнера

Интеллектуально воздействовать: препятствовать в совершении действия, воздействуя на мысли и чувства; побуждать к совершению действия, воздействуя на мысли; побуждать к совершению действия, воздействуя на чувства; побуждать к совершению действия, воздействуя на мысли и чувства; побуждать к неверному действию; побуждать или препятствовать совершению действия, воздействуя на чувства; воздействовать на мысли; воздействовать на чувства. Побуждать к совершению действия. Соучаствовать в деятельности. Давать (отдавать); брать. Оперировать информацией: передавать информацию, передавать информацию письменно; обмениваться информацией; преобразовывать информацию. Реагировать на недозволенное действие. Соединять. Оперировать деньгами. Дать возможность занять положение в обществе.

Интеллектуальная деятельность

Умозаключать; сравнивать; приписывать; оценивать; считать.

Приведенные признаки являются рамочными итеративными признаками, обрамляющими семантическую структуру предложений. Они задаются семантическими центрами предложений и воспроизводятся во всех членах предложения.

Для уяснения данной закономерности структурирования семантики элементов предложения обратимся к понятиям смысло-

вого и синтаксического центров в интерпретации Н.Д.Арутюновой. Понятия смыслового и синтаксического центров рассматриваются Н.Д.Арутюновой в частности в связи с анализом семантических отношений между глаголом и его объектом. Говоря о семантической согласованности объектного сочетания с глаголом, Н.Д.Арутюнова указывает: "Смысловым центром конструкции, рассматриваемой в контексте предложения, является тот ее компонент, значение которого семантически согласуется со значением управляемого глагола... Так в предложении Я п и т ь с т а к а н в о д ы смысловым центром объектного сочетания следует считать подчиненный элемент (воды), так как он семантически согласуется со значением управляющего глагола (формальный объект глагола п и т ь определяется как "жидкая масса"). В предложении Я п о с т а в и л н а о т о д о т а к а н в о д ы, напротив, смысловым ядром прямого дополнения является существительное с т а н к а н (формальный объект глагола с т а в и т ь может быть определен как "предмет с вертикальной ориентацией)" /5, с.184-185/.

Как свидетельствует приведенный анализ, смысловой центр объектного сочетания с т а к а н в о д ы меняется со сменой итеративного признака, лежащего в основе семантического согласования глагола и его объекта. В первом случае семантический центр смещен, он не совпадает с синтаксическим центром, а во втором — семантический и синтаксический центры совпадают. Данное регулярное отношение распространяется и на предложение.

В предложении как единице сложной номинации синтаксический и семантический центры также не всегда совпадают. Если синтаксическим центром предложения является глагол, то семантическим центром предложения является слово, задающее итеративный признак, повторяемый во всех членах предложения. Такой семантической доминантой предложения может оказаться не только глагол, но и любой из его распространителей.

Данная закономерность является фундаментальной для выявления итеративного признака, создающего семантическую рамку предложения и лежит в основе экспликации рамочного итеративного признака.

Синтаксическое ядро и семантическое ядро предложения, как уже указано, может совпадать и не совпадать. Рассмотрим два предложения: He transmitted the message by radio (Он передал сообщение по радио), He hurled a spear at the wild animal. (Он метнул копье в дикое животное). В том и другом предложении четырехместная структура предложения с тремя актантами — субъекта и двух объектов — задана глаголом transmit — передать, который имплицитно "кто, что, как" и глаголом hurl — швырять, метать, который предполагает наличие бросающего субъекта, бросаемого объекта и цели броска. Следовательно, в том и другом случае синтаксическим центром является глагол-предикат.

В первом случае глагол-предикат, являясь синтаксическим центром, лишен возможности управлять семантической рамкой данного предложения. Семантический центр предложения He transmitted the message by radio представлен N_2 — прямым дополнением — message, которое входит в лексическое поле имен с общим значением "информация". Глагол же transmit относится к числу многообъектных и меняет свое значение со сменой объекта: ср. — transmit a message — передать сообщение; transmit characteristics — наследовать; transmit heat — проводить. Таким образом, будучи управляющим в синтаксисе предложения, данный глагол становится управляемым как компонент данной семантической рамки и подчиняется N_2 — message существительному, которое предопределяет речевую реализацию лексико-семантической модели с обобщенным значением "сперирование — передача информации" и вводит в состав лексикона предложения признак "информация":

Лицо, передающее информацию	Передача информации	Информация	Средство передачи информации
-----------------------------	---------------------	------------	------------------------------

В рассмотренном предложении синтаксический и семантический центры представлены разными членами предложения: синтаксический — глаголом-предикатом, семантический — существительным в функции прямого дополнения.

В сравниваемом предложении *He hurled a spear at the wild animal* синтаксический и семантический центры совпадают в глаголе-предикате. Семантическая рамка "бросок предмета в цель" заложена в глаголе-предикате, включающем признаки: бросать + с силой + в цель, которые имеют статус постоянных. Глагол *hurl* относится к разряду однообъектных с точки зрения семантики сочетающихся с ним существительных, т.к. позицию прямого дополнения при нем заполняют имена, обозначающие объекты, которые можно бросить с силой, швырнуть, метнуть [9].

Приведенные примеры иллюстрируют контекстуальную закономерность, согласно которой функции контекста (идентифицирующая, актуализирующая, восстановительная) непосредственно зависят от абстрактности/конкретности, многозначности/однозначности ядра. Чем абстрактнее и многозначнее слово, тем больше реализация его ЛС зависит от контекста, и наоборот, если значение слова конкретно и однозначно, оно самодостаточно как номинативная единица, а это значит, что его контекстуальная зависимость минимальна.

Локализация семантической доминанты предложения подчиняется данной закономерности контекстуальных отношений ядра и уточняющего или восстановительного минимума. Если глагол не является самодостаточным, он не обладает возможностью задавать признаки, образующие семантическую рамку предложения и тогда семантический центр предложения представляет один из распространителей глагола: *message* -- сообщение -- информация в приведенном примере. Глаголы, содержащие в своем составе не только те признаки, которые задают количество мест и характер отношений в синтаксической структуре предложения, но и те категориальные-семантические признаки, которые отражают общие свойства явления, характеризуемого глаголом, становятся как синтаксическим так и семантическим центром предложения. Так, глагол *hurl* обуславливает четырехместность структуры и имплицитует: (субъект -- агент -- живое существо); (объект -- пациент -- предмет перемещаемый); (объект -- пациент -- цель -- предмет), на который воздействуют перемещаемым объектом.

Семантическая рамка "бросок предмета в цель", накладываемая на все члены предложения, определяется глаголом.

Итак, сквозной рамочный-итеративный признак, повторяемый во всех членах предложения, задается семантической доминантой предложения. Локализация семантической доминанты предложения зависит от уровня абстрактности и диапазона многозначности лексического наполнения предложения. Глаголы с повышенной контекстуальной зависимостью не могут быть семантическими центрами. В подобных случаях семантический центр предложения перемещается и локализуется в распространителях глагола.

В тех случаях, когда семантическая доминанта, подчиняющая себе лексику предложения, отсутствует в предложении, состав итеративных признаков не выходит за пределы обобщенного значения семантической модели предложения.

Рамочные итеративные признаки, конкретизируют семантическую модель предложения и проецируются на лексику предложения как уточнители категориальных семантических признаков. Ср.:

	The departa- ment	edit	books	for schools
	Отдел	редактирует	книги	для школ
Структурно- синтаксичес- кие категории	Субъект	Предикат	Объект	Предлож- ный объ- ект
Семантико-син- таксические категории	Агент	Направлен- ное дей- ствие	Пациент	Бенефи- циант
Итератив- ные семан- тические признаки в составе лек- сических значений слов	Лицо(а), пре- образующее(ие) печатный ма- териал для использова- ния	Преобразо- вание пе- чатного материала лицом для использо- вания	Преобразу- емый лицом печатный материал для исполь- зования	Лицо(а), использую- щее(ие) преобра- зованный печатный материал

Синтаксическим центром и семантической доминантой в приведенном предложении является глагол предикат - edit .

Итак, контекст предложения как фактор, формирующий состав семантических признаков лексико-семантического варианта слова действует на базе речевой вариативности, в основе которой лежит частичное тождество синтаксически связанных слов.

Итеративные семантические признаки отражают определенную типовую ситуацию, представленную в обобщенном значении лексико-синтаксической модели.

Семантические признаки, воспроизведенные в значениях синтаксически связанных слов, носят как языковой, так и речевой характер. Так, в реализациях модели с агентивно-объектными отношениями, обусловленными глаголами со значением "называть", повторяющимся признаком является признак "имя, заглавие". Данный признак обязателен в составе лексики, заполняющей позицию предиката и объектного предикатива, которые соотносятся как действие и его результат: "давать заглавие" (entitle), "заглавие книги" (Searching for Light). Признак "заглавие" в составе entitle, Searching for Light оказываются постоянными, языковыми. Но этот же признак оказывается речевым для субъекта (Hewlett Johnson) и объекта (book).

Состав рамочных итеративных признаков, проецируемых на всю лексику предложения, формируется двумя различными способами. Если предложение содержит семантическую доминанту — слово или словосочетание, которое обобщенно представляет ситуацию, именуемую всем предложением, то тогда состав сквозных рамочных итеративных признаков задается таким словом или словосочетанием. Если семантическая доминанта, обладающая жесткими импликациями и подчиняющая себе лексику предложения, отсутствует, согласованность лексики предложения не выходит за пределы семантико-синтаксических категорий типа акт, действия, адресат, пациент и т.п. Экспликация семантических признаков, повторяющихся в лексике предложения, предполагает два этапа описания. На первом этапе выявляется структурно-синтаксическая и структурно-семантическая модели. На втором этапе констатируется рамочный итеративный признак лексики предложения. Установление семантической модели предложения выявляет категориальный состав, характеризующий такие отношения как агентивные, адресатные, инструментальные и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Эмиль. Общая лингвистика. М., 1974. 447 с.
2. При разграничении предложения и высказывания мы придерживаемся точки зрения Л.П. Чахоян, которая считает, что "Высказывание - это единица, возникающая в результате непосредственного коммуникативного процесса, а предложение - результат коммуникативного процесса, объективированного в номинативных формах". (Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М., 1979, с.24.)
3. См.: Колшанский Г.В. Проблемы коммуникативной лингвистики. - ВЯ, № 6, 1979, с.51-62.
4. См.: Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971, с.8-29.
5. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976. 383 с.
6. Чейф Уоллес Л. Значение и структура языка. М., 1975. 432с.
7. Кацнельсон С.Д. Семантико-грамматическая концепция У.Л.Чейфа. - В кн.: Уоллес Л.Чейф. Значение и структура языка. М., 1975, с.407-427.
8. Ср. анализ семантики русского "занимать", "заниматься" акад. В.В.Виноградова. Русский язык. М., 1947, с.426-427; анализ семантики to fall и др. А.А.Уфимцевой. Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977, с.77.
9. О субъектных, объектных глаголах см.: Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная,нейтральная). - В кн.: Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977, с.51-85.
10. Семантические признаки выделены на основе данных о лексическом наполнении структурно-синтаксической модели $N, 'V \cdot N_2 \cdot PN_3$, представленном в следующих словарях: The Advanced Learner's Dictionary of Current English. London, 1958; The Concise Oxford Dictionary of Current English. London, 1972; Большой англо-русский словарь. М., 1972.

БАЙКОВА З.М.
ЛГУ им.П.Стучки

ВЫДЕЛЕНИЕ СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
С МОДАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ УВЕРЕННОСТИ/ПОДТВЕРЖДЕНИЯ НА
ОСНОВЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА
(на материале современного английского языка)

При выделении синонимического ряда мы исходим из определения синонимии, предложенного В.Г.Видеманом: синонимами считаются слова смежные в своих значениях и функциях и, как таковые, способные заменять друг друга в части контекстов [1, с.37].

Предметом рассмотрения является лексико-семантическая группа, выделенная в Тезаурусе Роже под рубрикой "уверенность" и представленная наречиями или функциональными эквивалентами наречий [2, с.332-333].

Целью настоящего анализа является выделение синонимического ряда и определение степени семантической смежности рассматриваемых лексических единиц (ЛЕ), а также описание позиций, в которых они могут функционировать в предложении как модальная парентеза. В задачи настоящей работы входит также описание условий, в которых возможна взаимная замена ЛЕ выделенного синонимического ряда.

В соответствии со сформулированным выше определением синонимии анализ рассматриваемой группы проходит в два этапа: семантический анализ, где исходными данными являются словари, и функциональный анализ - на основе текстового материала.

Семантический анализ лексической группы со значением уверенности проводится следующим образом. Во-первых, вы-

полним некоторую процедуру формальной регистрации словарных данных. Во-вторых, систематизируем эти данные. В-третьих, извлечем некоторые следствия из наших систематизированных данных. Этот третий шаг является наиболее трудным. В нем в основном и состоит оригинальность работы. В результате выполнения всех трех шагов получим компактную количественную характеристику семантической смежности любых двух ЛЕ рассматриваемой лексической группы.

Первый этап семантического анализа состоит в формальной регистрации данных, которые мы находим в словарях. Методика семантического анализа разработана В.Г.Вилиманом [3, с.34-41].

Выбираем по возможности обширней и надежный набор толковых словарей и словарей синонимов. Говорим, что семантическая структура ЛЕ α содержит семантический компонент. (СК) β , если имеет место по крайней мере одно из следующих утверждений: а) в нашем наборе существует такой толковый словарь, который толкуя ЛЕ α использует ЛЕ β ; б) в нашем наборе существует такой словарь синонимов, который приводит ЛЕ β в списке синонимов ЛЕ α . Рассматривая некоторое множество ЛЕ, можем сделать следующее построение. Пусть n - объем нашего множества. Образует $n \times n$ двоичную (состоящую из нулей и единиц) матрицу. Помечаем строки матрицы элементами нашего множества ЛЕ так, чтобы каждый элемент был использован ровно раз и все строки были помечены. Помечаем столбцы матрицы ЛЕ-ами в том же порядке, в котором помечены строки. Ставим 1 на перекрестке i -той строки и j -того столбца, если семантическая структура i -той ЛЕ нашей последовательности пометкой содержит ЛЕ с номером j как семантический компонент. Ставим 0 на перекрестке i -той строки и j -того столбца в любом другом случае. В нашем случае рассматриваемым множеством ЛЕ является 42-х единичная лексическая группа со значением уверенности. При пометке матрицы использован алфавитный порядок. (Матрица I) Набор словарей состоит из 19 толковых словарей и 2 словарей синонимов [4-24]. Необходимость такого обширного набора словарей вызвана тем, что, как пра-

	15	16	17	18	19	20	21
absolutely	1000II	0010I	000II	000II	001II	001II	000II
admittedly	2000II	0010I	000II	000II	001II	001II	000II
assuredly	300III	001II	000II	000II	001II	001II	001II
at all events	4000II	0010I	000II	000II	001II	001II	000II
at any rate	5000II	0010I	000II	000II	001II	001II	000II
beyond question	600III	000II	001II	001II	000II	011II	001II
by all means	7000II	001II	000II	000II	001II	001II	001II
certainly	800III	010II	001II	001II	011II	011II	001II
clearly	9000II	001II	000II	000II	001II	001II	011II
decidedly	1000III	001II	001II	000II	001II	001II	001II
decisively	11000II	0010I	000II	000II	001II	001II	000II
definitely	12000II	001II	001II	000II	001II	001II	001II
distinctly	13000II	000II	010II	001II	000II	001II	011II
doubtless	1400III	001II	000II	000II	011II	001II	001II
doubtlessly	151010I	000II	000II	000II	001II	001II	001II
exactly	16000II	1010I	000II	000II	001II	001II	000II
incontestably	17000II	000II	101II	011II	000II	011II	001II
incontrovertibly	18000II	000II	011II	101II	000II	011II	000II
indeed	19000II	001II	000II	000II	101II	001II	001II
indisputably	2000III	001II	011II	011II	001II	101II	001II
indubitably	2100III	000II	001II	000II	001II	001II	101II
inevitably	22000II	001II	000II	000II	001II	001II	001II
infallibly	23000II	001II	001II	000II	001II	001II	001II
irrefragably	240000I	0000I	010II	001II	0000I	001II	000II
no doubt	2500III	001II	000II	000II	001II	001II	001II
of a certainty	26000II	0010I	000II	000II	001II	001II	000II
of course	27000II	001II	000II	000II	001II	001II	000II
positively	28000II	001II	001II	000II	001II	001II	001II
precisely	29000II	0010I	001II	000II	001II	001II	001II
really	300010I	000II	000II	000II	011II	001II	001II
sure	31000II	001II	000II	000II	001II	001II	001II
surely	32000II	001II	000II	000II	011II	001II	011II
to a certainty	33000II	001II	000II	000II	001II	001II	000II
truly	34000II	001II	000II	000II	011II	001II	001II
undeniably	35000II	000II	001II	001II	000II	010II	000II
undoubtedly	3600III	001II	001II	001II	001II	011II	011II
unequivocally	37000II	001II	001II	000II	001II	001II	001II
unmistakably	380000I	0000I	001II	000II	0000I	001II	001II
unquestionably	39010II	001II	001II	001II	001II	011II	011II
without doubt	4000III	001II	001II	001II	001II	011II	011II
without fail	41000II	001II	000II	000II	001II	001II	001II
without question	4200III	001II	000II	000II	001II	001II	001II

	22	23	24	25	26	27	28
absolutely	100III	00III	0000I	00III	00I0I	00III	00III
admittedly	200III	00III	0000I	00III	00I0I	00III	00III
assuredly	300III	00III	0000I	01III	00III	00III	01III
at all events	400III	00III	0000I	00III	00I0I	00III	00III
at any rate	500III	00III	0000I	00III	00I0I	00III	00III
beyond question	6000II	000II	000II	00III	000II	000II	000II
by all means	700III	00III	0000I	00III	00III	01III	00III
certainly	80III	01III	000II	01III	0I0II	01III	01III
clearly	900III	00III	0000I	00III	00III	00III	00III
decidedly	1000III	00III	000II	00III	00III	00III	00III
decisively	1100III	00III	0000I	00III	00I0I	00III	00III
definitely	1200III	00III	000II	00III	00III	00III	00III
distinctly	13000II	01III	00I0I	00III	000II	000II	0I0II
doubtless	1400III	00III	0000I	01III	00III	00III	00III
doubtlessly	15000II	000II	0000I	00III	000II	000II	000II
exactly	1600III	00III	0000I	00III	00I0I	00III	00III
incontestably	17000II	00III	0I0II	000II	000II	000II	00III
incontrovertibly	18000II	000II	00. II	000II	000II	000II	000II
indeed	1900III	00III	0000I	00III	00III	00III	00III
indisputably	2000III	00III	00III	00III	00III	00III	00III
indubitably	2100III	00III	000II	00III	000II	000II	00III
inevitably	22I0III	00III	0000I	00III	00III	01III	00III
infallibly	2300III	I0III	000II	00III	00III	00III	00III
irrefragably	240000I	000II	I0I0I	0000I	0000I	0000I	000II
no doubt	2500III	00III	0000I	I0III	00III	00III	00III
of a certainty	2600III	00III	0000I	00III	I0I0I	00III	00III
of course	2700III	00III	0000I	00III	00III	I0III	00III
positively	2800III	00III	000II	00III	00III	00III	I0III
precisely	29000II	00III	000II	00III	00I0I	00III	00III
really	30000II	000II	0000I	00III	000II	000II	000II
sure	3100III	00III	0000I	00III	00III	00III	00III
surely	3200III	01III	0000I	01III	00III	00III	00III
to a certainty	33000II	00III	0000I	00III	00III	00III	00III
truly	3400III	00III	0000I	00III	00III	00III	00III
undeniably	35000II	000II	000II	000II	000II	000II	000II
undoubtedly	3600III	00III	000II	01III	00III	00III	00III
unequivocally	3700III	00III	000II	00III	00III	00III	00III
unmistakably	380000I	00III	000II	000II	0000I	0000I	00I0I
unquestionably	3900III	00III	000II	01III	00III	00III	00III
without doubt	4000III	01III	000II	01III	00III	00III	00III
without fail	4100III	01III	0000I	00III	00III	00III	00III
without question	4200III	00III	0000I	00III	00III	00III	00III

	35	37	38	39	40	41	42
absolutely	100III	00III	0000I	00III	00III	00III	00III
admittedly	200III	00III	0000I	00III	00III	00III	00III
assuredly	300III	00III	0000I	00III	00III	00III	00III
at all events	400III	00III	0000I	00III	00III	00III	00III
at any rate	500III	00III	0000I	00III	00III	00III	00III
beyond question	600III	000II	0000I	00III	00III	000II	00III
by all means	700III	00III	0000I	00III	00III	00III	00III
certainly	800III	00III	0000I	00III	00III	00III	00III
clearly	900III	00III	0000I	00III	00III	00III	00III
decidedly	1000III	00III	0010I	00III	00III	00III	00III
decisively	1100III	00III	0000I	00III	00III	00III	00III
definitely	1200III	00III	0010I	00III	00III	00III	00III
distinctly	1300III	010II	010II	00III	010II	00III	000II
doubtless	1400III	01III	0000I	01III	01III	00III	00III
doubtlessly	1500III	000II	0000I	010II	00III	000II	00III
exactly	1600III	00III	0000I	00III	00III	00III	00III
incontestably	1700III	00III	0010I	00III	00III	000II	000II
incontrovertibly	1800III	00III	0000I	00III	00III	000II	000II
indeed	1900III	00III	0000I	00III	00III	00III	00III
indisputably	2000III	00III	0010I	01III	01III	00III	00III
indubitably	2100III	00III	0010I	01III	01III	00III	00III
inevitably	2200III	00III	0000I	00III	00III	00III	00III
infallibly	2300III	00III	0010I	00III	01III	01III	00III
irrefragably	240000I	000II	0000I	000II	000II	0000I	0000I
no doubt	2500III	00III	0000I	01III	01III	00III	00III
of a certainty	2600III	00III	0000I	00III	00III	00III	00III
of course	2700III	00III	0000I	00III	00III	00III	00III
positively	2800III	00III	0010I	00III	00III	00III	00III
precisely	2900III	00III	0010I	00III	00III	00III	00III
really	3000III	000II	0000I	010II	00III	000II	00III
sure	3100III	00III	0000I	00III	01III	00III	00III
surely	3200III	00III	0000I	00III	01III	00III	00III
to a certainty	3300III	00III	0000I	00III	00III	00III	00III
truly	3400III	00III	0000I	00III	00III	00III	00III
undeniably	3500III	000II	010II	00III	00III	000II	000II
undoubtedly	3610III	00III	0000I	01III	01III	00III	01III
unequivocally	3700III	10III	0010I	00III	00III	00III	00III
unmistakably	38000II	0010I	1010I	000II	00III	000II	0000I
unquestionably	3900III	00III	0000I	10III	01III	00III	01III
without doubt	4000III	00III	0010I	01III	10III	01III	00III
without fail	4100III	00III	0000I	00III	01III	10III	00III
without question	4200III	00III	0000I	01III	00III	00III	10III

вило, словари уделяют наречиям очень мало внимания.

На втором этапе семантического анализа систематизируем словарные данные.

Если у нас на предыдущем этапе зарегистрировано толкование ЛЕ α через ЛЕ β , то тем самым зарегистрирована непустота пересечения областей значений этих ЛЕ. Так как пересечение во всех случаях жизни есть отношение симметричное, то разумно заключить, что толкование ЛЕ β через ЛЕ α равно также обосновано, как зарегистрированное словарем толкование ЛЕ α через ЛЕ β . Например, словарь толкует ЛЕ *doubtless* через ЛЕ *certainly*. На этом основании находим возможным толковать ЛЕ *certainly* через ЛЕ *doubtless*. Таким образом, каждое зарегистрированное словарем толкование индуцирует ему симметричное. Представляется очевидным, что матрица выше описанного вида определенная множеством индуцированных толкований есть результат транспонирования оригинальной матрицы. Булева (логическая) сумма этих двух матриц есть матрица, соответствующая множеству исходных и индуцированных толкований (Матрица 2).

Указанная процедура позволяет полнее выявить семантическую структуру рассматриваемых ЛЕ. Например, для ЛЕ *certainly* на основе словарных дефиниций выделено 13 СК, а симметризация матрицы помогает выявить еще 18 СК; для ЛЕ *assuredly* словари дают 8 СК, а при симметризации матрицы выявляется еще 5 СК и т.д.

По количеству СК в семантической структуре рассматриваемых ЛЕ первое место занимает *certainly* с 31 СК. *Assuredly*, *without doubt*, *unquestionably* имеют по 13 СК в своей семантической структуре, *undoubtedly* - 12 СК и т.д. Следовательно, предварительно мы можем считать, что ЛЕ *certainly* может служить словом-идентификатором выделяемого синонимического ряда, его доминантой, так как мы установили, что оно отвечает, по крайней мере, одному из требований, предъявляемых к доминанте - обладает самым общим значением. Как известно, чем больше число СК, входящих в семантическую структуру ЛЕ, тем более общим является значение этой ЛЕ.

Переходим к третьему этапу анализа. При сохранении основных принципов методики выделения синонимического ряда, разработанной В.Г. Вильманом, в настоящей работе использована другая формальная процедура определения меры семантической смежности. Последняя заимствована из работы Э. Свилана [25] .

Определим семантическую связь (СемС) степени k между ЛЕ нашего ряда. Говорим, что между ЛЕ α и ЛЕ β существует СемС степени 0 тогда и только тогда, когда $\alpha = \beta$. Говорим, что между ЛЕ α и ЛЕ β существует СемС степени 1, тогда и только тогда, когда семантическая структура ЛЕ α содержит СК β или наоборот. Говорим, что между ЛЕ α и ЛЕ β существует семантическая связь степени 2 тогда и только тогда, когда в нашем ряду существует такая ЛЕ, что а) семантическая структура ЛЕ α содержит СК γ или наоборот и б) семантическая структура ЛЕ γ содержит СК β или наоборот. Вообще говорим, что между ЛЕ α и ЛЕ β существует СемС степени k тогда и только тогда, когда существует такая последовательность $\gamma_0, \gamma_1, \dots, \gamma_k$ ЛЕ ряда, что а) $\gamma_0 = \alpha$, б) $\gamma_k = \beta$, в) для каждого i из множества $\{1, \dots, k\}$ семантическая структура ЛЕ γ_{i-1} содержит СК γ_i или наоборот.

Определим матрицы $P_0, P_1, \dots, P_k, \dots$ следующим образом. Матрица P_k есть $n \times n$ матрица. Строки и столбцы матрицы P_k помечены так же, как строки и столбцы до этого описанных матриц. Пусть v_1, v_2, \dots, v_n есть используемая последовательность пометок. На перекрестке i -той строки и j -того столбца матрицы P_k стоит 1, если между ЛЕ v_i и ЛЕ v_j существует СемС k -той степени. На пересечении i -той строки и j -того столбца матрицы P_k стоит 0 во всех других случаях. Легко заметить, что матрица P_k есть не что иное, как k -тая степень матрицы построенной на втором этапе анализа.

Для завершения нашего построения возьмем несколько первых матриц из последовательности $P_0, P_1, \dots, P_k, \dots$. Пусть это будут матрицы P_0, P_1, \dots, P_m (в нашем конкретном случае $m = 4$). Построим новую $n \times n$ матрицу,

называемую матрицей семантической смежности, следующим образом. На перекрестке i -той строки и j -того столбца матрицы семантической смежности поставим цепочку длиной $m + 1$ элементов матриц P_0, P_1, \dots, P_m , стоящих на перекрестке i -тых строк и j -тых столбцов в своих матрицах. (Матрица 3).

Степень семантической смежности каждой пары ЛЕ на матрице семантической смежности охарактеризована последовательностью пяти цифр. Рассмотрим пару ЛЕ *unequivocally*, *unmistakably*. На перекрестке строки, помеченной ЛЕ *unequivocally* и столбца, помеченного ЛЕ *unmistakably*, находим 00101. Первый ноль показывает, что *unequivocally* \neq *unmistakably*. Второй ноль показывает, что а) никакой из наших словарных словарей не использует *unmistakably* толкуя *unequivocally* и не использует *unequivocally*, толкуя *unmistakably*. б) Никакой из наших словарей синонимов не приводит *unmistakably* в списке синонимов *unequivocally* и наоборот. Единица на третьем месте указывает на существование, например, цепочки *unequivocally, distinctly, unmistakably* где а) *distinctly* толкуется через *unequivocally* и б) *distinctly* толкуется через *unmistakably*. Ноль на четвертом месте указывает на отсутствие подобной цепочки длины 4. Единица на пятом месте указывает на существование, например, цепочки *unequivocally, certainly, indisputably, undeniably, unmistakably*, где а) *unequivocally* толкуется через *certainly* б) *indisputably* через *certainly* в) *undeniably* через *indisputably* г) *undeniably* через *unmistakably*.

Рассмотрим полученную матрицу семантической смежности. Если не учитывать связь ЛЕ самих с собою, то самая большая мера семантической смежности представлена СемС степеней 3, 3, 4 (QIII), а самая малая мера семантической смежности представлена СемС 4-ой степени (OOOOI), например, самой малой мерой семантической смежности обладает пара ЛЕ *without question, of a certainty*, самой малой - *without question, irrefragably*. Все 1722 пары ЛЕ можно

сгруппировать по мере семантической смежности, варьирующей в указанных пределах, однако для практических целей такая группировка вряд ли нужна, так как сама Матрица 3 более удобна для справок. Рассмотрим только степень семантической смежности рассматриваемых ЛЕ со словом - идентификатором *certainly*. По степени смежности с доминантой можно выделить четыре группы ЛЕ. СемС 1,2,3,4 степени (OIII) обладают 22 ЛЕ из 41: *assuredly, by all means, clearly, decidedly, definitely, doubtless, indeed, indisputably, inevitably, infallibly, no doubt, of course, positively, sure, surely, to a certainty, truly, undoubtedly, unquestionably, without doubt, without fail, without question.*

СемС 1,2 и 4 степени (OIOII) обладают 8 ЛЕ: *absolutely, admittedly, at all events, at any rate, decisively, exactly, of a certainty, precisely.*

СемС 2,3 и 4 степени (OOIII) обладают 8 ЛЕ: *beyond question, distinctly, doubtlessly, incontrovertibly, indubitably, really, undeniably, unequivocally.*

СемС 3 и 4 степени (OOOII) обладают 3 ЛЕ: *incontestably, irrefragably, unmistakably.*

Таким образом все ЛЕ связаны с доминантой СемС, степень которой варьируется в указанных пределах.

Матрица 3 показывает, что нет ни одной пары ЛЕ, которая не обладала бы семантической смежностью.

Итак, все рассматриваемые ЛЕ удовлетворяют первому условию синонимии.

Второй этап анализа - выявление функциональной общности - проводится на текстах. Использовались тексты трех функциональных стилей: художественный стиль (две выборки по 800 000 словоупотреблений), научный и публицистический стиль (по одной выборке по 800 000 словоупотреблений)¹.

¹ Использовались художественные произведения современных английских и американских авторов, научные тексты из книг и журналов (20 в.) и газетные тексты (70-е годы).

Рассматриваемые лексические единицы используются в предложениях как модальная парентеза. Функциональная общность проявляется как наличие у них следующих синтаксических характеристик: 1) синтаксической изолированности (полной или частичной). 2) употребительности в определенной синтаксической позиции.

Было выделено четыре позиции для предложений с отчетливо выраженной синтаксической структурой: препозиция и постпозиция относительно предложения, препозиция, интерпозиция относительно сказуемого (Pr(S), Post(S), Pr(P), I(P)).

В результате анализа текстов по четырем выборкам было выделено 3115 примеров употребления в функции модальной парентезы 27 ЛЕ рассматриваемой семантической группы из первоначального числа - 42 ЛЕ: *absolutely, admittedly, assuredly, at all events, at any rate, by all means, certainly, clearly, decidedly, definitely, doubtless, exactly, indeed, indubitably, infallibly, no doubt, of course, positively, precisely, really, sure, surely, truly, undeniably, undoubtedly, unquestionably, without doubt.*

Полученные нами данные ограничены размерами выборки, поэтому остальные 16 ЛЕ, не встретившиеся в нашей выборке, можно считать потенциальными синонимами, хотя во многих случаях есть и другие причины, кроме ограниченного размера выборки, которые препятствуют их фактическому вхождению в синонимический ряд, такие как устарелость для современного языка (*to a certainty, of a certainty*), наличие конкуренции со стороны лексико-семантических вариантов (ЛСВ) в сочетании с низкой частотностью употребления (*inevitably, indisputably*). Возможна также конкуренция со стороны более употребительного однокоренного слова (*doubtlessly, испытывает конкуренцию со стороны doubtless*).

Введем понятие достаточной меры семантической смежности. Мы будем считать семантическую смежность двух ЛЕ достаточной, если они обладают СемС \geq степени 2.

Исходя из сказанного сформулируем условие синонимичности для рассматриваемых ЛЕ: синонимами являются ЛЕ, обладающие достаточной мерой семантической смежности, выполняющие в предложении функцию модальной парентезы, употребительные в одних и тех же позициях и одном и том же функциональном стиле.

Как правило, возможна взаимная замена пары ЛЕ, отвечающих перечисленным условиям синонимии.

Рассмотрим пару ЛЕ: *assuredly, doubtless*, имеющих СемС степени I, 2, 3, 4 (OIII). Эти ЛЕ являются синонимами в трех позициях Pr(S), Pr(P), I(P) в одном функциональном стиле - художественном. (см. Таблицу позиционных характеристик этих ЛЕ) Рассмотрим возможность их взаимной замены в произвольно выбранной паре предложений:

/1/ "She might have been in danger."

"She assuredly would have been in danger!"

/2/ There doubtless was her informant concerning the condition of Alice. /I. Christie, Funerals Are Fatal, p. 183 /
/I. Murdock, The Unicorn, p. 85/

Произведем взаимную замену:

/1/ "She might have been in danger."

"She doubtless would have been in danger!"

/2/ There assuredly was her informant concerning the condition of Alice.

В результате замены мы получим отмеченные предложения, семантически и грамматически адекватные исходным предложениям. При вышепроизведенной замене принималась во внимание СемС степени I. Рассмотрим содержательную сторону СемС степени 2. Она может быть образована пятью разными способами: через *certainly, no doubt, sure, unquestionably, without doubt*.

В препозиции относительно сказуемого употребительны три из них: *certainly, sure, no doubt*. (см. Таблицу).

Произведем замену:

ПОЗИЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕ assuredly, doubtless, certainly, no doubt, sure, unquestionably, without question.

ЛЕ	ПО- ЗИЦИИ	ФУНКЦИОН. СТ.	худ.	научн.	публ.
assuredly	Pr(S)		66,66	-	-
doubtless			51,28	66,66	40,00
certainly			24,55	26,15	29,85
no doubt			40,32	21,42	33,33
sure			82,83	-	-
unquestionably			-	-	-
without doubt			50,00	-	-
assuredly	Post(S)		-	-	-
doubtless			2,56	-	-
certainly			4,62	-	I,44
no doubt			-	-	-
sure			24,19	3,57	II,II
unquestionably			0,74	-	-
without doubt			-	-	-
assuredly	Pr(P)		16,66	-	-
doubtless			17,94	33,33	-
certainly			34,16	18,40	24,60
no doubt			-	-	-
sure			9,67	21,40	33,33
unquestionably			11,19	-	-
without doubt			-	-	-
assuredly	I(P)		16,66	-	-
doubtless			25,64	60,00	-
certainly			32,38	55,38	39,13
no doubt			25,00	100,00	-
sure			12,90	22,22	53,57
unquestionably			2,98	-	-
without doubt			-	-	-

/1'/'She	certainly no doubt sure	would have been in danger"
/2'/'There	certainly no doubt sure	was her informant concerning...

В результате замены получили отмеченные предложения, что говорит в пользу того, что сформулированное условие синонимии является достаточным.

РЕЗЮМЕ

Все ЛЕ выделенной в Тезаурусе Роже лексико-семантической группы обладают большей или меньшей мерой семантической смежности.

Целый ряд ЛЕ практически не используется для выражения модального значения уверенности.

Степень активности ЛЕ весьма различна, что проявляется в том, что ЛЕ принадлежит к синонимическому ряду, однако употребительная не во всех функциональных стилях и не во всех возможных позициях.

ЛИТЕРАТУРА

1. В и л ю м а н В.Г. Существительные-синонимы в английском языке. Л., 1972. 56 с.
2. Roget's International Thesaurus. New York, 1964. 1256 p.
3. В и л ю м а н В.Г. Про синонимы. - Известия филология, 1967, вып.12.
4. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. London, 1963. 1199 p.
5. Cassel's English Dictionary. London. New York, 1982. III Op
6. The Century Dictionary. An Encyclopedic Lexicon of the English Language. London. New York, 1889-1900, vol. I - 8, 7046 p.
7. Chamber's Twentieth Century Dictionary. London, 1956. 1359 p.

8. The Concise Oxford Dictionary of Current English. London, 1956. 1535 p.
9. A Dictionary of Contemporary American Usage. New York, 1957. 567 p.
10. A Dictionary of English Synonyms and Synonymous Expressions by Richard Soule. Boston, 1959. 614 p.
11. Funk and Wagnalls New Standard Dictionary of the English Language. New York, 1956. 2762 p.
12. Funk and Wagnalls Standard Dictionary of the English Language. New York, 1963, vol. I - 2. 1505 p.
13. Macmillan's Modern Dictionary. New York, 1947. 1694 p.
14. The New Webster Encyclopedic Dictionary of the English Language Including a Dictionary of Synonyms. Chicago, 1973. 1326 p.
15. The Random House American Everyday Dictionary. New York, 1961. 570 p.
16. The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Oxford, 1956. 2515 p.
17. Webster's Dictionary of Synonyms. Springfield, Mass., 1951. 907 p.
18. Webster's New International Dictionary. Springfield, Mass., 1925. 2620 p.
19. Webster's New International Dictionary of the English Language. London, 1959, vol. I - 2. 3194 p.
20. Webster's Seventh Collegiate Dictionary. Springfield, Mass., 1967. 1219 p.
21. Webster's Twentieth Century Dictionary of the English Language. New York, 1938. 1956 p.
22. Webster's Unified Dictionary and Encyclopedia. New York, 1959. 4799 p.
23. The Universal Dictionary of the English Language. London, 1936. 1439 p.
24. The Oxford English Dictionary. Oxford Univ. Press, 1933, vol. I - 12.

БАНКАВ А.Я.

ЛГУ им. П. Стучки

К ВОПРОСУ О ФРАНЦУЗСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ

Словарный состав латышского языка в ходе своего исторического развития пополнился и пополняется многими заимствованиями из западноевропейских языков. Французский язык обладает не только наиболее высоким престижем среди других романских языков, но и сыграл немаловажную роль в обогащении лексического фонда современного латышского языка. Если из английского языка в латышский проникло свыше 800 лексических единиц /по данным Ю. Балдунчика/ [1, с. 60], с немецкого — около 700 единиц /по данным А. Осола/ [2, с. 121], то количество галлицизмов в современном латышском языке только по данным Словаря иностранных слов [3] превышает 2000 единиц, без учета аналитизмов /типа *darīt godu* "делать честь" < франц. *faire honneur* и др./; фразеологизмов /типа *medus mēnesis* "медовый месяц" < франц. *lune de miel*; *nosist laiku* "убить время" < франц. *tuer le temps* и др./ . В количественном отношении галлицизмы уступают только заимствованиям из классических /греческого и латинского/ языков.

Особенностью слов романского происхождения в латышском языке является тот факт, что в преобладающем большинстве случаев, они проникли не прямым путём, а через языки-посредники. В роли языка-посредника выступали либо немецкий, либо русский, а нередко оба языка. Чтобы выяснить,

который именно из этих языков служил посредником в каждом конкретном случае, необходимы дополнительные этимологические исследования.

В научной литературе различаются три основные типа иноязычных слов (см., например, [4, с. 45]), а именно: иноязычные вкрапления, экзотическая лексика и заимствованные слова. Все эти типы встречаются и в современном латышском языке.

Французские вкрапления представляют собой транспозицию слов, выражений, сочетаний слов французского языка в латышский язык без каких-либо изменений. Вкрапления будут "чисто" иноязычными и по существу не замкнутыми группами слов в системе латышского языка являются также морфологически неделимыми. Они могут быть распределены по двум подгруппам. Первую подгруппу составляют вкрапления интернационального характера и они обычно регистрируются в Словарях иностранных слов. Словарь иностранных слов латышского языка [3] из 750 иноязычных вкраплений, которые встречаются в художественной литературе, регистрирует 90 /т.е. 12% / вкраплений французского происхождения, например: à la carte, à la lettre, à livre ouvert, à part, en face, en gros, tête-à-tête и др.

Во вторую подгруппу входят окказиональные вкрапления: слова, словосочетания, отрывки фраз, используемые писателями /как правило, не французских или франкоязычных/, "для создания определенного колорита для выделения какой-нибудь черты, специфика которой в значительной мере утрагится, если соответствующее слово заменить его переводом [4, с. 49]. Например, чешский путешественник Мирослав Стингл, описывая судьбу французских заключенных в Новой Каледонии в конце прошлого века пишет /перевод с чешского/: Jau Francijā tie, kuriem bija piespriesti spaidu darbi Jaunkaledonijā, tika sadalīti trijās dažādās kategorijās. ..pirmās kategorijas forģats varēja izciest sodu, strādājot pie eiropiešu iecelotājiem. ..Un, ja nelaimīgais bija notiesāts

uz vairāk nekā astoņiem gadiem spaidu darbos, viņš nekad vairs nevarēja atstāt Jaunkaledoniju. Šos bijušos, tagad jau personīgi brīvos arestantus dēvēja par libérés. Bez foršats un libérés šeit ieradās vēl nelabojami recidīvis-
ti, no kuriem Francija gribēja atbrīvoties.. [5, с.65],
/См. также произведения Л.Н.Толстого "Война и мир", "Се-
вастопольские рассказы" и др., где широко использованы
французские вкрапления/.

В отдельных случаях некоторые вкрапления могут пе-
рейти в другую группу, т.е. в группу экзотической лексики.
Например, Словарь иностранных слов [3] регистрирует сре-
ди вкраплений и слово maître со значением "мастер, учи-
тель". Однако в отдельных переводах на латышский язык
встречается и форма mētre в значении "титул адвоката,
нотарюса" в частности в переводе романа Э.Триоле "Розы в
кредит" /перевод с французского Э.Остерста/: .. notārs
mētre Valate ziņoja par mātes nāvi. (262.lpp.)
Mētre Valate jau ākita gluži sirms.. (266. lpp.)
Mētre Valate tagad vairs pildīja tikai notāra pienāku-
mus (270.lpp.).
Mētre Valate atvēra durvis (270.lpp).

Ко второму типу заимствованной лексики французского
происхождения относятся экзотизмы. Большинство экзо-
тизмов в языке-реципиенте /в данном случае/ не соответ-
ствует цельнооформленный смысловой эквивалент, поэтому в
словарях для пояснения их значения даны описательные обо-
роты. Эти единицы являются полностью освоенными семанти-
чески и обозначают специфические явления, свойственные
только для жизни Франции, например:

- названия денежных единиц (denjē < denier; ekijs, eki <
écu; franka < franc; luidors < Louis d'or);
- названия месяцев французского революционного кален-
даря: (brimēre < brumaire; termidors < thermidor);
- названия лиц по различным профессиональным, социаль-
ным, родственным признакам: (boši < Bochea; kirē < curé;

mešjē < monsieur; mētrš < maître; rantjē < rentier; senešāls < sénéchal; truveri < trouvère);

- названия исторических событий и/или участников этих событий (franktireri < franc-tireurs; hugenoti < huguenots; jakobiņi < Jacobins; montaņeri < montagnards; šuāni < chouans).

Экзотизмы имеют ограниченную сферу употребления. Они встречаются в переводах художественной литературы, в публицистике и в оригинальных произведениях о Франции и о франкоязычных странах, чтобы придать повествованию своеобразную национально-историческую окраску.

При расширении своих значений некоторые экзотизмы могут терять свою "экзотичность" и превращаются в полноценные заимствования. Например, в буржуазной Латвии

существовала денежная единица santīms /слово восходящее к французскому centime/. В настоящее время santīms ассоциируется у носителей латышского языка скорее в значении "1/100 часть лата" нежели в значении "1/100 часть франка", что, видимо, можно объяснить тем, что французское centime обозначает мелкую денежную единицу /1 копейка равна 6 французским сантимам/ и поэтому в текстах появляется очень редко по сравнению с франком, основной денежной единицей. Таким образом в латышском языке слово centime "1/100 часть франка" является экзотизмом, а в значении "1/100 часть лата" - заимствованием из французского языка.

В полисемное слово постепенно превращается и sabo /восходящее к французскому sabot /, что продиктовано, вероятно, требованиями моды (ср. рекламное объявление: "Pirmais Maijs" ievaka kājas pārgērbt ērtās džinsu sabo (Padomju Jaunatne, 27-12-75).

Основную группу составляют заимствованные слова французского происхождения. По сравнению с предыдущими группами эта часть заимствований уже не находится на периферии заимствованной лексики, а пополняет словарный состав латышского языка по различным тематическим группам, как напр.:

- термины авиационной промышленности (aviēts < aviette; diri-
žablīs < dirigeable; fīselšļa < fuselage; lonģerona < longeron);
- термины машиностроения (maņšeta < manchette; ģīklērs < gic-
leur);
- термины технологии (linete < lunette; puansons < poignon; re-
lejs < relais; tamponāža < tamponage);
- термины геологии, геодезии и гидрологии (ekers < équerre;
kartāis < cartage; pikets < piquette; plato < plateau; svīta
suite; šarjāis < charriage; voklīns < Vauslune);
- термины химии (bīrete < burette; dekantēt < décanter; pipete <
pipette);
- термины мореходства (abordaža < abordage; kabotāža < cabotage;
paravāns < paravent);
- военная терминология (bataljona < bataillon; brigāde < briga-
de; desertieris < déserteur; kaprālis < caporal; karabīne <
carabine; parole < parole; patrūls < patrouille);
- политическая терминология (buržuāzija < bourgeoisie; demisija <
démission; diplomāts < diplomate);
- медицинская терминология (gripa < grippe; karantīna < quaran-
taine; šoks < choc);
- спортивная терминология (bress < brasse; riposte < riposte;
rokāde < rocade; traverss < traversée);
- юридическая терминология (arbitrāža < arbitrage; dezavuet <
désavouer);
- термины архитектуры (donžons < dongon; fasāde < façade; kolo-
nāde < colonnade; statuete < statuette; terase < terrasse);
- термины искусства (impresionisms < impressionisme; moder-
nisms < modernisme; peizāža < paysage; retuša < retouche);
- термины театрального искусства (debijs < début; galā < gala;
piruete < pirouette; premjēra < première; repertuārs < reper-
toire; rēvija < revue; sižets < sujet);
- термины моды (bluzons < blouson; dekolētē < décolleté; mane-
kens < manequin);
- кулинарная терминология (delikatese < délicatesse; deserts <
dessert; fileja < filet; karbonāde < carbonade);

Термины литературоведения (farsa < farce; intriga < intrigue; portrets < portrait; refrēns < refrain; rondo < rondeau; žanrs < genre);

лингвистические термины (argo < argot; kalambūra < calembour; kalka, kalke < calque; žargons < jargon);

термины текстильной промышленности (kreps < crêpe; mulinē < moulinet; muslins < mousseline; tilla < Tulle);

общеупотребительная лексика (balle < bal; šoferis < chauffeur).

Кроме того, многие галлицизмы обладают несколькими значениями, относящимися к разным тематическим группам. Например, слово *replika* "реплика", заимствованное из французского *réplique*, имеет следующие значения /по данным Словаря иностранных слов/ [3, с.62]:

1. краткое возражение, ответ;
2. замечание с места /на съезде, собрании/;
3. последние слова фразы одного актера, волею за которыми другой актер произносит следующие по ходу пьесы;
4. муз. повторение музыкальной фразы другим голосом или в другой тональности;
5. повторное художественное произведение, сделанное самим автором произведения /в отличие от копии/.

Следовательно, различные лексико-семантические варианты слова *replika* распределяются по нескольким тематическим группам общеупотребительной и специальной лексики /театр, живопись, музыка/. Сходное положение и у существительного *gerģize*, восходящего к французскому *gerģise*, значения которого относятся и к терминам спорта /фехтование; конный спорт/ и к терминам музыки и театрального искусства. Необходимо отметить, что вышеприведенное распределение не является исчерпывающим. Влияние французского языка явилось важным фактором в развитии литературных языков европейского ареала и поэтому трудно найти такую область современного латышского языка, где не было бы хоть

несколько замечаний из французского языка. Многие галлицизмы прочно вошли в систему латышского языка, ибо "в языке адаптируется и остается лишь то, что соответствует общей линии его развития и в какой-то мере "укладывается" в уже имеющиеся у него модели" [6, с.107].

ЛИТЕРАТУРА

1. B a l d u n š i k s J. Anglicismu aizgūšanas pamatīdzes latviešu valodā. LPSR ZA Vēstis, 1979, №3 (360), 59-71. lpp.
2. L a u s A. Latviešu leksikoloģija. R., 1969. 254 lpp.
3. Svešvārdu vārdnīca. 2. izd. R., 1978. 771 lpp.
4. К р и с и н Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968. 208 с.
5. S t i n g l e M. Melnās valas. R., 1979. 204 lpp.
6. Я р ц е в а В.Н. Компоненты романского влияния нао германские языки. - В кн.: Актуальные проблемы современной романистики. Л., 1975, с.107-108.

ГУСЕВА Т.А.

ЛГУ им.П.Стучки

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СУФФИКСАЛЬНОГО
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СТАНДАРТНОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И В
ПРОСТОРЕЧИИ

При рассмотрении языка как явления общественного неизбежно возникает проблема того, как в нем отражается социальная организация и социальная дифференциация общества.

При исследовании социально-маркированные формы обозначаются терминами "диалект", "жаргон", "арго", "сленг" или родовым термином "просторечие".

Под термином "просторечие" или "нестандартный английский язык" в данной работе понимаем, вслед за В.А.Хомяковым [1, с.6], экспрессивное просторечие, объединяющее "низкие" коллоквиализмы и также общие сленгизмы, и социально-профессиональное просторечие, объединяющее профессиональные и корпоративные жаргонизмы¹ и кэнтизмы.

Основанием для выделения и совместного анализа единиц этих двух пластов просторечия может быть тот факт, что они тесно взаимосвязаны. Их объединяют, во-первых, некоторые общие тенденции эволюции арго и жаргонов к сленгу [2, с.56], во-вторых, присущая им общая (для "низких" коллоквиализмов и профессиональных жаргонизмов) или пейоративная (для общих сленгизмов и корпоративных жаргонизмов) экспрессия [1, с.6].

¹ В последнем случае речь идет о просторечных единицах с пометой типа "Student use", "Army use", "Addict use" в Dictionary of American Slang [3]. Исследование не охватывает локального или территориального просторечия и вне-литературного просторечия как своеобразного интердиалекта необразованных и малообразованных людей. В работе не рассматриваются кэнтизмы и вульгаризмы.

Проблема просторечия, связанная с изучением функционирования языка в различных слоях общества и профессиональных группах, представляет не только теоретический интерес в смысле отражения в языке социальной дифференциации общества, но имеет большое практическое значение, ибо разрешение вопроса, входит ли просторечие в языковую норму или остается за ее пределами, необходимо ли регистрировать лишь то, что является литературной нормой или также то, что внешне отходит от нее, облегчит разрешение многих лексических, лексикографических и методических проблем.

Вместе с тем, следует подчеркнуть чрезвычайную сложность проблемы просторечия в методологическом плане, связанную с выделением самого понятия, сложностью и обилием порой лексикографически неопisanного и этимологически неизученного материала, что объективно затрудняет интерпретацию языковых процессов, характеризующих просторечное словотворчество.

Исходя из концепции языка как общественного явления, советские и зарубежные лингвисты неоднократно обращались к исследованию просторечного языкового слоя, однако, эти исследования, в основном, касались социально-диалектальной стратификации просторечия, рассматриваемого в качестве одного из источников пополнения словарного состава стандартного английского языка [1; 3; 4; 5; 6], а также некоторых отдельных способов образования новых слов в просторечии [3; 7]. Что же касается системного рассмотрения способов образования просторечных единиц, выявления специфики словообразовательных процессов в просторечии, то эту область пока нельзя считать разработанной.

В плане сравнения тенденций, характеризующих просторечие, с тенденциями, отраженными литературной нормой, в статье рассматриваются следующие вопросы:

1. Сопоставительный анализ моделей суффиксального словообразования имен лица в стандартном английском языке и в просторечии.

2. Характеристика некоторых специфических словообразовательных средств просторечного слоя английского языка.

Материалом для исследования послужила сплошная выборка существительных со значением лица по Dictionary of American Slang [3], так как с точки зрения предметной определенности существительные, относящиеся к предметно-познавательной сфере человека в более широком смысле и имена лица в более узком, представляют самую многочисленную группу среди всех просторечных единиц, причем префиксальные дериваты представлены лишь единичными производными, а преобладающим структурным типом является суффиксальная деривация.

Из сопоставительного анализа суффиксального инвентаря, избираемого основами при образовании производных имен лица в литературном стандарте [8, с.6] и в просторечии очевидно, что образование новых слов в просторечии осуществляется по некоторым общим для стандартного английского языка и просторечия моделям; по моделям, характерным исключительно для просторечия; по моделям переходного типа, существующим в литературном стандарте, но характеризующимся особенно высокой продуктивностью в просторечии.

Общими для стандартного и просторечного словообразования являются модели имен лица с суффиксами германского происхождения: -er (О.Б. -ere): hasher "a waiter or waitress who serves food at a restaurant or lunch counter"²; gasser "a loquacious or boastful person", junker "one addicted to any narcotic drug"; -ie/-ey/-y³ (О.Б. -ig): greenie "a newcomer, a greenhorn", Kriegie "an American prisoner of war in a German prisoner of war camp", junkie/junky "a drug addict", patsy "a weak or cowardly man"; -ster (О.Б. -istre/-istре/-est-э): dopester "one who gathers data on past

¹ Рассмотрение этих моделей требует дополнительного исследования. Поэтому в данной работе они не анализируются.

² Дефиниции даны по Dictionary of American Slang, далее DAS [3].

³ В приложении к DAS суффиксальная морфема -ie/-ey/-y представлена авторами в виде ряда языковых вариантов: -ie/-ey/-y/-sie/-sey/-sy, причем суффикс -s в Fats "a nickname for a fat person", Pops "a nickname or a term of address applied to any elderly man" рассматривается в качестве сокращенной формы суффиксальной алломорфемы -sie/-ey/-sy.

events in order to predict the results of the future ones, esp. one who forecasts the results of the sporting events", hipster "one who is hip or hep, a member of the beat generation"; -ling (O.E., -ling): yearling "at West Point, one who has begun his second year of studies".

Модели просторечных производных с суффиксами -er и -ie/-ey/-y характеризуются особенно высокой продуктивностью, соответственно 252 и 105 единиц в выборке.

Что же касается суффиксов литературного стандарта негерманской этимологии, то они оказываются почти полностью исключенными из просторечного словопроизводства. DAS зарегистрировал лишь racketeer "a person who works in a shady or unethical business, a swindler or extortionist" с суффиксом -eer (F., -ier: L., -arius -ARY) и несколько производных слов с суффиксом -ee: rushee "a college student who is being rushed by and for a fraternity", , squeegee/squeegee "a jerk or goof", однако, происхождение этого суффикса в таких производных как squeegee/squeegee, flunkie/flunkiee, где он обнаруживает свободное варьирование с -ie/-y, вероятно, восходит не к англо-норманскому -ee/e (O.F., -e), а к суффиксу неизвестного происхождения, присутствующему в названиях некоторых видов одежды (bootee, coatee) и имеющему значение уменьшительности, а также в производных, характерных для американского варианта английского языка, например, shirtee, goatee с возможным вариантом goaty [9]. Что же касается производных типа rushee "a college student who is being rushed by and for a fraternity or sorority", standee "one who is forced to stand because there are not enough seats to accommodate everyone in a crowded theater or a public place", и т.д., в которых суффикс -ee, по всей вероятности, англо-норманского происхождения, то проникновение этих единиц с негерманским суффиксом в просторечное словопроизводство было облегчено существованием графического варианта -ee в суффиксальной морфеме -ie/-y.

Производные просторечные имена лица с суффиксами, за-

интованными из классических мертвых языков, словарем не зарегистрированы.

Объяснить общую пассивность основ по отношению к суффиксам литературного стандарта негерманской этимологии можно, по-видимому, тем, что "для социально-территориальных форм речи доминирующими являются те тенденции, которые развиваются на германской базе" [10, с. 20].

Таким образом, и в просторечии, на первый взгляд представляющем лишь стихийно образованный пласт эмоционально-окрашенной лексики, "наблюдается образование... строго уравновешанных комбинаций взаимообусловленных и совместимых свойств, которые в конечном итоге определяют... все дальнейшие реакции... на возможные внутренние и внешние нарушения системы, все языковые "запреты" и их нейтрализация" [II, с. 47].

Следовательно, можно предположить, что системные свойства просторечного слоя делает этот пласт, за небольшим исключением, "закрытым" для суффиксов литературного стандарта негерманского происхождения.

Количественно набор суффиксальных морфем, участвующих в формировании общих для стандартного английского языка и просторечия моделей производных имен лица, может быть представлен следующим рядом: $-er$ (252), $-ie/-ey/-y$ (105), $-ster$ (13), $-ee$ (8), $-eer$ (1), $-ling$ (1).

Стилистическая маркированность просторечных дериватов в данном случае обуславливается, как правило, принадлежностью к просторечию мотивирующего слова.

Однако, характерной особенностью просторечного словопроизводства является то, что общая пассивность основ по

¹ ВАС зарегистрировал наиболее устойчивые просторечные единицы, начиная с середины прошлого века и до начала 60-х годов XX века. Однако, значительная часть просторечных новообразований остается на уровне индивидуального использования и может быть не зарегистрирована словарем. К тому же, в просторечии продуктивность той или иной словообразовательной модели может быть стимулирована факторами "моды" на данный тип дериватов. Все это может, вероятно, повлиять на количественное соотношение дериватов. Но показательным является факт общей пассивности основ к заимствованным суффиксам литературного стандарта со значением "деятели".

отношении к суффиксам литературного стандарта негерманского происхождения не распространяется на суффиксальные морфемы, заимствованные из живых языков, в особенности из итальянского и испанского языков, и участвующие исключительно в просторечном словопроизводстве.

В образовании слов со значением лица по моделям, характерным только для просторечного слоя, принимают участие следующие морфемы: -o (этимология неясна, по всей вероятности, восходит к испанским заимствованиям типа *homo* "a man, fellow, guy", *desperado* "a person who borrows or gambles larger sums, than he will be able to pay"¹); *crumbo/crumb-o* "a crumb, an untrustworthy, loathsome or objectionable person", *commando* "one who does things in a rough or obvious manner", *Fatso* "a nickname for a fat person", *daddy-o* "daddy"; -eroo/-aroo/-roo/-oo (Sp.-ero): *jackeroo* "a cowboy", *buddyroo* "a buddy, a man's male friend, a chum, a comrade, esp. a close friend", *flopperoo* "any spectacularly unsuccessful person or thing"; -ino/-erino/-arino/-orino (этимология неясна, возможно, из итальянского, в меньшей степени из испанского языка) *peacherino* "a pretty girl", *rokerino* "any small, insignificant game, business or person"; -nik (происхождение восходит к двум источникам: к идиш -ik, -nik и к русскому -ник, вычлененному непосредственно из *sputnik* в 50-х годах нашего века): *nudnik* "an obnoxious person"²; *beatnik* "a beat person, one who lives a beat life, specif. any atypical member of the beat generation"³; *Vietnik* "one who demonstrates against America's involvement in or escalation of a Vietnam war, esp. a student or a "beatnik".

Необходимо отметить, что словообразовательное значение суффиксов -o; -aroo/-aroo/-roo/-oo; -ino/-erino/-arino

¹ Здесь и далее этимология дана по DAS, Supplement [3].

² Происхождение восходит к идиш *nudnik* "a pest".

³ Более вероятно, что -nik в *beatnik* восходит к русскому -ник, поскольку слово возникло в 50-х годах, сразу же после заимствования *sputnik*.

ограничивается, в основном, созданием просторечной коннотации с различными экспрессивно-оценочными оттенками, например, *buddy* "buddy" (buddy "a man's male friend, a chum, a comrade, esp. a close friend"); *crumb*/*crumb-o* "crumb" (crumb "an untrustworthy, loathsome or objectionable person"); *peacherino* "peach" (peach "a pretty, attractive girl or woman").

В данном случае эмоциональная насыщенность просторечных производных достигается как за счет семантики мотивирующего слова, так и за счет суффиксальной морфемы.

Распространение, то есть общественное признание (как, вполне возможно, и возникновение), моделей, характеризующих исключительно просторечное словотворчество, едва ли представляет собой явление совершенно случайное, изолированное, поскольку "так или иначе любая языковая форма может употребляться только как системно обусловленная" [13, с. 28] и социально мотивированная. Следовательно, можно предположить, что системные свойства этих новообразований "открыли" для них тот языковой пласт, который для других инноваций остался непроницаемым" [11, с. 48].

Активность основ по отношению к некоторым заимствованным стилистически отмеченным суффиксам может быть отнесена, с одной стороны, за счет явления компенсации, поскольку они участвуют в создании единиц экспрессивного просторечия, тогда как экспрессивными суффиксами английский язык не располагает (за исключением *-ling*, семантической функцией которого является уменьшительность и пейоративность [12, с. 123]). С другой стороны, вхождение вышеупомянутых суффиксов в просторечие может быть обусловлено тем, что они "развиваются на базе нестандартной лексики, заимствованной из живых языков" [10, с. 20]. Объектом данного исследования являются социальные и профессиональные особенности американского просторечия, функционирующего в этнографически неоднородном коллективе [10, с. 19], в котором заимствования из живых языков в силу целого ряда экстралингвистических причин могут довольно легко осуществляться на уровне просторечия.

При исследовании просторечия неоднократно высказывалась мысль о естественности и простоте употребления просторечных единиц [2, с.31; 3, с.ХУ; 6, с.229]. В связи с этим, возникал вопрос, каким образом созданное индивидуумом может стать достоянием коллектива, или почему одни просторечные новообразования так и остаются на уровне индивидуального использования, до некоторой степени поддерживаемые временно действующими факторами, в то время как целый ряд на первый взгляд ошибочных, случайных языковых образований может получить распространение не только в различных социальных пластах, но и прочно утвердиться в литературном стандарте.

Рассмотрев лишь некоторые специфические черты просторечных производных, по всей вероятности, можно сделать вывод о том, что в целом, просторечные производные единицы не являются искусственными по отношению к общей системе стандартного английского языка, несмотря на возможную субнормативность процесса словотворчества в просторечии.

Просторечие представляет собой определенным образом организованную систему, функционирующую, как уже было отмечено, в соответствии с исконно германскими тенденциями развития английского разговорного языка. Оно постоянно пополняется новообразованиями, системные свойства которых в совокупности с действием целого ряда экстралингвистических факторов делают возможным вхождение этих единиц в общую систему. Именно это вхождение "снимает субъективный характер нововведений в момент, когда новые формы становятся общеупотребительными" [13, с.55]. Таким образом, просторечные производные, в большинстве случаев создаваемые индивидуумами "в рамках контекста при наличии определенной ситуации и для оценки последней" [14, с.58], становятся общедоступными и общепонятными.

Из сказанного следует, что, создавая новое слово, для того, чтобы быть понятым, субъект, независимо от того, сознает он это или нет, должен обязательно руководствоваться

ся нормами или субнормами, существующими в языке, ведь "любой речевой акт должен соответствовать законам языка, ибо он является элементом языковой коммуникации и должен быть воспринят адресатом, который, в свою очередь, ориентируется на действующие в социуме нормы языка" [13, с.56].

Стихийный характер просторечного словотворчества в отличие от управляемого и регулируемого процесса терминообразования [10, с.20], а также функционирование просторечия преимущественно в устной форме ведут к существованию звуковой и графической вариативности суффиксальных морфем: а) например, звуковое варьирование суффикса *-goo/-agoo/-roo/-oo*: *buddgoo, floppergoo*; б) например, графическое варьирование, выраженное в написании суффикса *-ie/-y/-ee*: *flunkie/flunky/flunkee* и в возможном слитном или дефисном написании суффикса *-o* в *crumb-o/crumb-o; daddy-o*.

Результатом подчас ситуативного образования слов в просторечии является также существование некоторой избыточности синонимических словообразовательных средств, когда одно и то же словообразовательное значение выражено с помощью разных словообразовательных средств, например: *bud, buddy, buddgoo* "friend, fellow"; *Fats, Fat, Fatty Fatso* "a nickname for a fat person", но это, однако, не противоречит тому, что в целом, словообразовательный акт, в большинстве случаев являющийся в просторечии чем-то непредсказуемым, индивидуальным, имеет, в общем, закономерную основу, поскольку "... в конечном итоге вся сумма форм языка покрывается системой языка, которая детерминирует функционирование не только отдельных групп единиц и форм, но и всех элементов языка" [13, с.27].

Возможно, в этом одно из проявлений диалектического единства отдельного и общего, случайного и закономерного, субъективного и объективного, индивидуального и социального в языке.

ЛИТЕРАТУРА

Г. Хомяков В.А. Структурные, семантические и соци-

- ально-стилистические особенности английского просторечия. Автореф. дис. на соиск. учен. степени др. филол. наук. Л., 1975, 40 с.
2. Скворцов Л.И. Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии. - В кн.: Литературная норма и просторечие. М., 1977, с.29-57.
 3. Wentworth H. & Fleckner S.B. Dictionary of American Slang. New-York, 1967.
 4. Гальперин И.Р. О термине "слэнг". - Вопросы языкознания, 1956, №6, с.107-114.
 5. Маковский М.М. Языковая сущность современного английского слэнга. - ИЯШ, 1962, №4, с.102-113.
 6. Farridge E. Usage and Abuse. Penguin Books in Association with Hamish Hamilton, 1976. 380p.
 7. Soudek L. Structure of Substandard Words in British and American English. Bratislava, Slovenská akad. vied., 1967. 229p.
 8. Карпухина Н.К. Лексикографический разряд имен лица в современном английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1974. 24 с.
 9. Oxford Dictionary of Etymology. Oxford, 1966.
 10. Беляева Т.М. Некоторые проблемы словообразования в социо-лингвистическом аспекте. - В кн.: Словообразование и фразеобразование. Тезисы докладов научной конференции. М., 1979, с.19-20.
 11. Маковский М.М. Соотношение индивидуальных и социальных факторов в языке. - Вопросы языкознания, 1976, №1, с.40-54.
 12. Зятовская Р.Г. Суффиксальная система современного английского языка. М., 1971. 185 с.
 13. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975. 230 с.
 14. Ретунская М.С. О ситуативном словотворчестве. Тезисы VII Межвузовской научной конференции по романогерманскому языкознанию. Пятигорск, 1970, с.58-60.

ДАНЧЕНКО Н.Н.
ЛГУ им. П.Стучки

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ И СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В широком смысле слова парадигматические связи характеризуют отношения единиц друг к другу в рамках языковой системы. Синтагматические отношения – это отношения элементов в линейной цепи на уровне речи. Следовательно, анализ художественного текста или его частей должен быть в основном сопряжен с рассмотрением последних. Вместе с тем системность отношений языковых единиц внутри стиха, сопоставление элементов поэтической формы не только и не столько по горизонтали, как это преимущественно происходит в процессе анализа прозаических текстов, а по вертикали, что диктуется структурной заданностью стиха, позволяют нам условно говорить о наличии парадигматических отношений в стихе.

В отличие от прозаических текстов, где синтагматические связи, т.е. развертывание языковых единиц в линейном ряду является способом передачи определенного содержания, в поэтическом тексте смысл складывается не только из объема линейного высказывания (стихоряд), но и из сопоставления линейных высказываний друг с другом по оси парадигматики. Понятие парадигмы в приложении к стихосложению было введено Самуэлем Левиным [1, с. 19–21]. Парадигматические ряды внутри стиха создаются, по мнению автора, наполняемостью эквивалентных позиций стиха эквивалентными форма-

ми. Парадигматические связи в стихе играют особенно важную роль, так как сама форма стиха заведомо нацелена на создание максимального объема структурно-семантических связей языковых единиц внутри текста.

Основным проявлением парадигматических отношений в стихотворном тексте и вместе с тем главным принципом построения стиха в целом С. Левин считает параллелизм. По мнению автора эквивалентные ряды языковых единиц особого отбора представляют собой в стихотворной речи ряды параллельных структур различных лингвистических уровней, из чего автор заключает, что параллелизм является универсальным принципом построения стиха. Это мнение получило широкое признание среди советских и зарубежных лингвистов. В сущности то же самое имеет в виду Ю. М. Лотман, называя этот принцип принципом возвращения [2, с. 65].

Рассмотрим действие принципа параллелизма на примере фразеологических единиц /ФЕ/.

We learn from Horace, "Homer sometimes sleeps"
We feel without him; Wordsworth sometimes wakes,
To show with what complacency he creeps,
With his dear "Waggoners", around his lakes,
/G. Byron. Don Juan, III - XCIII/

Первая строка цитируемого отрывка является как бы торжественным зачином, который автор пародирует и по смыслу, и по форме в следующей строке. Это пример яркого поэтического параллелизма, противопоставления двух конструкций, идентичных по форме и различных по содержанию. Сходство формы дает возможность ощутить семантическую противоположность высказываний. В параллельных конструкциях последовательно сопоставляются по смыслу первый и второй члены оппозиции: Homer - Wordsworth, sleeps - wakes. Таким образом фразеологическая единица "Homer sometimes sleeps" - "каждый может ошибиться, на всякого мудреца довольно простоты" подвергается буквализации, которая вскрывает ее внутреннюю форму и возвращает выражению его прямой смысл. Параллелизм структур заставляет нас одновременно

воспринимать значение фразеологизма и его прототипа - латинского изречения. Таким образом форма стиха нацелена на увеличение объема смысла, заложенного в языковой единице.

Обратимся к другому примеру:

As for the ladies, I have nought to say:
A wanderer from the British world of fashion,
Where I, like other 'dogs, have had my day,'
Like other men, too, may have had my passion;
/G.Byron. Don Juan, II - CLXVI/

По аналогии с фразеологизмом "to have had one's day" - "устареть, отслужить свое время, видеть лучшие дни" строится свободное словосочетание "to have had one's passion". Параллелизм структур выливается в данном примере в семантическое сближение выражений. Хотя замыкающие стихоряд существительные по смыслу друг другу никак не противопоставлены, они могут быть соотнесены по оси "былых дней - страстей". Посредством свободного словосочетания - структурного аналога ФЕ происходит как бы усиление мысли, переданной фразеологизмом.

В рассмотренных примерах анализу подвергались фразеологизмы с достаточно яркой выразительностью, их парадигматические связи в стихе усиливали их языковую стилистическую заданность. Однако поэтическая форма может высветить некоторые стороны значения фразеологизмов даже со стертой образностью. К последним традиционно относятся так называемые одновершинные ФЕ - "at length", "at large", "at best", вообще редко трактуемые в аспекте стилистики. Тем более интересным представляется следующее четверостишие из поэмы Эдгара По "For Annie":

And no muscle I move
As I lie at full length -
But no matter! - I feel
I am better at length.

ФЕ "at length" параллельно сопоставлена в парадигматическом ряду со своей собственной полной формой и прототипом "at full length". Англо-русский фразеологический словарь А.В.Кунина трактует ФЕ "at length" как единицу многозначную, обладающую четырьмя значениями. Благодаря параллелизму этих двух единиц в тексте, собственно фразеологизм выступает здесь в двух значениях - переносном - "в конце концов" и накладываемом на него буквальном - "во всю длину". В результате парадигматической сопоставленности выражений создается эффект каламбура.

По нашим наблюдениям большинство случаев параллелизма фразеологизма и его структурного аналога в стихе падает на сильную, рифмуемую позицию в стихе. Рифма, как известно, является не только средством подачи звуковой инструментовки стиха. Закономерное, симметричное чередование созвучных клаузул несет большую смысловую нагрузку. В.М.Жирмунский пишет: "Объединяя одинаковым созвучием два разных слова, замыкающих стих, рифма выдвигает эти слова по сравнению с остальными, делает их центром внимания и сопоставляет их в смысловом отношении друг с другом. Поэтому весьма существенным фактором поэтического стиля является выбор рифмуемых слов и их взаимоотношение с точки зрения значения" [3, с. 290].

Фразеологизмы могут рифмоваться как с параллельными им структурами, так и просто с другими словами в строфе. Последний случай рассматривается как одно из наглядных проявлений парадигматических связей фразеологизма в стихе. При этом также обнаруживается семантическая связь ФЕ и рифмуемого с ней слова. В некоторых случаях эта связь весьма очевидна, как это явствует, например, из следующих строк:

Thrice happy he who, after a survey
Of the good company, can win a corner.
A door that's in our boudoir out, of the way,
Where he may fix himself like small "Jack Horner".

And let the Babel round run as it may,
And look on as a mourner, or a scorner,
Or an approver,

/G. Byron. Don Juan, XI - LXIX/

ФЕ "Jack Horner" - "самодовольный мальчик" синонимично существительному "scorner", автор как бы возвращает читателя к ранее сказанному, тем самым подчеркивая свою мысль. В других случаях рифмующиеся пары фиксируют, заостряют мысль автора. Например, неоднократно в тексте "Дон Жуана" Байрон подчеркивает невысокое мнение о своих соотечественниках тем, что рифмует шутовское прозвище англичанина "John Bull" со словом "fool" - "дурак":

"Great joy to London now!" says some great fool,
When London had a great illumination,
Which to that bottle-conjurer, John Bull,
Is of all dreams the first hallucination;

/G. Byron. Don Juan, VII - XLIV/

I have seen malt liquors
Exchanged for "thin portations" by John Bull,
I have seen John half detect himself as fool,

/G. Byron. Don Juan, XI - LXXXV/

Чаще всего семантическая связь рифмующихся пар прослеживается не столь явно и отчетливо. Однако, если подвергнуть сопоставляемые единицы глубинному анализу, определенная семантическая взаимообусловленность непременно обнаруживается. Так, в следующих строках из поэмы Джона Китса "Эндимион" на первый взгляд не наблюдается никаких обоаримых связей между рифмующимися парами - прилагательным sick (больной) и существительным quick компонентом ФЕ "to the quick" (до мозга костей, до глубины души). Однако, в сочетании с глаголом pierce выражение приобретает значение "глубоко ранить", т.е. причинить боль.

Then wherefore sully the entrusted gem
Of high and noble life with thoughts so sick?

Why pierce high-fronted honour to the quick
For nothing but a dream?

/J.Keats. Endymion, book I/

Таким образом, сопоставление фразеологизмов с рифмующимися с ними словами дает нам возможность глубже проникнуть во внутренний смысл стиха, вскрыть системную взаимоотноусловленность элементов поэтической формы.

При анализе текста не следует забывать о линейных связях фразеологизма в стихе. Как правило, ФЕ располагаются в одном стихоряду, что обуславливается их семантической и структурной спаянностью. Тем не менее стихотворная форма может вызвать перенос части фразеологизма в другой стихоряд, сохраняя при этом их линейную протяженность:

There was a modern Goth, I mean a Gothic
Bricklayer of Babel, call'd an architect,
Brought to survey these grey walls, which though
so thick,
Might have from time acquired some slight defect,
Who, after rummaging the Abbey through thick
And thin, produced a plan

/G.Byron. Don Juan, XVI - LVIII/

ФЕ "through thick and thin" - "решительно, упорно, несмотря ни на какие препятствия" разорвана на две части, что обусловлено прежде всего рифмой. Компонент ФЕ существительное thick соотносится в строфе с прилагательным thick. Их семантическое сопоставление создает эффект каданбура.

Рассмотрим еще один случай "enjambment".

The main-mast follow'd; but the ship still lay.
Like a mere log and baffled our inten^t.

/G.Byron. Don Juan, II - XXXII/

Перенос сравнения "like a mere log" на другую строку способствует вычленению первого компонента фразеологизма благодаря рифме. Весь фразеологизм вследствие разрыва

получает дополнительную выделенность в тексте. Неожиданность расчленения на две части синтаксически и семантически спаянного фразеологизма фиксирует на нем внимание читателя.

Нетрудно заметить, что в стихотворных текстах синтагматические и парадигматические связи тесно переплетаются и взаимообуславливают друг друга. Особенно ярко этот процесс можно наблюдать на примере разрыва [4, с. 112-122] синтаксической целостности фразеологизмов таким образом, что их форма восстанавливается при прочтении строки по вертикали, например:

This is true criticism, and you may kiss -
Exactly as you please, or not - the rod;
But if you don't, I'll lay it on, by G-d!

/G. Byron. Don Juan, I - CCVI/

Синтаксическая целостность фразеологизма "to kiss the rod" (покорно, безропотно принять наказание) нарушена вклиниванием вводного предложения exactly as you please or not. Благодаря разрыву оба семантически значимых компонента ФЕ поставлены в конце стихоряда, т.е. в сильную, выделенную рифмой позицию стиха. К тому же синтаксическая расчлененность фразеологизма позволяет метафорически развернуть в тексте буквальное значение обоих компонентов ФЕ. Двуплановость восприятия значения фразеологизма способствует обогащению семантики ФЕ.

Обратимся еще к одному примеру:

But first of little Leila we'll dispose;
For, like a day-dawn she was young and pure,
Or like the old comparisons of snows,
Which are more pure than pleasant, to be sure.

/G. Byron. Don Juan, XII - XLI/

Здесь также наблюдается метафорическое обыгрывание значения компонентов компаративной ФЕ "pure as snow". Автор сам отмечает тривиальность сравнения. Раскрытие смысла образа в неожиданном, отрицательном ключе способствует оживлению стершейся образности выражения. Синтак-

My good little women and men;
But't will do as well, perhaps, if I tell
A tale of a Cock and a Hen."

Стихотворение построено на повторе и обыгрывании значения ФЕ "a tale of a cock and a bull" (небылицы, неправдоподобная история). Завершающая стих строка "a tale of a cock and a hen" заставляет нас обратиться к буквальному значению прототипа фразеологизма. Таким образом в шутовском восьмистишии все время присутствуют два плана восприятия фразеологизма, на чем и построен весь стих.

Поэтическая форма, с ее нацеленностью на запоминаемость, дает возможность соотносить даже далеко отстоящие строки, например:

The antique Persians taught three useful things,
To draw the bow, to ride, and to speak the truth.
This was the mode of Cyrus, best of kings -
A mode adopted since by modern youth.
Bows have they, generally with two strings:
Horses they ride without remorse or ruth:
At speaking truth perhaps they are less clever,
But draw the long bow better now than ever.

/G. Byron. Don Juan, XVI - I/

Парадигматическая соотнесенность свободного словосочетания "to draw the bow" (стрелять из лука) во второй строке с фразеологизмом "to draw the long bow" (рассказывать небылицы), завершающим строфу и синтаксическое развертывание в тексте компонентов обеих фраз позволяет нам говорить о том, что смысл всей строфы семантически цементируется фразеологизмом. Переменное сочетание слов, послужившее основой фразеологизму, отстоит от последнего на пять стихорядов, тем не менее семантическая и структурная соотнесенность выражений живо ощущается вследствие прежде всего почти полного параллелизма их форм. Фразеологизму предшествует в тексте его антоним "to speak the

сическая деформация фразеологизма в этом примере крайне сложная и только парадигматическая соотнесенность компонентов фразеологизма помогает нам восстановить его исходную форму.

Поэтическая форма, с одной стороны, и раздельнооформленность фразеологизмов, с другой, предопределяют возможность одновременного метафорического развертывания в тексте значения нескольких компонентов ФЕ, что в конечном итоге приводит к стягиванию посредством фразеологизма двух или нескольких семантических нитей строфы или стиха. Таким образом получается, что весь смысловой и структурный строй отрезка текста как бы спаян ФЕ.

There was Miss Millpond, smooth as summer's sea,
That usual paragon, an only daughter,
Who seem'd the cream of equanimity,
Till skimm'd - and then there was some milk and water,
With a slight shade of blue, too, it might be,
Beneath the surface; but what did it matter?
Love's riotous, but marriage should have quiet,
And, being consumptive, live on a milk diet.

/G. Byron. Don Juan, XV - XLI/

Оба значимых компонента ФЕ "milk and water" - (пустой, бессодержательный, "вода") метафорически обыгрываются в тексте. Первый компонент более широко и развернуто (cream, skimm'd, milk diet), второй уже (sea, blue). Однако в целом они концентрируют в себе все содержание строфы. Фразеологизм в этом случае как бы образует смысловую канву строфы или целого стихотворения, как, например, мы можем наблюдать это в шутовском стихотворении Роберта Саути "The Pilgrim to Compostella".

Open your budget, old Robin Gray!

We very well know it is full.

Come! out with a murder, ... a Goblin, a Ghost,

Or a tale of a Cock and a Bull!"

"I have no tale of a Cock and a Bull,

truth". Это выражение встречается в строфе дважды и уже во второй строке как бы предваряет последующее переосмысление выражения "to draw the bow".

Проведенный анализ позволяет нам заключить, что тесное переплетение синтагматических и парадигматических связей фразеологизма, захватывающее обширные, структурно оформленные, замкнутые отрезки текста можно рассматривать как проявление текстообразующих потенций фразеологизма [5, с. 161].

Рассмотренный в статье материал указывает на то, что лингвистический анализ поэтического текста тесно сопряжен с выявлением как парадигматических, так и синтагматических связей его элементов, в частности фразеологизмов. Синтагматические связи имеют место во всех видах текстов, в то время как парадигматические связи являются как бы привилегией поэтической формы.

Литература

1. L e v i n S. Linguistic Structures in Poetry.
S'Gravenhage, 1962. 48p.

2. Л о т м а н Ю.М. Лекции по структурной поэтике,
- Учен.зап. Тартуского гос.ун-та. Тарту, 1964, вып.160.
195 с.
3. Ж и р м у н с к и й В.М. Рифма, ее история и теория.
- В кн.: Теория стиха. Л., 1975. 664 с.
4. Н а ч и с ч и о н е А.С. Окказиональное стилистическое использование фразеологических единиц (на материале произведений Дж.Чосера). Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1976. 195 с.
5. Ч е р н ы ш е в а И.И. Текстообразующие потенции фразеологических единиц. - В кн.: Лингвистика текста, М., 1974, ч.2. 212 с.

ЗАБОТКИНА В.И.

Калининградский гос.ун-т

СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
НОВЫХ ПРЕДИКАТНЫХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ
ВАРИАНТОВ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Проблема предикатных знаков, интенсивно разрабатываемая в современном языкознании, до последнего времени преимущественно изучалась в плане выявления основных параметров, отличающих класс характеризующих знаков от класса идентифицирующих знаков [1; 2; 3; 4; 5]. Однако, как показывает проведенное исследование, предикатные знаки не могут рассматриваться в единой массе. Среди них выделяются предикаты субъективной характеристики, обладающие самым большим удельным весом эмоционально-оценочных элементов, предикаты объективной характеристики, в которых роль эмоционально-оценочных элементов сведена до минимума, и между ними "средняя" группа предикатов субъективно-объективной характеристики [6, с. 40]. Три группы предикатных знаков различаются степенью внутренней рematicности, что предопределяется различной степенью характеризующе-оценочной монопризнаковости их значения¹. Самой высокой степенью характеризующе-оценочной монопризна-

¹ Утверждение о внутренней рematicности предикатных знаков базируется на положении о том, что любая характеристика, любая оценка - это выводное, новое знание [7].

новости обладают предикаты субъективной характеристики в силу наличия эксплицитно выраженного оценочного плана и устойчивого образного плана в их значении.

Например: jazz - similar unspecified things; stuff.

pig - hostile epithet for policemen.

crow - a derogatory name for a girl or woman,
espec. one who is old or ugly.

Меньшей степенью характеризующе-оценочной монопризнаковости, а следовательно, и речативности, обладают предикаты субъективно-объективной характеристики (в силу отсутствия образного плана). Например:

mafia - any secret or exclusive society;
a closed circle or clique.

straight - a person who is straight, a conventional person.

Самой низкой степенью характеризующе-оценочной монопризнаковости обладают предикаты объективной характеристики в силу имплицитно выраженного плана оценки, затухающей образности, а также портретного характера ядра их значения^I.

Например:

box - a TV-set

goggle - a TV-set

lemon - a head

Анализ синтагматики исследуемых единиц позволит определить связь между особенностями семантики трех выделенных групп предикатных неосем и их синтаксической позицией в предложении с учетом их нагрузки в плане актуального членения.

В данной статье речь пойдет об особенностях функционирования новых предикатных ЛСВ существительных в позици-

^I Подробнее о различии семантики трех групп исследуемых единиц см. [6, с. 40-41].

ях членов предложения, вводимых комплетивной связью.

Функционирование предикатных знаков в непредикативных позициях представляет особый интерес. Как известно, предикатные имена преимущественно употребляются в предикативных и полупредикативных позициях (оказуемого, определения, приложения). Однако, насколько позволяет судить наш материал, предикатные ЛСВ всех трех типов с разной степенью широты функционируют и в референтных позициях, требующих от имени выполнения функции идентификации.

В качестве рабочей гипотезы мы выдвигаем предположение о том, что не предикативная позиция формирует оценочно-характеризующее значение имени¹, а оценочно-характеризующая семантика предопределяет специфику употребления предикатных знаков в предложении.

В процессе анализа нам необходимо ответить на два основных вопроса:

1. Каким образом различия в семантике "трех групп предикатных ЛСВ проявляются в специфике их функционирования в референтных позициях?
2. Как изменяется объем значения предикатных ЛСВ в непредикативных позициях дополнения и обстоятельства?

Материалом для анализа послужили произведения современных английских и американских авторов, а также отрывки текстов из прессы, помещенные в словаре новых слов Барнхарта [9], приложения к словарю Уэбстера "Шесть тысяч слов" [12], двухтомного приложения к Большому Оксфордскому словарю [10, 11]. Объем проанализированного материала составил 1000 словоупотреблений².

¹ Некоторые лингвисты считают, что характеризующее значение не может реализоваться кроме как в предикативных позициях [8].

² Словари не дают возможности сделать вывод о закономерностях использования предикатных единиц в экстралингвистическом контексте. Однако словари позволяют судить о закономерностях функционирования исследуемых единиц в лингвистическом контексте. Ибо цитаты, помещенные в словарях, представляют собой не авторские речения, а подлинный, живой текст с точным указанием источника.

а) Дополнение

Предикатные ЛСВ в силу своей природы не могут с полной определенностью и недвусмысленностью указывать на предмет речи. Посему для осуществления функции референтной позиции они требуют обязательных детерминантов, берущих на себя индексальную роль. Речь идет прежде всего об указательных местоимениях.

Анализ показал, что диапазон маркеров определенности в позиции дополнения различен в зависимости от типа предикатного ЛСВ. Так, самым широким диапазоном отличаются "чистые" предикатные единицы. В силу самой высокой степени оценочно-характеризующей монопризнаковости они больше всех сопротивляются употреблению в непредикативной позиции, и посему требуют большого количества актуализаторов, т.е. они слишком субъективны, чтобы с полной определенностью указывать на предмет речи.

Как известно, дейкис всегда связан с идентифицирующей функцией, [13]. Предикатный ЛСВ, имея в препозиции дейктический элемент, начинает выполнять функцию идентификации предмета, служит знаковым его субститутом. При этом указательные местоимения рассматриваются как показатели тематичности, ибо они вводят слова, уже упоминавшиеся ранее, т.е. уже известные, не несущие новой информации.

Таким образом, возникает противоречие между внешним показателем тематичности и внутренне-тематичным значением самого предикатного ЛСВ. Как показывает анализ, данное противоречие разрешается тем, что указательные детерминанты частично десемантизируются и приобретают дополнительные эмфатические элементы. Иными словами, указательные местоимения несколько приглушают свои дейктические компоненты, которые выделяют субстанцию из ряда ей подобных и связывают с предшествующей частью повествования.

Так, например:

There's an old lady named miss Fortescue... Ben
(laughing) - Coo! - I know that old crow. [10, p.691].

Местоимение *that* не просто указывает на то, что предикатный ЛСВ *grow* обозначает тот же денотат, что и идентифицирующее имя *miss Fortescue*, но одновременно выполняет функцию эмфазы.

Дейктические компоненты могут вообще не реализовываться и полностью заменяться эмфатическими. Ср.:

I love sailing... all that wind, and the waves, and all that jazz! [12, p.103]

Как известно, в английском языке арсенал указательных средств несколько расширен за счет указательной функции определенного артикля, который также подвергается частичной десемантизации. Ср.:

My old lady and I split after we got busted by the pigs. [9, p.75]

Определенный артикль переводится вместе с предикатным ЛСВ как "эти свиньи" (полицейские).

Частично сохранив свое основное деиктическое значение, определенный артикль указывает на предшествующее упоминание в высказывании. Но при этом, как правило, он выполняет функцию "мнимой" отсылки (т.е. по отношению к референтам, реально не упоминавшимся ранее).

Так, высказывание *My old lady and I split after we got busted by the pigs* имплицитно содержит утверждение *These policemen are pigs. We got busted by them.* Как показывает анализ, лицо или предмет при первичном упоминании в имплицитном утверждении обозначается идентифицирующим именем (*policemen*), т.е. с одной стороны, предикатное имя предикатирует то или иное свойство референту, дает ему характеристику, т.е. несет новую информацию, с другой стороны, новая информация относится к уже известному, имплицитно идентифицированному референту. Подобная предикация является пресуппозитивной [1, с. 349]. Как известно, пресуппозиция — это фоновое знание, т.е. данное, известное. Таким образом, предикатные ЛСВ в данной позиции поднимают сложную темо-рематическую функцию (ремь с элементами данного).

В смысловом отношении мы можем говорить о разных содержательных оппозициях, приписываемых актуальному членению. Это: известное - неизвестное; данное - новое; незначительное по важности - важное; и то, о чем говорим - то, что сообщаем об этом.

Перечисленные члены оппозиции могут самым различным образом комбинироваться в высказывании [13, с. 40]. Более того, как показал анализ, возможна одновременная реализация двух членов одной оппозиции. Так, в данном случае происходит как бы нейтрализация оппозиций "данное-новое", "известное-неизвестное". Но в силу того, что мы имеем дело с пресуппозитивной предикацией, а не с предикатной пресуппозицией, все же первые элементы (новое, неизвестное) реализуются в большей степени. Плюс к этому происходит реализация правых членов оппозиции "то, о чем говорим - то, что сообщаем об этом", "незначительное по важности - важное", т.е. добавляются еще два компонента, соотносящихся с ремой - рема явно превалирует.

Выполняя темо-рематичную функцию, предикатные ЛСВ претерпевают незначительные изменения в своей семантической структуре, а именно, несколько понижается степень их монопризнаковости, т.е. помимо одной основной семы, отражающей ведущий признак значения, в нем проявляется еще одна сема - сема определенности. Происходит явление гиперсемантизации (по У.Вайнрайху).

Ср. также: In the heated circumstances of the Present (opposition to the nomination of Judge Harrold Carswell to the Supreme Court) Mr. Nixon would be joining the yahoos and the snopeses. [9, p.432] (snopese - an unscrupulous type of businessman)

Здесь еще не приходится говорить о конкретных, хорошо известных людях, однако, речь идет не о людях небрежных, нечистоплотных, невнимательных в своих делах вообще, а о вполне определенных, входящих в когорту сторонников Никсона.

Неопределенный артикль, являясь рематизирующим фактором, соответствует внутренней рематичности предикатных ЛСВ и, как правило, употребляется в предикативных позициях. Однако, как показывал анализ, он может употребляться с предикатными ЛСВ и в непредикативных позициях. Но в подобных случаях предикатный ЛСВ приближается к функции объекта общего суждения, которая столь же естественна для характеризующих существительных, как и первичная для них функция сказуемого. Как известно, общее суждение образует своего рода семантический перекресток, т.е. пункт, в котором нейтрализуются или ослабляются смысловые различия между идентифицирующим и предикатным именем [I, с. 350]. Так, например:

There is the unfairness, of course, that a man in his forties can get a dolly bird. (God help him, the one she provides with him) whereas a woman in her forties is more likely to be high and dry. (9, p.134) (bird - an attractive girl or woman)

При этом предикатные ЛСВ выполняют функцию ремы, реализуют свою внутреннюю рематичность, иными словами, все компоненты своего значения.

Как показывает анализ, вне указанных условий предикатные ЛСВ субъективной характеристики могут употребляться в позиции дополнения при тематичных глаголах (преимущественно, глаголах to have, to get, в значении to have).

Иногда в предложениях с глаголом to have в качестве дополнительных маркеров присутствуют усилительно-выделительные частицы^I.

Jeremy Seabrook's series on Blackburn seemingly polarised two attitudes: either the place has no warts

^I В концепции Я.Фирбаса подобные элементы называются семантико-контекстуальными средствами ремыделения. О влиянии семантико-контекстуальных средств на распределение коммуникативного динамизма в предложении см. [15].

at all or, if it has, we must parade them to show how jolly honest we're all being. [9, p.497] (wart blemish, imperfection)

В качестве маркера предикатного ЛСВ может выступать эллиптический характер конструкции, в которую входит предикатная единица. Например:

In our opinion, the general run of Americans - whether hawks or doves, or neither - are deeply preoccupied with the war. [9, p.202]

Иногда эллиптическая конструкция в предикатном ЛСВ занимает позицию парциалта, что усиливает релативность предикатной единицы.

He was not running away, he flashed, not with that kind of bread He was not running away, he flashed, he could not run with that kind of bread.
[9, p.25] (bread - money)

Таким образом, особенности функционирования "чистых" предикатов в позиции дополнения заключаются в том, что с коммуникативной точки зрения они функционируют в релативных сегментах высказывания, преимущественно выполняют роль реми или реми с элементами темн.

Предикатные ЛСВ субъективно-объективной характеристики, подобно "чистым" предикатам, как правило, имеют при себе указательные местоимения, частично десемантизированные. Однако, как показывает анализ, указательные местоимения перед данным типом предикатов менее десемантизированы, чем в сочетании с "чистыми" предикатами, т.е. они менее дейктически избыточны. Это выражается в том, что в высказываниях с предикатами данного типа отсылка к предшествующему упоминанию (как основная функция указательного местоимения) носит не мнимый (как с предикатами субъективной характеристики), а реальный характер. Ср.:

Others noticed that Alan habitually sat next to

Michael and that Michael murmured something to him from time to time, at the end of the day Garvin asked Alan, "What goes on with that freak?" [17, p.131]

Лицо, которому предписывается качество отклонения от социальной нормы (в данном случае freak выступает в значении a person who has broken away from conventional society, esp. a hippie) идентифицировано именем собственным Michael.

Имплицитное утверждение, вскрывающее пресуппозитивную предикацию, которую несет предикатный ЛСВ freak, может быть представлено следующим образом:

Michael is a freak. What goes on with him? What goes on with that freak?

Аналогично ведет себя в сочетании с единицами субъективно-объективной характеристики и определенный артикль. Также, как и "чистые" предикаты, в подобных случаях предикаты данного типа выполняют сложную темо-рематическую роль, так как несут пресуппозитивную предикацию. В значении происходит незначительное понижение степени монопризнаковости, но немного в большей мере, чем у предикатов субъективной характеристики. Это объясняется тем, что предикатные единицы данного типа характеризуются определителями, выраженными существительными, причастиями, числительными, что в свою очередь свидетельствует о большей синтагматической свободе предикатных ЛСВ субъективно-объективной характеристики. В результате процесс гиперсемантизации предикатного ЛСВ в речи носит более активный характер по сравнению с предикатами субъективной характеристики. Например: *Angkor has been particularly close to the French hearts since Andre Malraux put the temple area and its 12th century sculptures on the map in 1924. Malraux and his wife, Clara, hacked their way through the jungle to help themselves to these masterpieces of Khmer Art. They successfully made off with seven Sandstone Buddhas, but were captured and arraigned, in Phnom Penh, Clara was*

released, Malraux stayed to stand trial. Back in Paris she drew support from Andre Gide, Andre Maurois and others from the Twenties literary mafia. [9, p.272]

Значение слова mafia конкретизируется - это не любое секретное общество, а литературное секретное общество 20-х годов. В значении индусируется сема определенности, а также дифференциальные семы, соотносящиеся с видовыми особенностями данного общества.

Таким образом, предикатные ЛСВ субъективно-объективной характеристики подобно "чистым" предикатам могут выполнять функцию ремы, однако, преимущественно они выполняют функцию ремы с элементами темы.

Предикатные ЛСВ объективной характеристики отличаются в позиции дополнения большей активностью по сравнению с двумя первыми группами. Это, по-видимому, объясняется их приближенностью к идентифицирующим знакам, для которых референтные позиции являются естественными. Обращает на себя внимание тот факт, что для предикатов данного типа не характерно функционирование в позиции дополнения в роли ремы.

Предикатные ЛСВ объективной характеристики в позиции дополнения не несут пресуппозитивной предикации, в отличие от двух предыдущих групп. Здесь отсутствует имплицитное утверждение, в котором какому-либо объекту предикруется какое-либо качество. Например:

If you had any brains in that big lemon you'd wipe me. You'd get away. [11, p.638]

As the reader may recall, my last column nattered at some length on the perennially reliable theme that the arts are in a dire way; and it gave warning that in future I might be obliged to turn for the material to the tube. [11, p.4757 (tube - a TV)]

Данные высказывания невозможно трансформировать как:

This thing is a tube; I might be obliged to turn to

it. This part of your body is a lemon; if you had brains in it.

Это объясняется особенностями системного значения предикатов объективной характеристики - малой степенью моносемности их значения, граничащей с гетеросемностью. При этом происходит полная гетеросемизация их значения. Однако они остаются в статусе предикатных знаков, ибо сохраняют компоненты характеристики, образности и имплицитной оценки, которые лишь несколько приглушаются, на I план выдвигается номинативный компонент.

б) Обстоятельство

Позиция обстоятельства, в целом, не типична для предикатных ЛСВ. Однако те немногие примеры, которые демонстрируют функционирование предикатных единиц в данной позиции, показывают, что преимущественно это предикатные ЛСВ объективной характеристики. Обращает на себя внимание тот факт, что они, как правило, употребляются в позициях обстоятельств места и времени (ситуационных обстоятельств в терминологии Э.Дворяковой [16], т.е. тех, которые опираются на предикативную основу предложения в целом, в отличие от обстоятельств образа действия и цели, которые управляются непосредственно глаголом. Такое исключительное употребление в позиции ситуационных обстоятельств единиц объективной характеристики объясняется системной спецификой данного типа предикатных ЛСВ. Будучи носителями самой низкой степени внутренней релативности, они с легкостью могут функционировать в позиции членов предложения, которые обладают меньшей степенью управляемости глаголом по сравнению с обстоятельствами образа действия. Например:

...There is no proof that watching the inflammatory material which appears on the goggle drives kids to rape, or arson... [9, p.194]

или: Last week I saw Dr. Graham on the box, stating his firm belief in the actual return... of his Lord Jesus Christ. [9, p.71]

Тематичность предикатных ЛСВ в данной позиции подтверждается определенным артиклем, который в данном случае не является показателем пресуппозитивной предикации. Так же, как и при функционировании в позиции дополнения, предикатные ЛСВ объективной характеристики не могут быть употреблены в имплицитном утверждении, вводящем пресуппозитивную предикацию. Так, невозможно трансформировать

This thing is a box, I saw Dr. Graham on it I saw
Dr. Graham on the box.

Субъективные и субъективно-объективные предикатные ЛСВ употребляются исключительно в позиции обстоятельства образа действия, при этом они несут тематичную нагрузку. Например:

So let us in these next five days start a long march together, not in lockstep, but on different roads leading to the same goal. [9, p.264] (lockstep - a rigid, unbending pattern of arrangement)

Тематичность предикатного ЛСВ lockstep манифестируется отрицанием not.

Выводы:

I. Анализ доказал возможность функционирования предикатных ЛСВ в непредикативных (референтных) позициях дополнения и обстоятельства. Тем самым наше исследование подтвердило предположение о том, что не синтаксическая позиция предиката обуславливает оценочно-характеризующую семантику, а оценочно-характеризующая семантика обуславливает специфику его синтагматики. Функционируя в непредикативных позициях предикатные знаки всех трех групп требуют определенных детерминантов, берущих на себя роль актуализаторов характеризующе-оценочного значения. Диапазон актуализаторов различен в зависимости от типа ЛСВ.

Самым широким диапазоном характеризуются "чистые" предикаты, меньшее количество детерминантов требуют единицы субъективно-объективной характеристики, самый узкий диапазон характерен для объективных предикатных единиц.

2. Анализ вскрыл различную степень синтагматической закреплённости предикатов трех типов: наиболее синтаксически закреплёнными являются "чистые" предикаты; субъективно-объективные единицы обладают большей синтагматической свободой; наивысшую степень синтагматической свободы проявляют ЛСВ объективной характеристики.

3. Исследование вскрыло соотношение между синтаксической позицией предикатных знаков в предложении и их коммуникативной нагрузкой. В позициях, вводимых комплексивной связью, предикатные имена субъективной и субъективно-объективной характеристики выполняют сложную роль ремы с элементами темы, несут пресуппозитивную предикацию. При этом происходит нейтрализация содержательных оппозиций актуального членения "данное-новое", "известное-неизвестное". Предикаты объективной характеристики в исследуемых позициях преимущественно выполняют роль темы.

4. Как показал анализ, предикатные ЛСВ трех типов преимущественно функционируют в рематичных сегментах высказывания.

5. Анализ того, каким образом непредикативные позиции дополнения и обстоятельства влияют на изменение объема значения предикатных знаков трех типов, показал, что чистые предикаты и предикаты субъективно-объективной характеристики, выполняя функцию ремы с элементами темы, будут несколько понижать степень монопризнаковости ядра своего значения, подвергаются процессу частичной гетеросемизации. В значении происходит индуцирование конкретизирующих сем вследствие наличия детерминантов. Предикаты объективной характеристики, выполняя функцию темы, будут подвергаться процессу полной гетеросемизации, при этом они остаются в статусе предикатных знаков, ибо они сохра-

няют компоненты характеристики и оценки.

6. Анализ вскрыл взаимозависимость между изменением в значении предикатного знака и в значении детерминанта. Детерминанты, вызывая гиперсемантизацию предикатного ЛОВ, частично десеантизируются.

Литература

1. А р у т ю н о в а Н.Д. Предложения и его смысл. - М., 1966. 383 с.
2. А р у т ю н о в а Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры. - Изв. АН СССР. Серия языка и литературы, 1978, т. 37, № 4, с. 333-343.
3. В о г д а н о в В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977. 204 с.
4. В о л о т о в а Г.А. О синтаксических свойствах имен качества. - В кн.: Синтаксис и стилистика. М., 1976, с. 70-95.
5. К о ш е л ь Г.Г. Опыт выделения дерогативных имен лиц в современном английском языке. - Сборник трудов Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. им. М.Тореза. Вопросы лексикологии германских языков. М., 1979, № 134, с. 15-22.
6. З а б о т к и н а В.И. Семантические сцепления при образовании предикатных лексико-семантических вариантов существительных в современном английском языке. - В кн.: Семантические связи лексики. Рига, 1978, с. 36-61.
7. Н а й д о в Б.П. Односоставные имплицитно-оценочные конструкции в современном немецком языке. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Киев, 1977, 20 с.
8. М е ж ж е р и н а С.А. О месте имен существительных с синтаксически несвободным значением в лексике современного русского языка. - Русский язык в школе, 1974, № 6, с. 76-90.
9. B a r n h a r t C.L., S t e i n m e t z S., B a r n

- H a r t R.K. The Barnhart dictionary of new English since 1963. Bronxville, New York, 1973. 512 p.
10. Oxford English Dictionary. A Supplement, vol.1 (A-J). Ed. by R.W.Burchfield. Oxford, 1972. 1331 p.
11. Oxford English Dictionary. A Supplement, vol.2 (H-N). Ed. by R.W.Burchfield. Oxford, 1976. 1282 p.
12. 6000 words. A supplement to Webster's Third New International Dictionary. Merriam, Springfield, Mass., USA, 1976. 220 p.
13. О номинативном аспекте предложения. - Вопросы языковедения, 1971, № 6, с. 63-73.
14. Н и к о л а е в а Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы. - В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, М., 1978, с. 5-42.
15. F i r b a s J. Thoughts on the communicative function of the verb in English, German, Czech. - In: Sbornik prací filosofické fakulty Brněnské University, 1962, A 10, r.11, p.10-25.
16. D v o r a k o v a B. On the English and Czech situational adverbs. - In: Brno Studies in English. 1964, vol.4, p.36-70.
17. К а з а н Б. The assassins. N.Y., New York, 1972. 521 p.

КУКУШКИНА С.А.

Ленинградский пед. ин-т

им. А.И.Герцена

ИССЛЕДОВАНИЕ СИНТАГМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В ТЕКСТЕ МЕТОДОМ ТЕМАТИЧЕСКОЙ СЕТКИ

Статья посвящена лексическому анализу художественного текста с помощью выявления его тематической сетки, развитию понятия тематической сетки в тексте и сопоставлению его с тематическим полем в языке.

Материалом анализа служит роман И.Стоуна "Муки и радости" [1].

В основе лексического анализа, проводимого в рамках стилистики восприятия, лежит понятие тематической сетки. В известной статье И.В.Арнольд "Тематические слова художественного текста" [2] содержится ценный вывод о том, что рассматриваемое слово может иметь семантические, лексические, коннотативные и ассоциативные связи с одним или несколькими последующими словами текста. На основании наличия этих связей вводится термин "тематическая сетка", т.е. группа слов, связанных каким-либо из указанных типов отношений, выполняющих в тексте общую стилистическую функцию и отражающих определенную тему.

Тематическая сетка является безымянным понятием на уровне текста и имеет своим аналогом понятие тематического поля на уровне языка.

Термин "семантическое поле" широко принят в лингвистике, хотя многие оспаривают в принципе его правомерность как научного термина, так и то, что следует вкладывать

в его содержание (является ли поле психологической категорией для классификации понятий или лингвистической категорией для классификации слов и их значений).

Традиционным является определение семантического поля как совокупности содержательных единиц (понятий, слов), покрывающих определенную область человеческого опыта (О.С.Ахманова), или как семантически объединенной лексической группы (Э.М.Медникова).

Большинством ученых признано, что в семантическое поле слова должны объединяться по частей речи признаку (Э.М.Медникова, А.А.Уфимцева), хотя уже в период появления этой теории существовал противоположный взгляд (ассоциативные поля Ш.Балли).

Первая точка зрения оспаривается и в современной лингвистике: "семантическое поле образуется множеством значений, которые имеют хотя бы один общий компонент (ор. величина, число, размер, роот, яркость, длина...), а так же все их семантические и иные производные, включая слова других частей речи (ор. горячий, теплый, холодный, нагреваться, охлаждаться)" [3, с. 251].

В настоящей работе так же принимается толкование семантического поля как совокупности семантически связанных значений, причем слова, образующие поле, могут принадлежать к разным частям речи.

Как было отмечено, тематическая сетка имеет своим аналогом на уровне языка понятие тематического поля. Данный термин используется в настоящей работе в целях сведения терминологии к единообразию и для акцентирования соотносимости понятий тематической сетки и тематического поля.

Тематическое поле определяется как совокупность слов, выделяемых в языке по критерию наличия общего компонента в семном составе денотативных значений (имеется в виду общность не категориальных, а дифференциальных сем), связанных парадигматически и относящихся к разным лексико-грамматическим разрядам.

Тематическая сетка - это совокупность повторяющихся слов художественного текста, которые имеют общее денотативное или коннотативное значение, связаны парадигматически и синтагматически, выполняют в тексте общую стилистическую функцию и отражают определенную тему художественного произведения.

В противоположность традиционному толкованию семантического поля как замкнутой системы, исследования последних лет подтверждают, что из любого семантического поля, через более или менее длинную цепочку посредствующих звеньев, можно попасть в любое другое поле, так что семантическое пространство языка оказывается в этом смысле непрерывным (Ю.Д.Апресян, Ю.Н.Караулов).

Настоящий анализ проводился с учетом правила шести шагов, по которому "цепочка, связывающая два любых слова в словаре, не только в сумме не превышает шести шагов до общего элемента" [4, с. 76]. В данной работе принималось условие не более чем трехступенчатой трансформации объяснения при установлении общего компонента.

На материале словарей [5] и романа И.Стоуна "Муки и радости" было установлено поле, отражающее тему "художника". В поле входит несколько лексических групп, соответствующих различным группам понятий, связанных с общей темой. Наиболее важными из них, с точки зрения дальнейшего стилистического анализа, являются следующие группы:

- 1) слова, называющие художника прямо или косвенно:
painter, creator, sculptor, artist, Michelangelo,
the unwanted youth;
- 2) слова, называющие объекты и произведения его труда:
 fresco, cartoon, marble, stone, block, "David";
- 3) слова, называющие орудия его труда:
hammer, chisel, prints, brushes;
- 4) слова, отражающие процесс его работы:
cutting, painting, creating, to carve.

В поле включаются существительные, прилагательные, наречия, глаголы и глагольные формы. Слова связаны парадигматически.

Выявленное языковое тематическое поле является лингвистической основой тематической сетки, анализ которой на уровне текста и составляет цель лингво-стилистического исследования.

Контекстуальный анализ указанного текста позволил выявить в нем группу слов, отражающих мировосприятие художника. Наиболее частотными в группе оказались слова со значением "добро-зло":

There is no evil? - Ugliness is evil.

Evil was vulnerable, and the good in man were dominant.
His conflict with Goliath was a parable of good and evil.

В отличие от предыдущих групп, которые входят и в поле, и в сетку, эта группа выделяется на уровне текста и является конституентом только тематической сетки. Будучи группой более высокого категориального уровня, она представляет наибольший интерес при интерпретации содержания романа и выявлении предметно-логической и эстетической информации, заложенной в тексте.

Как уже отмечалось, основным критерием включения повторяющихся значений в тематическую сетку является семантическая общность компонентов слов, что выявлялось методом компонентного анализа.

В лексические связи слов включались:

1. отношения морфологической производности (create, creativity, creator);
2. отношения синонимии (evilbad, vicious, base);
3. антонимия (creativity, destruction);
4. гидонимия (pens, brushes, sketchbooks, implements; implements - слово - гипероним).

К дополнительным критериям включения слов в тематическую сетку следует отнести 1) общность коннотации и 2) общность контекстуального значения.

Обратимся к примерам.

The restriction was a coffin into which he could squeeze only dead bodies.

Слова "coffin" и "dead" входят в тематическую сетку со своим денотативным значением, как семантически связанные с темой смерти, гибели.

Слово "restriction" не имеет в семном составе данных компонентов, однако все три слова характеризуются общностью коннотативного значения, а именно, эмоционального и отрицательно-оценочного компонентов коннотации.

Синтагматические отношения, возникающие в тексте между словами сетки, проявляются в импликациональной связи.

Интекционалу имени "restriction" приписывается слабо-импликациональный, т.е. маловероятностный признак - "was a coffin". Важным для стилистического декодирования является следующий вывод М.В.Никитина: "Если, высказываясь о чем-то единичном, приписывают ему признак из области слабого импликационала имени этого единичного, то высказывание содержательно, информативно, ср. "the summer was hot" [6, с. 30].

На наш взгляд, в случае "the restriction was a coffin" можно говорить не только о тематической, но и о стилистической информативности. Наличие в данном примере трех тематических слов, метафоры и необычной лексической сочетаемости (restriction-coffin) позволяет говорить о конвергенции стилистических приемов. Цель данной конвергенции - показать отношение художника к устаревшей форме живописи, когда вталом считались застывшие фигуры, а изображение движения, т.е. самой жизни, по мысли художника, отвергалось.

Общность коннотации как самостоятельный критерий включения слов в тематическую сетку является важнейшей характеристикой сетки, отличающей ее от тематического поля.

Критерий включения слов по общности контекстуального

значения является второй такой отличительной характеристикой сетки.

Проанализируем типичный пример, учитывая вывод А.Я. Шайкевича о том, что слова, часто встречающиеся вместе в осмысленном тексте, связаны друг с другом по смыслу [7, с. 157].

... the forces of destruction march on the heels of creativity. The arts, finest flowering of each age, are torn down, broken, burned by the next. Savonarola... means to destroy the painting and sculpture that does not fit into his pattern: the frescoes of Masaccio, ...Filippo Lippi, all the Greek and Roman statuary, the most of the Florentine marbles. Florence will be ravished, as was Athens by Sparta ...everything will be wiped out; Florence will slip back into darkness. "How wrong I was to think that Savonarola would reform only what was evil in Florence life. He will destroy everything that is good as well". (p.176).

Тему разрушения отражают семантически связанные слова: forces of destruction, torn down, broken, burned, destroy, ravished, wiped out, slip back into darkness.

Им противопоставляется группа слов: creativity, arts, painting, sculpture, frescoes, statuary, marbles.

Заключительное предложение - He will destroy everything that is good - позволяет сделать вывод о том, что в данном контексте "everything that is good" относится ко всей второй группе слов (arts, painting etc.), т.е. контекстуальным, дополнительным значением этих слов является значение "добра" - и как общечеловеческого понятия, и как категории, лежащей в основе гуманистических взглядов художника эпохи Возрождения.

Описание разгрома дворца Медичи после смерти Лоренцо Великолепного дается автором сквозь призму восприятия его Микеланджело-созидателя и гуманиста, чей талант творца развивался в Садах Медичи, под влиянием Лоренцо и Платоновской академии, провозгласившей гуманизм. "Creativity"

как "добро" противопоставляется злу - "destruction", и в сетку включается обширная группа глаголов разрушения:

Hundreds of rioters were... smashing the dishes and glassware, throwing half-full bottles of wine at Pollainolo's "Hercules and the Lion",... grabbed up the jasper vases with Il Magnifico's name inscribed, carried out the painted tables of Masaccio, cut paintings out of their frames, ripped sculptures off their bases, smashing the tables and chairs, destroying chests. In the library, books and manuscripts had been pulled down from the shelves, the volumes trampled on (p.241).

Идея гуманизма находит эксплицитное выражение в тексте, где темы добра, созидания и зла, разрушения, противопоставляются в своей взаимосвязанности:

Humanism.

What did it mean?

"We are giving the world back to man, and man back to himself. Man shall no longer be vile, but noble. We shall not destroy his mind in return for his immortal soul. Without a free, vigorous and creative mind man is but an animal, and he will die like an animal, without any shred^o of a soul. We return to man his arts, his literature, his independence to think and feel as an individual, not to be bound to dogma like a slave, to rot in chains" (p.119).

Противопоставление тем отражает суть бытия, издавна сводимую к проблеме борьбы добра и зла, жизни и смерти.

Подведем итог сказанному.

Разграничение понятий тематической сетки и тематического поля дает возможность всестороннего исследования сетки - и на текстовом, и на языковом уровнях.

Комплексное использование понятий тематического поля и тематической сетки при анализе художественного произведения позволяет глубже проникнуть в текст, более точно его интерпретировать, помогает читателю увидеть мир произведения и реальный мир глазами писателя и его персо-

нака. Подобное "совпадение" взглядов и является основной целью стилистической интерпретации.

Литература

1. Irving Stone. The Agony and the Ecstasy. N.Y., 1961.
2. Ариольд И.В. Тематические слова художественного текста. - Иностранные языки в школе, 1971, № 2, с. 6-11.
3. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974. 367 с.
4. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976. 355 с.
5. The Concise Oxford Dictionary of Current English. Ed. by H.W.Fowler and F.G.Fowler. Oxford, 1964.
The Advanced Learner's Dictionary of Current English. Ed. by A.S.Hornby. London, 1960.
Crabb's English Synonyms. By J.Crabb. London, 1956.
The Nuttal Dictionary of English Synonyms and Antonyms. Ed. by G.Elgie Christ. London, N.Y., 1975.
Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. N.Y., 1964.
6. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир. 1974. 222 с.
7. Шайкевич А.Я. Распределение слов в тексте и выделение семантических помет. - Иностранные языки в высшей школе, 1963, вып. 2.

ЛИЕПА Е.Р.
ЛГУ им. П.Стучки

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПОРЯДКА СЛОВ В СТИХОВОЙ РЕЧИ

Данная статья является попыткой сравнить порядок слов в стиховой речи на материале английского, латышского и русского языков. Этот материал дает благоприятную возможность сопоставить одновременно две различные по своему строю языковые системы — аналитическую (английский) и синтетическую (латышский, русский).

Так как механизм порядка слов составляет один из важнейших параметров функционирования языка и является обязательным фактором структурного оформления любого предложения и любого языка, анализ этого языкового явления^О имеет и практическую ценность. Во-первых, на сопоставительном анализе стиховых текстов на английском, латышском и русском языках можно выявить особенности, обусловленные внутренней структурой национальных языков. Во-вторых, интерес представляет изучение стихового слога, так как последний обладает, как мы знаем, значительной свободой вариативности порядка слов во всех языках.

В данной статье семантическая обусловленность порядка слов будет описана, исходя из различных типов семантической сочетаемости слов, реализующейся в линейной последовательности предложения. Семантическую сочетаемость составляют два понятия: 1) лексическая сочетаемость и 2) сочетаемость тех смыслов, которые классическая грамматика

описывает как семантику членов предложения. Для характеристики семантической сочетаемости слов-знаков отобрано 6 базисных групп предложений. Отбор именно этих типов предложений мотивируется следующими двумя причинами:

1) все 6 моделей предложения наилучшим образом служат выявлению предлагаемых нами главных типов семантических связей слов в предложении любого из анализируемых языков;

2) 6 предложенных моделей в трех описываемых языках установлены стандартными грамматиками как основные, нормативные и наиболее часто встречающиеся в каждом из этих языков. Эти исходные модели иллюстрируются следующими английскими предложениями:

I. Peter works. Peter thinks. He is listening.

II. Peter is a doctor. Peter is young.

III. Peter lay down on his bed.

IV. That night Peter strolled.

V. 1. Peter took a cigarette.

2. Peter lent him a book.

VI. Peter was talking excitedly.

В анализе мы исходим из двух основных посылок.

1) Так как анализируются исключительно личные предложения, то в каждом из них имеется грамматическое подлежащее. В нашем анализе это подлежащее названо субъектом (С), и его мы рассматриваем как основную мыслительную реалию данного высказывания, которой соответствует в реальной действительности какое-либо лицо, предмет, явление, действие и т.д. Такое определение субъекта нам необходимо, т.к. в последующем описании типов связей слов мы исходим из бинарного членения предложения, в котором субъект является одной из двух частей предикации.

2) Семантическая сочетаемость слов обусловлена отношениями причинности, следствия и т.д. между предметами и явлениями реальной или воображаемой действительности, и, следовательно, все слова в предложении семантически связаны с субъектом, т.е. субъект получает некоторую предикацию

в форме слов, которые его детерминируют. Иначе говоря, ему приписывается некоторое качество, признак, свойство, действие, мера и способ его действия и т.д., которые выражены в сочетавшихся с ним словах. Эту часть предикации мы называем детерминантой (Д). Детерминанты могут раскрыть, уточнить содержание субъекта или описать его [I, с. 68-76].

Наша задача заключается в том, чтобы на примере приведенных предложений установить семантические типы связей слов. Номера типов связей, которые мы выделяем, будут соответствовать номерам групп предложений.

I. Тип связи, обусловленный активностью субъекта. Под активностью понимается движение, действие, состояние или восприятие субъекта.

Peter works. Peter thinks. He is listening.

II. Тип связи, указывающий на свойство, качество субъекта.

Peter is a doctor - doctor Peter.

Peter is young - young Peter.

III. Смысловая связь, указывающая на местонахождение субъекта.

Peter - on his bed.

IV. Расположение субъекта во времени представляет следующий тип связи.

that night - Peter

V. Смысловая связь между субъектом и детерминантой объекта, опосредованная через активность субъекта.

Peter - (took) - a cigarette

Peter - (lent) - a book

Peter - (lent) - him

VI. Связь между субъектом и детерминантой качества, свойства, характерных признаков субъекта, опосредованных через его активность.

Peter - (was talking) - excitedly

Для сравнения взаимного расположения субъекта и его детерминант в трех конкретных языках будет использовано 6

названных структурных моделей, а также 5 их комбинированных вариантов - всего 11 моделей. Добавление к 6 основным моделям еще 5 их комбинированных вариантов представляется желательным потому, что данные 5 моделей имеют не две, а три или четыре детерминанты и, таким образом, их применение расширяет пределы анализируемого нами языкового материала.

Приводим все сравниваемые 11 моделей в их сокращенной форме.

I. С-Д-активности

II. С-Д-признака

III. С-Д-активности - Д-пространства

IV. Д-времени - С-Д-активности

V. I. С-Д-активности - Д-объекта

2. С-Д-активности - Д-объекта - Д-объекта

VI. С-Д-активности - Д-признака

VII. С-Д-активности - Д-объекта - Д-пространства

VIII. Д-времени - С-Д-активности - Д-объекта

IX. С-Д-активности - Д-объекта - Д-признака

X. Д-времени - С-Д-активности - Д-пространства

XI. Д-времени - С-Д-активности - Д-объекта - Д-пространства.

Данная система сравнения рассматривается нами как универсальная система семантической сочетаемости слов - знаков в трех разных по своему строю языках.

Базой анализа послужили оригинальные стиховые произведения английских, американских, латышских и русских поэтов одного исторического периода (начиная с 20-30 годов XIX века и кончая современным периодом). Все анализируемые нами произведения относятся к силлабо-тонической системе стихосложения, в основе которой лежит выравненность числа слогов, количества и места распределения ударений в стихотворных строках. Из стихового текста выбрано по 20 предложений на каждую модель каждого языка, т.е. всего 60 предложений на модель, что вместе составляет 720 предложений.

Для стиховой речи английского языка характерна большая подвижность субъекта, т.е. присутствие субъекта на первом месте предложения или в его начальной части, что типично для нормативных предложений, в стиховой речи более не обязательно. Перед субъектом могут располагаться не только детерминанта времени, но и детерминанта активности, признака, объекта, т.е. в стиховой речи любая из детерминант может находиться перед субъектом. Контактное расположение субъекта и детерминанты активности, обязательное для нормативных моделей, не является таковым для стиховой речи. Между субъектом и детерминантой активности могут находиться детерминанты признака, объекта, времени. Возможно даже и конечное положение субъекта, когда перед ним стоит как детерминанта активности, так и все другие детерминанты.

Then up the carpetless staircase
Drag their slippers feet
The dread days and the dead desires.

[2, с. 258]

Д-времени - Д-пространства - Д-активности - Д-объекта - С. К основному, нормативному варианту каждой модели относится только половина или меньше половины предложений стиховой речи (модель VI - 10 из 20; модель IX - 7 из 20).

В стиховой речи латышского языка по сравнению с двумя другими наблюдается максимальное число вариантов каждой модели. В моделях, состоящих из субъекта и 3 или 4 детерминант, количество вариантов достигает 14-15, в то время как к основному, нормативному варианту относятся только 1 или 2 предложения из 20. Субъект предложения занимает чаще всего третье или последнее место. Любая детерминанта может находиться перед субъектом.

Pie kamīna, pie ogļu gaismas kvēlās,
Šīs vēstules es traucos pār-lasīt.

[3, с. 135]

Д-пространства - Д-объекта - С - Д-активности

В стиховой речи русского языка наблюдается аналогич-

ная картина, т.е. совсем небольшое количество предложений каждой модели относится к ее нормативному варианту, а в моделях X и XI ни один вариант не является нормативным, хотя число вариантов моделей X и XI довольно большое - соответственно 12 и 14. Субъект также занимает не начальное, а второе, третье или конечное место в предложении.

И в руках у вас грозитя
и шипит все элее, элее
каждый крошечный транзистор.

[4, с.134]

Д-пространства - Д-объекта - Д-активности - Д-признака-С

В результате анализа стиховой речи трех описываемых языков нам представляется возможным сделать следующие выводы.

1. Стиховая речь каждого языка в любой его модели имеет значительное количество вариантов словорасположения (10-15 вариантов), что свидетельствует о широкой вариативности порядка слов стиховой речи.

2. В стиховой речи всех трех языков основной, нормативный вариант используется значительно редко, т.е. очень небольшое число предложений каждой модели имеет нормативную структуру. Количественное сравнение использования нормативного варианта в стиховой речи дается в следующей таблице (усл.обозн.: английский - А, латышский - Л, русский - Р).

Номер модели	Число нормативных предложений в каждой модели (из 20)		
	А	Л	Р
I	2	3	4
I'	19	14	8
II	15	15	16
III	12	4	3
IV	2	6	4
У I.	17	8	8

I	2	3	4
2.	18	10	10
УI	10	7	6
УII	12	1	3
УIII	11	6	5
IX	7	2	1
X	9	2	-
XI	9	1	-

3. Говоря о местоположении субъекта, можно отметить, что если в нормативных вариантах, как правило, субъект находится в начале предложения, то в стиховой речи наблюдается противоположное явление, т.е. большинство предложений начинается с детерминант, а субъект занимает второе, третье или даже последнее место в предложении. Такой порядок слов характерен в большей степени для латышского и русского языков, а в английском предложении начальное положение субъекта встречается чаще по сравнению с латышским и русским, что объясняется аналитическим строем этого языка. Детерминанты, стоящие в начальной позиции в стиховой речи, можно распределить по уменьшающейся частотности в следующем порядке:

А.	Л.	Р.
1) Д-времени	1) Д-времени	1) Д-времени
2) Д-пространства	2) Д-объекта	2) Д-объекта
3) Д-объекта	3) Д-пространства	3) Д-активности
4) Д-признака	4) Д-признака	4) Д-пространства
5) Д-активности	5) Д-активности	5) Д-признака

Следовательно, чаще всего во всех языках в начальной позиции стоит детерминанта времени, затем в английской стиховой речи наиболее часто употребляются детерминанты пространства и объекта, в латышской - детерминанты объекта и активности. Сравнительно редко перед субъектом в англий-

ском и латышском языках выступают детерминанты признака и активности, а детерминанты пространства и признака - в русской стиховой речи.

4. Частотность вариантов с неконтактным расположением субъекта и детерминанты активности в стиховой речи трех языков довольно велика: в английском языке она достигает 10 (20,4%) из общего количества 49 вариантов, в латышском 39 (43,3%) из 90 и в русском - 36 (40,4%) из 89. Приведенные цифры показывают, что в английском языке неконтактное употребление С-Д-активности встречается реже, чем в латышском и русском языках. Для русского и латышского языков характерно увеличение неконтактного расположения субъекта и детерминанты активности в стиховой речи по сравнению с нормативными вариантами.

Между субъектами и детерминантой активности одна детерминанта (Д-времени или Д-пространства) стоит в английской стиховой речи, кроме упомянутых, - встречаются также детерминанты признака и объекта; детерминанты признака в 2 вариантах VI и IX моделей и детерминанта объекта в 2 вариантах VII и XI моделей.

The host with some one indistinct
Converses at the door apart.

[5, с. 585]

С - Д-объекта - Д-активности - Д-пространства

В латышском и русском языках в стиховой речи между субъектом и детерминантой активности может находиться не только любая одна детерминанта, но даже две детерминанты. В отобранных нами предложениях русской стиховой речи встречается 8 вариантов употребления двух детерминант между субъектом и детерминантой активности. Например,

И логики полезные корни
В том диком поле часто не растут

[6, с. 52]

С - Д-пространства - Д-времени - Д-активности

В латышском языке по сравнению с двумя другими наи-

более многочисленны случаи употребления других детерминант между субъектом и детерминантой активности: встречается любая другая детерминанта, две и даже три детерминанты. Например,

Okeāns šonakt
pie kājam tev durēs.

[7, с.34]

С - Д-времени - Д-пространства - Д-объекта - Д-активности

В заключение можно констатировать, что сравнение стиховой речи трех языков сводится к следующему:

а) в поэтической речи особенности трех национальных языков, т.е. принадлежность двух из них (русского и латышского) к синтетической языковой системе, а третьего (английского) к аналитической, не дифференцируются столь явно или вообще не дифференцируются;

б) небольшое количество поэтических предложений корреспондирует с нормативными вариантами, подавляющее большинство предложений в поэзии носит индивидуализированный и структурно не стандартизированный характер.

Литература

1. Д и е п а Е.Р. Лингвистическая характеристика семантических типов связей слов в предложении. - В кн.: Иностранные языки в высшей школе. Рига, 1977, вып. 5, с. 160.
2. Anthology of Modern English Poetry. Leipzig, 1933. 283 p.
3. Ziemeļnieks J. Dzeja. Rīga, 1960. 286 lpp.
4. Е в т у ш е н к о Е. Поющая дамба. М., 1972, с. 176.
5. The Albatross Book of Living Verse. Hamburg-Paris-Bologna, 1933. 655 p.
6. С л у ц к и й Б. Работа. М., 1964, с. 151. с. 151.
7. С а к л а и с М. Zaļu diena. Rīga, 1972. 115 lpp.

ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРЫ АБЗАЦА
В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ
АСПЕКТЕ

Одним из важных аспектов функциональной стилистики является исследование лингвистических характеристик различных стилей. До недавнего времени такие исследования велись, в основном, с точки зрения лексики, а в области грамматики ограничивались морфологией и синтаксисом отдельного предложения. Возникшая в последние годы лингвистика текста поставила на повестку дня необходимость изучения и сопоставления функциональных стилей также на материале сверхфразового синтаксиса. Настоящая статья ставит перед собой задачу исследовать роль структуры абзаца и связанных с ней явлений в дифференциации двух стилей - научного и публицистического.

Новизна поставленной задачи определяется тем, что проведенное исследование объединило в своих рамках две обширные группы проблем. Структура абзаца как одной из текстовых единиц рассматривается здесь не в общелингвистическом аспекте /хотя он и присутствует имплицитно как важная методологическая основа исследования/, а в функционально-стилистическом анализе определенных групп текстов. Такое сравнительное изучение особенностей структуры абзаца, присущих разным стилям, может способствовать углублению знаний и о данной лингвистической категории, и о функциональной дифференциации конкретного языка.

Автором был проведен анализ 30 журнальных статей на английском языке /по 15 статей для каждого стиля/, выбранных методом случайных чисел из генеральной совокупности в 600 статей. Тематическая неоднородность научного стиля обуслови-

ла подразделение выборки по данному стилю на три группы - 5 статей по точным наукам, 5 по естественным и 5 по гуманитарным. Охватываемый временной период - с 1969 по 1977г. Общий объем выборки по научному стилю - 60 тыс. слов /490 абзацев/, по публицистическому стилю - 47 тыс. слов /468 абзацев/.

В исследовании было принято исходное предположение о том, что основной единицей стилистического анализа на сверхфразовом уровне является абзац, представляющий собой результат уже проделанного автором выбора в способе организации текстового материала. Другой, не менее важной категорией этого уровня является сверхфразовое единство. Изучению проблем, связанных с абзацем и СФЕ, посвящено уже немало работ [см., напр., 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10]. Для целей настоящей работы представляется весьма существенным выяснить, прежде всего, статус каждой из этих единиц и их взаимоотношение.

Сверхфразовое единство обладает такими качествами, как общность темы, или смысловая ограниченность от соседних отрезков текста, наличие тесной мажоразовой связи, отмеченность начала и концовки, определенная внутренняя структура. Все эти свойства, несомненно, вводят СФЕ в разряд лингвистических категорий.

Абзац как одно из графических средств письменной речи, служит целям оформления внутренней, смысловой структуры текста. Наиболее привычной и традиционной является такая организация текстового материала, при которой графическое деление совпадает с тематическим, т.е. каждый абзац оформляет СФЕ. Данное мнение о роли абзаца соответствует интуитивным представлениям носителей языка, оно зафиксировано в традиционных учебниках стилистики [см., напр., II, 12, 13], оно подтверждается психологическими наблюдениями [см., напр., 14, с. 187], а также лингвистическим опытом. Широко известна цитируемая во многих работах мысль Л.А.Булаховского о наличии в языке "тех больших, чем фразы, но еще обыкновенно отчетливо схватываемых единств словесного выражения, в которых налицо бывают конкретные приметы синтаксического характера - так называемые сверхфразные единства. Практика издавна считается с их существованием. Их внешним

выражением на письме служит к р а с н а я с т р о к а, отделяющая одно такое единство от последующего." [15, с.392] Известно также положение Л.Щербы: "Абзац, или красная строка, которую тоже надо считать своего рода знаком препинания, углубляет предшествующую точку и открывает совершенно иной ход мысли!" [цит. по 16, с.16] (подчеркнуто мной - Н.М.)

Данные высказывания видных советских ученых, как кажется, весьма однозначно определяют статус абзаца в лингвистике текста. Так же, как точка является наиболее типичным графическим средством отделения предложения, так и красная строка традиционно предназначена для отделения сверхфразового единства. Значимые отклонения от этого общего правила возможны и в том, и в другом случае. Более того, подобные отношения между графическими и содержательными единицами языка можно обнаружить и на других его уровнях - например, на лексическом /существование аналитических форм и сложных слов/ на фонетическом /соотношение между графемой и фонемой/.

Итак, нами принято, что красная строка - это наиболее привычный, стилистически нейтральный способ разделения сверхфразовых единств. Изложение, лишенное дополнительных эмоционально-смысловых установок, должно, по-видимому, ориентироваться на то, чтобы каждый абзац оформлял одно СФЕ. В этом случае действительно можно говорить о некоей четко выделяемой единице сверхфразового уровня, обладающей графической, структурной и смысловой завершенностью /абзац-СФЕ/.

Однако наличие у СФЕ собственных языковых параметров, включающих их в поток цельного изложения, позволяет использовать самые различные варианты несовпадения границ СФЕ и абзаца. Тогда абзац начинает выполнять вторую свою функцию - функцию эмфатического выделения, расстановки эмоциональных и логических акцентов. Разнообразные сочетания этих двух функций - оформления темы СФ. и эмфатического выделения, являются важной стилистической характеристикой и заставляют видеть в абзаце основную единицу стилистического анализа на сверхфразовом уровне.

Количественное обследование текстов выборок позволило определить среднюю величину абзаца в каждом из стилей. В вы-

борке по научному стилю средняя длина абзаца составила 5,09 предложения /122,6 слова/, в публицистических статьях - 3,95 предложения /100,8 слова/. Средняя же длина предложения примерно одинакова - 24,07 и 25,5 слов соответственно в научном и публицистическом стилях. Этот факт, а также то, что разница между средними длинами абзацев невелика, свидетельствует об определенном сходстве в способе построения текстов двух рассматриваемых стилей, о наличии в них таких общих черт, как эксплицитность, полнота выражения, логичность и т.п. Однако несколько большая средняя величина абзаца в научной выборке и значительная неравномерность длин абзацев по каждому из публицистических текстов указывает на характерные различия между двумя стилями. Это, прежде всего, большая субъективность в организации текстового материала, свойственная публицистическому стилю, которая ведет к более частому и разнообразному разбегу тем на абзацы. С другой стороны, это большая унифицированность в построении научных текстов, характеризующаяся полным и исчерпывающим охватом каждой темы. Данная предварительная интерпретация количественных результатов получает подтверждение и на дальнейших, более конкретных этапах анализа.

Исходным пунктом исследования содержательной стороны структуры абзаца служила в данной работе регистрация и последующий анализ межфразовой связи. Этот подход обусловлен тем, что межфразовая связь, по общему признанию, является одним из основных показателей смысловой организации текста [см., напр., 1, 2, 8, 17, 18, 19, 20, 21, 22]. Если сверхфразовое единство рассматривать как сочетание предложений с собственной микротемой, а следовательно, обладающих структурной и смысловой отграниченностью от соседних отрезков текста, то регистрация межфразовой связи должна давать объективный материал для определения границ СФЕ. Особое внимание, уделявшееся межфразовой связи в начальных предложениях абзацев, позволило определить степень совпадения границ СФЕ и абзацев в двух рассматриваемых стилях.

Анализ зарегистрированных видов связи указывает, прежде всего, на то, что почти все предложения в текстах выборки

связаны средствами междумясовой связи /результаты очень близки - в среднем 90% в научном стиле и 89% предложений в публицистических статьях/, причем около 2/3 предложений содержат более одного средства связи. Случаи отсутствия междумясовой связи в основном приходятся на начала абзацев, где это оправдано переходом к новому СФЕ. Во внутриабзацном изложении такие случаи либо вообще отсутствуют /в 6 текстах/, либо встречаются значительно реже, чем в начальных фразах абзацев. Средняя доля начальных предложений абзацев без междумясовой связи в научных текстах составляет 0,35, а в публицистике - 0,25^ж.

Отсутствие междумясовой связи в начале абзаца можно считать определенным признаком перехода к новой теме, т.к. здесь образуется сочетание двух признаков оформления СФЕ - грамматического и графического. Для научных текстов такое четкое оформление СФЕ, как видим, характерно в большей степени, чем для публицистических. Особенно ощутима эта разница для текстов по точным наукам - здесь средняя доля начальных фраз абзацев без связи с предыдущими предложениями оставляет 0,40.

Наличие в предложении единственного средства связи также может быть показателем границы между СФЕ, поскольку оно означает сравнительно "слабое" сцепление на фоне тесной многоканальной связи в окружающих отрезках текста и дает возможность ввести новую тему. В текстах научного стиля средняя доля таких абзацных зачинов 0,34, в публицистике - 0,25.

В общем, случаи отмеченности начальных фраз абзацев с точки зрения "наполнения" их междумясовой связью /полное отсутствие связи и слабая одноканальная связь/ составляют для научных текстов около 70%, а в публицистике - 50%. Другими словами, исходя из этого параметра, СФЕ чаще оформля-

^жДля сравнения количественных данных использовалось понятие доли - отношения встреченных явлений к общему числу их возможных употреблений. В статистике это понятие характеризует вероятность данного явления.

ется графически в научном стиле, чем в публицистическом, что является отражением большей объективности и последовательности изложения, свойственных научному стилю.

Подробный анализ конкретных видов выражения межфразовой связи позволяет получить объективный лингвистический материал для исследования таких проблем структуры абзаца, как способ развертывания темы, особенности начала и концовки, принципы межабзацной связи и др. Этот анализ является достаточно самостоятельным этапом работы и предоставляет определенные данные для сопоставления двух рассматриваемых стилей.

Так, например, было выявлено преобладание повторов лексических единиц над всеми остальными видами связи в научном стиле. Общая средняя доля их 0,70. Такой результат свидетельствует о важных характеристиках научных текстов - точности и объективности, стремлении их авторов избегать двусмысленности, возможной при употреблении грамматических и синонимических замен повторяющегося понятия.

Для текстов публицистического стиля средняя доля повторов также довольно высока - 0,37, однако она существенно меньше результата, полученного для научного стиля. В публицистике значительно чаще употребляются для связи личные местоимения /средняя доля 0,15 по сравнению с 0,06 для научного стиля/. Здесь несколько выше средние доли употребления таких видов связи, как указательно-обобщающие местоимения /0,05 против 0,03 в научном стиле/, сочетания указательных местоимений с существительными /0,07 против 0,05/, синонимы /0,03 против 0,02 в статьях по точным и естественным наукам/, семантическая связь /0,07 против 0,05/. Все это говорит о стремлении авторов публицистических статей разнообразить изложение, привлекая к нему внимание читателя, тогда как научный стиль "не боится" монотонности в выборе средств связи, предпочитая точность лексическому разнообразию.

Существенную роль в межфразовой связи играют союзы, наречия и вводные слова. Среди союзов регистрировались сочинительные, противительные и причинно-следственные /в ходе анализа в качестве отдельных предикативных синтагм рассматривались части сложносочиненных предложений и части сложно-

подчиненных предложений с придаточными причины в постпозиции к главным предложениям - наблюдения показали, что они обладают большой смысловой и грамматической самостоятельностью и могут нередко отделяться точками/.

Регистрация союзов указывает на разницу в употреблении союза "but" и причинно-следственных союзов "because", "for" и "since". Свойственная публицистике полемичность обуславливает большие доли союза "but" среди синтаксических связующих средств - средняя доля 0,05, тогда как для научного стиля средняя доля составляет лишь 0,02. С другой стороны, в научных текстах встречается больше причинно-следственных союзов, указывающих на логические связи предложений - средняя доля 0,09. Публицистические статьи используют эти союзы в три раза реже.

Эмоциональная окрашенность публицистического стиля, тенденция к открытой расстановке акцентов, к прямому воздействию на читателя отражаются в частом использовании союзов после точки, т.е. в более эмфатической позиции. Если в научной выборке союзы /and, but, for/ лишь 16 раз встретились в начале отдельных предложений и при этом только в трех гуманитарных статьях, то в публицистической выборке на эту позицию приходится 1/3 всех употреблений союза "and", четвертая часть причинно-следственных союзов и почти 70% употреблений союза "but". При этом здесь встречается, хоть и весьма редко, использование союзов в начале абзаца, что создает еще более сильный стилистический эффект.

Результаты сопоставления зарегистрированных связующих наречий и вводных слов подтверждают известное мнение о преимущественном использовании их в научных текстах, хотя разница в средних долях и не очень значительна - в научной выборке она составляет 0,16, а в публицистической - 0,13. Более существенно другое отличие. В публицистике в два с лишним раза чаще наречия и вводные слова используются в эмфатической позиции начала абзаца /средняя доля 0,17 против 0,07 в научном стиле/. Это указывает на то, что выделительная функция начала абзаца больше используется авторами публицистических статей.

Итак, результаты анализа межфразовой связи указывают на определенные различия между двумя стилями. Они дают также основу для последующих этапов исследования, т.к., прежде всего, позволяют с достаточной точностью выявить деление текста на СФЕ и степень совпадения границ абзацев и СФЕ. Однако одного лишь анализа лингвистической связанности текста недостаточно для исчерпывающего исследования функций и структуры абзаца.

Изучение содержательной стороны структуры абзаца требует выхода за рамки традиционных языковых проблем. Развивающаяся в последние годы новая дисциплина - лингвистика текста - предлагает свои способы анализа текстовых единиц, к которым абзац относится в первую очередь. И.Р.Гальперин писал в одной из своих статей: "...исследования ясно свидетельствуют о том, что если абстрагироваться от конкретных речевых воплощений, то в отрезках, больших, чем предложение, оказываются свои типологические закономерности, возводящие их в ранг единиц языка". [23, с.68]

Очень важной для лингвистики текста является идея, высказываемая, в частности, Е.Козару: "Текст состоит не просто из предложений, как это часто полагают, а из предложений, выполняющих определенную текстовую функцию". [24, с.1517] Функции тех или иных единиц текста определяются коммуникативной установкой сообщения, которая подчиняет себе все уровни его структуры. Абзац и различные его элементы также имеют свои функции в тексте.

Большая вероятность совпадения границ СФЕ и абзаца в рассматриваемых текстах говорит о существовании тематического критерия деления текста на абзацы. Абзац и в особенности его граничные элементы - начало и конец, выполняют при этом функцию оформления темы СФЕ. Эта функция наиболее заметна, если начало и конец абзаца маркированы определенными типами предложений - вводно-обобщающей фразой или просто сигналом ввода новой темы в начале и предложением-выводом в конце.

Анализ показал, что в целом маркированное оформление темы в граничных элементах абзаца примерно одинаково характерно для обоих стилей - полученные результаты близки, а коле-

бания конкретных долей относительно средней величины велики в обеих выборках. Можно отметить лишь несколько меньшее использование вводно-обобщающих предложений в начале абзацев в текстах по точным и естественным наукам - средние доли соответственно 0,15 и 0,11 по сравнению с 0,23 в выборке по публицистическому стилю /тексты по гуманитарным наукам в этом случае, как и в ряде других, несколько нарушают однородность выборки научного стиля - здесь средняя доля вводных фраз 0,43/

Для статей по точным и естественным наукам значительно более характерна в начале абзаца эксплицитная формулировка темы, не маркированная какими-либо особенностями своей структуры. Авторы же публицистических статей и проанализированных статей по гуманитарным наукам весьма часто используют вводно-обобщающие начала абзацев как одно из средств привлечения читательского внимания и более удобной ориентировки в тексте.

Наряду с темоформирующей, важной функцией начала и концовки абзаца является выделительная, или эмфатическая, функция. Она обусловлена психологическими закономерностями восприятия письменного сообщения. Начало и конец текста и любой более или менее законченной его части считаются "сильными" в смысловом отношении позициями.

Специфическая роль начала абзаца заключается в привлечении внимания читателя, причем здесь, как кажется, имеют значение и свойства графики - отступ красной строки, и то, что традиционно начало абзаца служит началом новой темы, т.е. это предложение, важное в информативном отношении. Поэтому абзацные зачины нередко рассматриваются как своеобразные ориентиры, помогающие лучше понять распределение и организацию текстового материала.

Внимание читателя может быть привлечено наречиями и вводными словами, указывающими на последовательность изложения:

"Also among the special victims of unemployment are women workers..." ["Political Affairs" 1975]

"To complete the picture, the Smith-Home agreement raises the income qualifications for the African Higher Roll to £1050 a year..." ["The African Communist" 1972]

Как уже указывалось, употребление наречий и вводных слов

в начале абзаца более характерно для публицистического стиля.

Целям привлечения читательского внимания служат также такие приемы, как включение в начальную фразу абзаца прямых авторских ремарок, обращений к читателю, вопросов и т.п. Например: "As far as I can tell, no non-figurative 'drugs and rubbish' collocation exists in present-day English..." ["The Modern Language Review" 1959]

"We must point out the mistake of artists and writers... They fail..." ["World Marxist Review" 1974]

("...These are the ideas and weapons of a social system in the process of decay.)

But are these the characteristic features of youth - of our sons and daughters?" ["Communist Viewpoint" 1971]

Отмеченные таким образом начала абзацев также более характерны для публицистического стиля. Причем особенно велика разница в сравнении со статьями по точным и естественным наукам - здесь средняя доля подобных абзацных зачинов составляет около 0,17, а в публицистических текстах - 0,29.

В целом, очевидно, что выделительная функция начала абзаца чаще используется в публицистике. Это соответствует мнению о том, что данный стиль в большей мере характеризуется направленностью на читателя, автор здесь открыто стремится к вовлечению читателя в изложение, в систему доказательств определенной точки зрения.

Конец абзаца, подобно концовкам любых более или менее законченных отрезков текста /и целого текста в первую очередь/ играет особую, "смыслообразующую" роль в структуре текста. Именно конец придает всему отрывку тот или иной смысл, определяя иерархию всех его содержательных элементов. Момент остановки в изложении, способ завершения всего текста или определенного отрывка - все это связано с аксиологической системой автора, с его представлениями о важном и неважном. Неудивительно поэтому, что последние предложения абзацев - наиболее вероятная позиция для оценочных суждений. Например: "The practical realization of suitable filters for Trapatt circuits is considered in detail, and a systematic approach to the design of a simple three-slug co-axial fil-

ter is predicted. This type of filter has been used successfully in both single-diode and push-pull arrangements" ["International Journal of Electronics" 1974]

Завершение абзацев предложениями такого рода примерно одинаково характерно и для научных, и для публицистических статей. Однако следует заметить, что оценочность концовок имеет более яркую эмоционально-экспрессивную окраску в публицистике: "...We hope this development becomes a relevant part of the continuous re-examination and re-evaluation of political, economic and cultural positions in the current battle for freedom. Ambitious? Yes! Frightening? Yes! Necessary? Yes!" ["Freedomways" 1969]

В текстах этого стиля все изложение больше насыщено предложениями с оценочной модальностью, и концовки абзацев не являются единственным местом их размещения. Научные же статьи в общем отличаются слабой эмоциональной окрашенностью, и только ударная позиция конца абзаца используется иногда для выражения метатекстовых, оценочных суждений.

Смыслообразующая роль концовки абзаца сохраняется и в том случае, когда в ней нет эксплицитно выраженной оценки или эмоциональности. Содержание последнего предложения всегда получает дополнительное эмпатическое значение. Смысловое сходство концовок ряда следующих друг за другом абзацев помогает лучше понять выражаемую автором мысль. Такое построение текста свидетельствует о том, что автор стремится подвести все конкретное многообразие своего изложения к одному "общему знаменателю", выражающему его точку зрения и косвенно его оценку того или иного тезиса.

Помещение в концовки абзацев фраз с подчеркнuto одинаковым смыслом характерно лишь для публицистического стиля, например:

"Rhodes based his political policies on the principle associated with his name of "equal rights for all civilized men" Thus the franchise in Rhodesia - up to the time the new Republican Constitution was introduced in 1969 - was always overtly 'non-racial'. The right to vote depended on financial and edu-

cational qualifications which, just as in South Africa, were always capable of modification to ensure that political power remained securely in White hands.

... Political segregation was introduced for the first time in the 1969 constitution... Smith used Rhodes' formula that it would 'entrench government in the hands of civilized people for all time.'

To complete the picture, the Smith-Home agreement raises the income qualifications... Once again Smith is able to recommend the agreement to his followers with the assurance that it guarantees that power will remain in 'civilized hands.'

["The African Communist" 1972]

Эмфатическая функция концовки абзаца особенно заметна, когда графический обрыв происходит внутри одного СЭБ и между граничными предложениями явно ощущается тесная смысловая связь. Эффект такого приема вызывается нарушением читательского ожидания, несовпадением графического и тематического деления текста. Подобные намеренные разрывы связного изложения красной строкой встречаются только в текстах публицистического стиля, свидетельствуя о большей субъективности в организации текстового материала и о стремлении авторов использовать различные стилистические приемы.

Например: "...To the reactionary commentators town kids are becoming impossible to teach; social conditions are producing insuperable problems in schools. And the commentators have thus found an excuse, a means of focusing blame not on the Government but on factors over which it seems to have no immediate control.

London, Glasgow, Liverpool children, they claim, are becoming harder to educate, more rebellious, and more violent. They are making the teacher's lot harder..." ["Comment" 1976].

Подводя итог, можно сказать, что использование эмфатической функции концовки абзаца в публицистическом стиле более разнообразно, чем в научном, где эта функция выражена значительно слабее и почти всегда накладывается на функцию оформления темы СЭБ.

Роль абзаца как целостной текстовой единицы связана с такими понятиями, как масштаб изложения, степень его детализации. Абзацное членение обуславливает определенную дискретность восприятия текста. Можно говорить о ритмообразующей роли абзаца, т.к. в результате графического деления создаются равноценные в структурном отношении единицы. Структурная равнозначность абзацев заставляет видеть в них и содержательно эквивалентные части текста [об этом см., напр., 25]. Помещая, например, в один абзац описание нескольких объектов, а в другой - лишь одно общее суждение, автор неизбежно снижает относительную значимость каждого из отдельных объектов в первом случае и заставляет обратить особое внимание на содержание второго абзаца.

Выбор масштаба описания в конечном итоге зависит от автора, от относительной оценки им излагаемых фактов. Следовательно, даже самое "нейтральное" изложение, ориентированное на абзацы-СФЕ, не лишено влияния авторской субъективной позиции. Так например, в научном тексте из-за важности всех результатов исследования в отдельные абзацы могут помещаться описания весьма мелких объектов, разных аспектов одной темы:

"The percentage contributions of interchromosomal interactions and main effects of chromosomes to the total variance are summarized in Table 4. Since a fixed-effect model was used, these percentages should not be regarded as real components of variance, but merely as some measure of the importance of the different effects. The particular interaction components and their significance levels are given by Davies.

Interactions are relatively least important in those line-character combinations where there was a large and efficient response to selection. Within each line...

Interactions were more important in unselected than selected characters. In STE abdominal and ABH sternopleural... ["Genetics" 1971]

С другой стороны, возможно структурно оправданное сведение в один абзац различных объектов изложения, например: "(...An onslaught against terror tactics will mean that terror-

rist charges will be heard before special courts. There will be no jury and bail will not be available in any case which is related to terrorism. In short, two important bastions of the common law system are to be thrown aside.

Juries are often open to criticism but there have been many occasions when the common sense of a jury has put a brake upon reactionary oppression... For example, proposition... This will no longer apply in Northern Ireland so far as terrorist charges are concerned. Again, there are only three good reasons for opposing bail. The defendant may abscond... Otherwise, an accused person is innocent until he is proved guilty and he is entitled to bail... Once again, these considerations will apply no longer in terrorist cases in Northern Ireland." ["Labour Monthly" 1973]

Значительные возможности для варьирования степени детализации создает ситуация, когда нарушается единство абзаца и СФЕ. Важной основой получения специфического экспрессивного эффекта служит здесь прием неожиданного столкновения сложившейся привычной организации текста с намеренным нарушением общего правила.

В публицистических статьях чаще всего встречается разбиение СФЕ на несколько абзацев. Иногда в отдельные абзацы помещается по одному-два предложения. Каждое из них приобретает в таком изложении особый вес, и автору удается таким образом доводить до читателя ту или иную идею во всех ее аспектах. Субъективность в способе отражения объекта /в членении изложения/ направлена здесь на выполнение основной функции публицистики - функции убеждения:

"All of these wage demands put by different sections of workers are hammer blows against increasing unemployment."

It has been said, and will be said again, 'unemployment will go on increasing if those in work demand higher wages.' Don't let the Tory Press and Television kid you.

Higher wages means higher consumption means more products means more jobs. Fight unemployment by demanding higher wages!

If the profit margins are not high enough for the Tory

owners, then nationalize the firms with socialists running them not Tory businessmen'" ["Challenge" 1971]

По сравнению с научным стилем публицистические статьи дают неизмеримо большее количество сверхфразовых единств, разделенных на абзацы. Весьма много здесь и однофразовых абзацев /средняя доля 0,12/, также указывающих на более субъективное деление текста. В научных же статьях такие абзацы либо вовсе не встречались, либо их приходилось по одному-два на текст.

Вопрос о роли абзаца в общей организации текста подводит исследование к завершающему этапу - определению внутренней структуры абзаца. Различные классификации абзацев можно встретить почти во всех работах, связанных с изучением проблем абзаца [см., напр., 3, 5, 7, 8, 9]. В настоящей работе также делается попытка классифицировать выявленные в ходе исследования структурно-логические типы абзацев.

Принималось во внимание, прежде всего, взаимосвязь структуры абзаца и СФЕ. По этому признаку можно выделить абзацы, оформляющие по одному СФЕ, и абзацы, структура которых не совпадает с СФЕ.

В первом случае структура абзаца отражает структуру тематического единства, и именно такие абзацы-СФЕ служат основой для классификации и анализа всех остальных абзацных структур

Классификация абзацев-СФЕ по логическому принципу:

I. Эквивалентная структура /последовательность логически эквивалентных предложений/:

1/Сочетание предложений с общим объектом изложения

- а. с повторяющимся объектом и разными атрибутами;
- б. с повторяющимся объектом и атрибутами.

2/Сочетание предложений без явного общего объекта изложения

- а. развитие темы, заданной первым предложением;
- б. описание объектов, объединенных имплицитной общей темой.

II. Неэквивалентная структура /с явно выраженным логико-смысловым центром/:

1/Сочетание предложений, отражающее движение мысли от об-

щего к частному.

а. начало абзаца - обобщенное указание на тему;

б. начало абзаца - эксплицитная формулировка темы.

2/Сочетание предложений, отражающее движение мысли от конкретного/частного/ к общему.

III. Однофразовая структура /самостоятельное предложение, исчерпывающее тему СФЕ/.

Абзацы-СФЕ первого и второго типов могут иметь смешанные структуры. Например, описание одного объекта может вводиться обобщенным указанием на тему, развитие темы может служить вводной частью, после чего последует раскрытие заданной темы, и т.п.

Практически все типы абзацев-СФЕ могут модифицироваться вводимым в них противопоставлением или дополняться "рамкой"-обрамлением абзаца сходными предложениями или употреблением в начале и концовке ключевых тематических лексем.

Как уже указывалось, научный стиль характеризуется почти полным преобладанием абзацев-СФЕ, причем от половины до 80% всех сверхфразовых единств имеет структуру "от общего к частному", в которой основное содержание задается в начале, а затем лишь конкретизируется или поясняется. В публицистических статьях значительно чаще встречаются нарушения единства абзаца и СФЕ. Такие случаи требуют особого рассмотрения.

Характеристики выявленных структурно-логических типов абзацев-СФЕ /инвариантных текстовых единиц/ являются своеобразным сочетанием признаков сверхфразового единства как смыслового образования и абзаца как графического средства оформления темы. При несовпадении границ абзаца и СФЕ могут возникать равнообразные варианты использования в организации текстового материала как свойств СФЕ, так и специфики абзаца.

Например, в текстах публицистического стиля нередки случаи, когда обобщающая часть абзаца выделяется в отдельный абзац. Особенности графики придают этой вводной части особую весомость. Оставшаяся часть - конкретное раскрытие темы, может быть просто продолжением СФЕ, но может и получать дополнительные структурные признаки, свойственные графически оформленной текстовой единице - например, рамочную конструк-

цию, повторное введение темы в первом предложении, более общее по сравнению с остальной частью абзаца, и т.п.

Например: "That in the final analysis the ideology of contemporary bourgeois society is a reflection of its decay does not prevent it from playing an active part in justifying the social system and defending it from criticism."

Contemporary sociology regards any idea of its change or radical reform as excluded by the very nature of its descriptive methodology. To ask for meaning, to look for development or change, to seek for guidance as to its future or its aim is useless and unscientific. In the words of M. Oakeshott, Prof. of Political Science of the University of London: "Men sail a boundless and bottomless sea..." / "World Marxist Review" 1974/

Публицистический стиль, в отличие от научного, характеризуется большим разнообразием используемых структурно-логических типов абзацев-СФЕ и сверхфразовых единств, разделенных на абзацы. Здесь чаще встречаются СФЕ - описания объекта и СФЕ с развивающейся темой /средние доли соответственно 0,27 и 0,11 по сравнению с 0,19 и 0,06 в научном стиле/. В среднем лишь половина абзацев относится к категории структур с явно выраженным логическим ядром-обобщающим предложением по сравнению с двумя третями таких абзацев в научном стиле, который характеризуется, таким образом, большей статичностью изложения. Polemicность публицистики отражается в весьма частом использовании протопоставительных структур, тогда как в выборке по научному стилю наблюдались лишь единичные употребления таких абзацев.

Другой вариант несовпадения границ абзаца и СФЕ - это сведение в один абзац нескольких самостоятельных тем. Характерной особенностью таких структур является своеобразное сочетание разделности и единства объединяемых СФЕ. Отсутствие лексико-грамматического сцепления свидетельствует о наличии в абзаце двух или более сверхфразовых единств. Принадлежность же их к одному абзацу подчеркивает существование между ними определенной имплицитной связи. Абзацы такого рода более сложны для восприятия, требуя активного домысливания читателем невыраженной связи. В текстах обеих выборок встре-

тились лишь единичные употребления данной структуры абзаца. Это обуславливается, по-видимому, характерным для научного и публицистического стилей стремлением авторов излагать материал ясно и последовательно, избегать возможных двусмысленностей и недопонимания.

Итак, проведенное исследование позволило получить определенные данные, свидетельствующие об отличиях между стилями научного и публицистического стилей на уровне структуры абзаца и связанных с ней явлений.

К числу результатов настоящей работы можно отнести, во-первых, разработку методологической основы сопоставления функциональных стилей на данном уровне - определение статуса абзаца в соотношении со сверхфразовым единством, выявление текстовых функций граничных элементов абзаца и самих абзацев как целостных единиц, разработку классификации структурно-логических типов абзацев.

Сравнение двух стилей по данным параметрам выявило определенные отличия в способах выражения и преимущественном использовании тех или иных видов межфразовой связи, в степени совпадения границ СФЕ и абзацев, в использовании эмфатической функции начала и концовки абзаца, а также в частоте определенных структурно-логических типов абзацев.

Дальнейшее подробное исследование данных проблем в функционально-стилистическом аспекте, особенно с привлечением других стилей /в частности художественного/ даст возможность более точно представить общую картину дифференциации функциональных стилей в английском языке. Такое исследование имеет как общетеоретическое, так и прикладное значение. Его результаты могут использоваться при редактировании различных видов текстов, в учебном процессе, в составлении практических рекомендаций по работе над дипломными и курсовыми проектами и работами, при общелингвистическом и стилистическом анализе текста на занятиях по английскому языку и семинарах по стилистике и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Г и н д и н С.И. Внутренняя организация текста. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1972, 255 с.
2. Г и н д и н С.И. Современная лингвистика текста. Некоторые проблемы и результаты. - Известия АН СССР ОЛЯ, 1977, № 4, с. 348-362.
3. Н и к о л а е в а В.П. Абзац, его строение, содержание и композиционно-стилистическая роль в рассказах Чехова. М., 1962, 22 с.
4. П о с п е л о в Н.С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке. - Уч. зап. МГУ, 1948, вып. 137, кн. 2, с. 31-41.
5. С е н к е в и ч М.П. Работа редактора над сложным синтаксическим целым и абзацем. М., 1969. 90 с.
6. С е р к о в а Н.И. Предпосылки членения текста на сверхфразовом уровне. - Вопросы языкознания, 1978, № 3, с. 75-82.
7. С и л ь м а н Т.И. Структура абзаца в прозе Лессинга, Гете и Гейне. - Филологические науки, 1961, № 4, с. 106-117.
8. С и л ь м а н Т.И. Проблемы синтаксической стилистики. Л., 1967. 152 с.
9. С о л г а н и н Г.Я. Синтаксическая стилистика. М., 1973. 208 с.
10. Т у р м а ч е в а Н.А. О типах формальных и логических связей в СФБ, Дис. на соиск. степени канд. филол. наук, 1973, 163 с.
11. Л а н с о н С. Principes de composition et de style. Paris, 1898. 193 p.
12. R e a d Н. English Prose Style. Glasgow, 1928. 236 p.
13. W a d d e l l R. Grammar and Style. New York, 1951. 380 p.
14. С м и р н о в А.А. Психология запоминания. М.; Л., Акад. пед. наук РСФСР, 1948, 328 с.
15. Б у л а х о в с к и й Л.А. Курс русского литературного языка. Киев, 1952, т. I, 447 с.
16. И в а н о в М.Н. Строение абзаца и его пунктуация. - Русский язык в школе, 1950, № 3, с. 16-21.
17. Д о с е в а Л.М. К изучению метафразовой связи. - Русский язык в школе, 1967, № I, с. 89-95.

18. П а д у ч е в а Е.В. Выражение тождества упоминаемых объектов как одна из проблем синтеза языкового текста. - В кн.: Труды III Всесоюзной конференции по инф.-поиск.системам, М., 1967, т.2, 464 с.
19. С е в б о И.П. Структура связного текста и автоматизации реферирования. М., 1969. 135 с.
20. С и л ь м а н Т.И. Синтаксические связи между предложениями. Филологические науки, 1965, № 2, с. 86-93.
21. O spójności tekstu. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1971, 112 p.
22. Н е н д р и с к а W.O. On the notion "Beyond the Sentence" - In: Linguistics, The Hague-Paris, Mouton, 1967, №37, p. 12-51.
23. Г а л ь н е р и н И.Р. О понятии "текст". - Вопросы языкознания, 1974, №6, с. 68-77.
24. К о с е р и у Е. Современные положения в лингвистике. - Изв. АН СССР СЛЯ, 1977, №6, с. 515-520.
25. F r i e s Ch. The Structure of English, London, 1952, 304 p.

Цитируемые статьи:

26. The Economic Crisis (ed. notes), - Political Affairs, N.Y., 1975, N 5, p. 51-58.
27. Zimbabwe Says No! (ed. notes), - The African Communist, Ldn, 1972, N42, p. 5-14.
28. Н у л м е Н.М. Milton's Use of Colloquial Language, - The Modern Language Review, vol.64, 1969, N3, p.p.491-499.
29. L e w i s J. Prejudices Passed as Truths, - World Marxist Review, Ldn, 1974, N1, p. 19-22.
30. Н а м м о n d S. Role and Place of Youth in our Society, - Communist Viewpoint, Toronto, 1971, vol.3, N 4, p. 35-40.
31. C r i p p s S.G. et al. Combined theoretical and experimental studies of a Push-pull Trapatt circuit, - International Journal of Electronics, vol.37, 1974, N 1, p. 1-17.

32. W i l l i a m s J. Pieces on Black Theatre...; Freedom-ways ,N.Y., 1969, vol.9, N 2, P. 146-155.
33. R o v d e n C. London's Education Crisis,- Comment , Lnd, vol.12, 1976,N 7, P. 99-101.
34. D a v i e s R.W. et al. The genetic relationship of two quantitative characters...; Genetics ,vol.69,1971,N 3, p.353-361.
35. M i c k l e w r i g h t F.H.A. Law and Order,- Labour Monthly ,vol.55,1973,N 5, Ldn,p. 229-233.
36. M o N a l l y T. No redundancies! No closures! Fight back..., Challenge ,Ldn,1971,N 2, P. 2-4.

НАУМОВА И.А.
ЛГУ им. П.Стучки

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ
ПРИЧАСТИЯ I
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Цель данной статьи - проанализировать некоторые стилистические особенности эпитета, выраженного причастием I.

У таких современных писателей как В.Фолкнер, С.Фитцджеральд и др. бросается в глаза одна яркая стилистическая особенность: необычайно частое употребление эпитета, выраженного причастием I, как например:

...then in the moonlight like a cloud the floating shadow of the veil running across the grass, into the bellowing. [1, с.101]

And all that day, while the train wound through rushing gaps and along ledges where movement was only a labouring sound of the exhaust and groaning wheels [1, с.107].

В этих примерах наблюдаем типичную для В.Фолкнера тонкую психологическую манеру передачи действия, при помощи которого раскрывается внутренний мир персонажа, его настроение. Это в какой-то мере объясняется конвергенцией (по М.Риффаттеру) определенных стилистических приемов. В первом случае мы находим: сравнение (like a cloud); метафору (shadow); эпитет (the floating shadow of the veil); во-втором: метафоры (wound, a sound); эпитеты

(rushing gaps, groaning wheels).

Проанализируем несколько более подробно эпитеты, выраженные причастием I. Прежде всего, бросается в глаза следующее обстоятельство: причастие I, деривационно связанное непосредственно с глаголом, дает динамическую характеристику предмета. В примерах, разобранных выше, эпитеты можно рассматривать как своеобразные трансформы соответствующих ядерных структур:

the shadow... was floating → the floating shadow
the gaps were rushing → rushing gaps
wheels groaned → groaning wheels

Существенно отметить, что трансформация номинализации /2/, рассмотренная выше, характерна для стилистического рисунка В.Фолкнера вообще, она придает динамичность, своеобразную трепетность его повествованию¹.

В стилистическом плане необходимо отметить, что глаголы to float, to rush и to groan в трансформации номинализации употреблены метафорически. Следовательно, и соответствующие причастия-эпитеты носят явно метафорический характер.

В связи с этим хотелось бы сделать одно тривиальное замечание. Традиционно мы различаем эпитет и метафору как два различных стилистических тропа, но, по сути дела, эпитет и метафора могут отличаться друг от друга лишь морфологически: метафора чаще всего представлена именем существ-

¹ ...a style is in part a characteristic way of deploying the transformational apparatus of a language [3, p.128] ...generative grammars with transformational rules help the linguist or critic to explicate convincingly the elusive but persistent notion of style... transformational analysis of literary discourse promises to the critic stylistic descriptions which are at once simpler and deeper than any hitherto available... [3, p.136].

вительным или глаголом, эпитет - прилагательным или наречием. По своей же образной направленности эпитет нередко носит метафорический, реже метонимический характер.

Как отмечает А.Уфимцева, "общими, свойственными всем языкам чисто семантическими связями слов являются метафорические, метонимические" [4, с. 227].

На наш взгляд, метафоризация - одно из важнейших семантических явлений, которое тесно соприкасается с особенностями человеческой психики [5, с. 343]. Метафоризация - эффективный источник семантических инноваций, которые ярче всего проявляются в синтагматической цепи, т.е. в речи^I.

"Речь - отмечает А.Уфимцева - тот реально функционирующий язык, где наряду с системными значимостями словесных знаков возникает в целях коммуникации бесконечное большое число новых смыслов (смысл словосочетания, смысл фразы, смысл предложения)" [4, с. 227].

Эти "новые смыслы" - нередко результат метафорического использования слов.

Метафоризация часто смыкается с олицетворением (ведь, фактически, каждое олицетворение - своеобразный перенос значения), как, например, "groaning wheels". Аналогичное явление мы наблюдаем в таких примерах как:

He was up on the hill, with his lamp illuminating the frowning rock behind and above him... /6, с.223/.

Причастие-эпитет frowning приписывает скале черту, свойственную человеку (to frown - хмуриться).

^I "Метафора не узуальный знак, несущий готовое понятие, а, по выражению В.А.Пастернака, "мгновенное озарение" своего рода семантический взрыв, дающий максимально живое и нерасчлененное представление, в котором одновременно содержатся все признаки, последовательно вычленяемые нами при анализе (но именно при анализе, а не при непосредственном восприятии!)" [5, с. 141].

С.Фиджеральд в рассказе "The Ice Palace", описывая промощения в ледяном дворце, когда неожиданно гаснут огни, пишет:

The music eased to a sighing complaint, and from outside drifted in the full-throated resonant chant of the marching clubs

[7, с.92].

В этом примере автор прибегает к конвергенции метафор, выраженных глаголами to ease, to drift, существительными complaint, chant и эпитетами full-throated, sighing. Последнее (sighing) передает эффект олицетворения, усиливая метафорическое звучание существительного complaint и всего предложения в целом.

У Джерома К.Джерома в романе "Three Men in a Boat" мы встречаем лирические описания природы, где нередко эпитет выражен причастием, окказионально реализующим метафорическое значение, олицетворяющее природу, как например:

...till the fair smiling river lies full before you,
and you push the little boat out from its brief prison
on to the welcoming waters once again

[8, с.138].

Здесь причастия-эпитеты "smiling", "welcoming" ненавязчиво передают восхищение автором красотой английского пейзажа.

В этих примерах мы не можем сказать, что причастие-эпитет семантически порывает с глаголом и что это случаи адъективации причастия. Дело в том, что трансформация номинализации проходит во всех предложениях, рассмотренных выше:

the rock frowned → the frowning rock
a complaint sighed → a sighing complaint
the waters welcomed → the welcoming waters

Нам не удалось обнаружить лексикографические источники, которые бы регистрировали адъективированные причастия rushing, groaning, sighing, etc. с метафорическими зна-

чениями, рассмотренными выше. Это значит, в этих примерах мы имеем дело с чисто окказиональным метафорическим использованием причастия I на синтагматическом уровне. Однако, остановимся более подробно на причастии-эпитете *smiling*.

На первый взгляд, метафорический эпитет *smiling* кажется чистым окказионализмом. В современных англо-английских толковых словарях нам не удалось найти *smiling* зарегистрированное как адъектированное причастие. Но любопытен тот факт, что метафорическое использование причастия *smiling* мы встречаем у разных авторов, например: *Big Gilgia, whose bed had lain black and netted with cracks, was abrim with a smiling sheet of water*

[6, с.152]

Big Gilgia - название реки в Австралии. Несколько месяцев не было дождя и дно реки высохло и почернело от засухи, а сейчас река ожила и эпитет *smiling* передает животворную силу воды, приписывая воде способность улыбаться.

They sat drinking apple juice... and gazed at the innocent smiling mountains

[9, с.91]

В этом примере М.Спарк передает тихий летний пейзаж, наделяя горы человеческими способностями быть невинными и улыбающимися.

Далее в БАРС^I мы находим *smiling* - а улыбающийся, улыбчивый, где *smiling* подается как прилагательное.

Так, в результате метафорического использования причастия *smiling* мы наблюдаем процесс его адъективации /Ю/ и "окачествленность" последнего, на наш взгляд, удачно передается прилагательным "улыбчивый".

Итак, неоднократное метафорическое использование при-

^I Здесь и в последующем изложении БАРС - /II/.

частиа I на синтагматическом уровне может вызвать качественное изменение: адъективацию причастия и появление у последнего новой лексической характеристики, что уже представляет собой выход в лексическую парадигматику. Особенно четко это явление наблюдается, когда мы анализируем вторую стилистическую особенность употребления причастия I, а именно появление у причастия I так называемого "эмоционально-усилительного значения" [11, с. 177].

Так, например, Дж. Пристли в романе "Angel Pavement", характеризуя состояние молодого героя, влюбленного в дочь своего управляющего, пишет: ...for he carried a fire inside him, a burning excitement [12, с. 374]. В этом примере сочетание "a burning excitement" можно перевести как "жгучее, трепетное волнение".

□ БАРС мы находим:

burning: a. I I) горячий, пылающий.

2) эмоц.-усил. жгучий

↳ shame - страшный стыд; ↳ disgrace - ужасный позор; ↳ question - жгучий, животрепещущий вопрос.

2. горячий. ↳ oil - керосин.

Эмоционально-усилительное значение наблюдается у адъективированного причастия на второй стадии адъективации, которую можно назвать семантической [10, с. 33-36]. На этой стадии мы наблюдаем полный семантический отрыв адъективированного причастия от соответствующего глагола и трансформация номинализации, рассмотренная выше, не проходит.

В примере a burning excitement эмоционально-усилительное значение причастия I является метафорическим ("стертая метафора") и принадлежит уже узусу.

В семантической структуре адъективированного причастия thumping мы находим следующие лексико-семантические варианты:

(БАРС)

thumping I. ударяющий, бьющий.

2. эмоц.-усил. громадный

thumping damages - громадный ущерб

thumping lies - наглая ложь

Первый лексико-семантический вариант лишен каких-либо эмоционально-усилительных обертонов, в то время как второй ("громадный") - стилистически окрашен.

У Дж. Пристли в романе "Angel Pavement" эмоционально-усилительный вариант thumping характеризует прием пищи, еду.

"If you don't have at least one thumping big meal a day in this town at this time of the year, you might as well send for the doctor at once and have done with it

[12, с.313].

Нам представляется, что в сочетании "a thumping big meal" "thumping" выражает положительную оценку (капитальный, плотный обед).

Интересно отметить следующее обстоятельство: словарная дефиниция эмоционально-усилительного значения подчас дает приблизительную характеристику этого лексико-семантического варианта. Рассмотрим некоторые возможные причины этого явления.

В свое время Ш. Балли писал: "... обороты, содержащие гиперболу, быстро стираются, теряют свою экспрессию... В результате разговорный язык вынужден непрерывно усиливать существующие выражения и создавать новые - получается своего рода бег на месте" [13, 338-339].

Это явление Долинин К.А. определяет как "девальвацию экспрессивности и обновление эмоционального словаря" [5, §103].

Необходимо отметить, что в современном английском языке удельный вес слов, имеющих эмоционально-усилительное значение, непрерывно растет.

У целого ряда эмоционально-усилительных лексико-синтагматических вариантов еще не успевает отстояться, вы-

кристаллизоваться "системный семантический контекст"¹, как им на смену приходят другие интенсификаторы, которые звучат свежо, ярче чем их предшественники.

В семантической структуре *screaming* в БАРС зафиксированы следующие лексико-семантические варианты: *screaming* (a.).

1. пронзительный, резкий, визгливый.

✓ cry - пронзительный крик

✓ voice - пронзительный голос

howling wind - завывающий, воющий ветер.

2. вызывающий, неукротимый, уморительный.

3. эмоц.-усил. первоклассный, необыкновенный, поразительный.

✓ success - потрясающий успех.

Но эмоционально-усилительное значение "*screaming*" на синтагматическом уровне может уточняться, конкретизироваться и выражать большой диапазон эмоциональных оценок, начиная от отрицательной до положительной.

Так, в романе "The Sea Eagle" Дж.Олдридж, описывая лавину, определяет ее адъективированным причастием "*screaming*" в значении "устрашающая, страшная".

It was a falling mountain roaring all around them. It was a screaming avalanche

[14, с. 64]

С другой стороны, то же адъективированное причастие *screaming* может быть выразителем явно положительной оценки, как например, "It was an unexpected *screaming* cry" [15, с. 162].

¹ "Системный семантический контекст... включает следующие компоненты:

- 1) семантически реализуемое слово;
- 2) лексически сочетающееся, так называемое ключевое слово;
- 3) модель лексической сочетаемости;
- 4) модель синтаксической сочетаемости [4, с. 22].

В некоторых случаях эмоционально-усилительное значение вовсе не уточняется, как например blazing (a) (BAPC)

1. ярко горящий.

2. 1) явный.

2) заведомый, вопиющий.

↖ lie - нагая ложь.

3. эмоц.-усил.

What is the ↖ hurry!

Как видно из словарной статьи, третий лексико-семантический вариант фактически не определяется составителями словаря.

Так, в романе Р.Олдингтона "Death of a Hero" мы встречаем:

Then there was a blazing row, Elizabeth at George, and then Fanny at George, and then - epic contest - Elizabeth at Fanny

[16, с.42].

В этом примере "blazing row" можно истолковать как "страшная, безобразная ссора", что подтверждается количеством участников, вовлеченных в нее. Бесспорно одно, эмоциональная оценка, данная автором, является отрицательной и решающую роль в уточнении эмоционально-усилительного значения играет синтагматический план: неожиданная сочетаемость (a blazing row) и речевая ситуация.

Выводы

1. Причастие I в современном английском языке имеет большой стилистический потенциал. На синтагматическом уровне оно эффективно используется современными авторами в качестве метафорического эпитета.

2. Метафоризация - источник разнообразных семантических модификаций; метафоризация причастия способствует адъективации последнего и развитию новых лексико-семантических вариантов у адъективированного причастия.

3. В результате метафорического употребления у современного причастия I развивается стилистически окрашенный тип значения - эмоционально-усилительный. Одна из характерных черт этого значения заключается в том, что в синтагматике оно может уточняться, конкретизироваться контекстологически и при помощи экстралингвистической ситуации.

Литература

1. F a u l k n e r W. The Sound and the Fury. New York, U.A.Knopf, Inc. and Random House, Inc., 1956.
336 p.
2. L e e s R. The Grammar of English Nominalization. Bloomington (Ind.), The Indiana Univ. Research Center in Anthropology, Folklore and Linguistics, 1960. 205 p.
3. O h m a n n R. Generative Grammars and the Concept of Literary Style. Readings in Applied Transformational Grammar. New York, Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1970, p.117-137.
4. У ф и м ц е в а А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968. 272 с.
5. Д о л и н и н К.А. Стилистика французского языка. Л., 1978. 343 с.
6. Australian Short Stories. М., 1975. 400 p.
7. F i t z g e r a l d F. S c o t t. Selected Short Stories. М., 1979. 356 p.
8. J e r o м e К л а р к а J e r o м e. Three Men in a Boat. М., 1976. 158 p.
9. S p a r k M. The Public Image. Stories. М., 1976. 292 p.
10. Н а у м о в а I. The Lexicalization of Grammatical Forms (Participle I and Participle II) as a Means of Replenishing Modern English Vocabulary. - В кн.: Вопросы лексикологии и грамматики английского и латышского языков. Рига, 1972, с. 31-45.

11. Большой англо-русский словарь. Под ред. Гальперина И.Р. М., 1972.
12. Priestley J.B. Angel Pavement. M., 1974. 504 p.
13. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. 394 с.
14. Aldridge J. The Sea Eagle. Kiev, 1973. 280 p.
15. Cronin A.J. A Song of Sixpence. Western Printing Services Ltd, 1961. 279 p.
16. Aldington R. Death of a Hero. M., 1958. 443 p.

НАЧИСЧИОНЕ А.С.
ЛГУ им. П.Стучки

ИНВЕРСИЯ КАК ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ ПРИЕМ
ОККАЗИОНАЛЬНОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РЕЧИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ.ЧОСЕРА)

Инверсия компонентов фразеологических единиц (ФЕ) в современном английском языке рассмотрена в ряде работ [1, 2, 3], но остается неизученной для более ранних периодов развития английского языка. Явление инверсии компонентов среднеанглийских ФЕ тесно связано с развитием порядка слов и всего грамматического строя среднеанглийского языка, так как вопрос о порядке следования компонентов ФЕ нельзя рассматривать в отрыве от общих закономерностей порядка слов в предложении.

Порядок слов в среднеанглийском языке является сложной и малоизученной проблемой. Тенденция к стабилизации порядка слов усиливается к концу среднеанглийского периода. Многие исследователи считают, что в XIV веке самой распространенной последовательностью членов предложения становится S-P-O. Однако конкретные статистические данные ученых расходятся. О.Есперсен приводит статистику, характеризующую следующие этапы развития порядка слов английского языка: порядок S-P-O употребляется в 16% в Беовульфе, в 40% в прозе Короля Альфреда и в 82-97% в произведениях XIX века (учитываются все предложения, имеющие трехчленную структуру) Г 4, с. 99 Т. По подсчетам

В.В.Пассека, в XIV веке по сравнению с древнеанглийским периодом употребительность конструкции S-P-O возросла от 40 до 82% [5, с. 121]. Статистические исследования В.Швецковского позволили ему сделать вывод, что в среднеанглийском языке сказуемое чаще всего занимает первое место после подлежащего (75-89%), а дополнение следует за сказуемым в 82,6% [6, с. 82-85]. Эти исследования подтверждаются статистикой А.Меклиша, который приходит к заключению, что во второй половине XIV века косвенное дополнение не употреблялось перед сказуемым [7, с. 208]. Ч.Фриз, в свою очередь, утверждает, что в конце XIV века практически не только косвенное, но и прямое дополнение перед сказуемым не употреблялось [8, с. 254]. Выводы Ч.Фриза заслуживают внимания, так как они сделаны на основании большой картотеки, причем автор учитывает порядок слов как грамматическое явление и исключает те случаи, когда инверсия носит стилистический характер.

Разноречивость мнений объясняется не только сложностью проблемы, но и тем, что в большинстве случаев выводы были сделаны на основании анализа текстов одного века или даже произведений одного или нескольких авторов, а распространены на весь период, между тем тексты среднеанглийского периода далеко не однородны.

Порядок слов в произведениях Чосера подробно проанализирован в двух работах - в докторской диссертации Б.А. Ильина и в монографическом исследовании А.Меклиша. Недостатком этих работ является то, что порядок слов в произведениях Чосера рассматривается сквозь призму современного английского языка, и практически все случаи, не соответствующие формуле S-P-O, расцениваются как инверсии. Не выделяются факты стилистической инверсии. Другими словами, те случаи, когда отступление от прямого порядка слов представляет собой стилистический прием, не ограничиваются от случаев, когда обратный порядок слов является языковой нормой второй половины XIV века. Б.А.Ильин допус-

дает возможность инверсии в стилистических целях, но не разграничивает ее. Автор приводит разные варианты порядка слов в произведениях Чосера, употребленных поэтому в целях повышения выразительной речи, а также из-за соображений ритма и рифмы [9, с. 224, с. 236]. Насколько нам известно, нет специальных исследований по стилистической инверсии переменного словосочетания среднеанглийского языка. Такой пробел в исторической стилистике затрудняет исследование инверсии в ФЕ в произведениях Чосера. Поэтому в каждом случае необходим конкретный анализ, основанный на исторических данных исходной формы ФЕ. Не отрицая связи инверсии ФЕ с общими законами построения языка данного периода, мы попытаемся выяснить, в чем проявляется специфика и особенности ФЕ при инверсии в речи по сравнению с переменным словосочетанием. ФЕ имеет свои структурные и семантические особенности, свои закономерности функционирования. Специфика ФЕ заключается в ее устойчивости - инвариантности на разных уровнях языковой структуры, в том числе и на синтаксическом [10, с. 106]. Синтаксическая устойчивость проявляется в стабильном порядке следования компонентов, без чего в языковой системе нет самой фразеологической единицы. Устойчивость на синтаксическом уровне является диахронически имманентным свойством ФЕ, характеризующим ее с начала исторического развития.

В случаях стилистической инверсии изменяется стабильный порядок следования компонентов. Мы рассмотрим стилистически значимые изменения последовательности компонентов ФЕ и будем пользоваться термином "инверсия ФЕ". Под инверсией мы понимаем изменение языкового порядка следования компонентов в речи в стилистических целях. Чосер в своих произведениях широко пользуется инверсией ФЕ как особым стилистическим приемом. Достаточно сказать, что из 1164 окказиональных употреблений ФЕ в текстах Чосера 121 является инверсией (9,62%). Это, в частности, объяс-

няется удельным весом поэтических текстов его литературного наследия, в которых инверсия ФЕ для смыслового выделения часто сочетается с верификационными целями. Мы рассмотрим самые распространенные виды инверсии ФЕ в произведениях Чосера. Для нас немаловажным является установление наличия самого факта возможности стилистической инверсии компонентов ФЕ среднеанглийского языка и утверждение инверсии ФЕ как одного из способов в системе стилистических приемов преобразования ФЕ в речи. Для констатации явления инверсии в ФЕ, употребляемой Чосером, необходимо знать языковую форму данной ФЕ. Сопоставление языковой и речевой форм позволит установить, является ли данный порядок компонентов отклонением от языковой нормы, а фразеологический контекст показывает, является ли это отклонение стилистически релевантным.

Самую большую группу ФЕ с инвертированным порядком следования компонентов составляют компаративные фразеологические единицы (КФЕ). Исследование инверсии в КФЕ, употребленных Чосером, представляется особенно интересным, так как по данным С.И.Розенсона, А.Л.Холодной и А.В.Кунина в современном английском языке такие случаи весьма многочисленны.

КФЕ отличаются постоянством структурной организации. В адъективных КФЕ первым компонентом является адъективный компонент, за которым следует субстантивный компонент, присоединяемый сравнительным союзом, а в глагольных КФЕ первым является глагольный компонент, за которым следует сравнительная часть. Такая языковая последовательность компонентов характерна и для древнеанглийского (др.англ.) и для среднеанглийского (ср.англ.) языков. Обратимся к примерам

	Др. англ.	Ср. англ.	Ср. англ.
	(swa) beorth swa sunne	(800)	(as) bright as the sonne
АКФЕ	(swa) hwite swa snow	(900)	(as) whyt as snow
	(swa) hwite swa meolc	(1000)	(as) whyt as milk
	scinan swa ¹ sunne	(900)	to shyne as the sonne
ГКФЕ	scinan swa gold	(1000)	to shyne as (the) gold
	scinan swa steorran	(1000)	to shyne as (the) sterree

Данные языковой формы этих КФЕ извлечены из исторического фразеологического словаря Б. Уайтинга Г II I. Цифра за древнеанглийской формой указывает на первую письменную фиксацию КФЕ. В словарных статьях Уайтинг дает много иллюстративных примеров речевых употреблений этих КФЕ в древнеанглийском и среднеанглийском периодах, свидетельствующих о прочности порядка компонентов. Хронологический критерий выделения языковой формы КФЕ показывает, что стабильный порядок компонентов — постоянный признак КФЕ в течение многих столетий. Схематически это можно выразить следующим образом:

	Др. англ.	Ср. англ.	Совр. англ.
АКФЕ	(swa) A swa N	(as) A as N	(as) A as N
ГКФЕ	V swa N	V as N	V like N

В речи стабильная последовательность компонентов КФЕ может изменяться в стилистических целях. В результате ин-

¹ В древнеанглийском периоде в КФЕ употреблялся союз swa и в среднеанглийском союз as, независимо от структуры КФЕ.

версии в КФЕ среднеанглийского языка произошли следующие преобразования:

(as) A as N → as N A

V as N → as N V

Например:

(as) kene as (any) razor^I

And out he saughte a knyf, as razor kene;

'Hyd this', quod he, 'that it be nat y-sene ...

LGW, 2654-5

Основной причиной инверсии субстантивного компонента является смысловое и эмоциональное выделение сравнительной части КФЕ. Требование логического выделения мысли в поэтическом тексте часто сочетается с необходимостью приспособить КФЕ к ритмической структуре строки. Это отчетливо проявляется в следующем примере:

(as) stable as any centre

Of his corage as any centre stable.

∪ ∪ / ∪ ∪ / ∪ ∪ / ∪ ∪ / ∪ ∪ / ∪ ∪

OT, P, 22

Инверсия приближает структуру КФЕ к структуре ямбического метра. Эмфатическое подчеркивание сравнительной - переосмысленной части КФЕ посредством инверсии придает фразеологизму необычную форму, а также новые семантические нюансы. Использование ФЕ в конце стихорада служит одним из способов семантического выдвижения ФЕ в стихе [12, с. 158]. КФЕ часто употребляются Чосером в конце строки и занимают третью, четвертую и пятую стопы пяти-стопного ямба.

(as) whyt as eny lillie

Up-on his hand he bar, for his deduyt,

An egle tame, as eny lillie whyt.

∪ ∪ / ∪ ∪ / ∪ ∪ / ∪ ∪ / ∪ ∪

OT, A, 2177-8

^I Современная английская (совр.англ.) форма не указывается, если ФЕ устарела.

В произведениях Чосера логическое выделение нередко обуславливается также требованиями рифмы. Являясь одним из элементов стихотворной организации речи, рифма, как правило, несет еще и дополнительную смысловую информацию [13, с. 79; 14, с. 69-95; 15, с. 246-247]. Таким образом, "посредством изменения порядка следования компонентов ФЕ в тексте достигается эффект особой как бы двойной их выделенности за счет инверсии во-вторых" [12, с. 156].

Инверсия субстантивного компонента встречается и в глагольных КФЕ, употребленных Чосером. Например:

to rore as a bere

This Solus with harde grace,
Held the windes in distresse,
And gan hem under him to presse,
That they gonne as beres rore...

HF, 1586-9

КФЕ обнаруживает инверсию и другого типа - инверсию с вспомогательным глаголом. Б.А.Ильин замечает, что в произведениях Чосера очень обычна инверсия в сравнительном придаточном предложении, начинающемся с *as* [9, с. 222].

Схематически это преобразование можно представить в следующем виде:

(as) A as N \longrightarrow (as) A as V_{link}^N
V as N \longrightarrow V as V_{link}^N

Этот вид инверсии придает поэтическую тональность и возникает в стихе как результат воздействия ритма на

Инверсия со вспомогательным глаголом встречается и в глагольных ФЕ, приближая их структуру к метрической структуре строки.

to couche as a quaille

1 00/ 2 0

And thou shalt make him couche as dooth a quaille.

0 1/ 0 1/ 0 1/ 0 1/ 0 1/ 0

Ст, В, 1206

Инвертированию подвергаются не только ФЕ, но и компоненты ФЕ других видов. Изменение в линейном расположении компонентов является изменением структурно-семантическим. "Расположение элементов предложения при более углубленном анализе с позиций теории информации оказывается носителем некой дополнительной информации", пишет И.Р.Гальперин Г 18, с. 102 I. Это правомерно не только для переменного словосочетания, но и по отношению к ФЕ, где фиксированная последовательность компонентов усиливает эффект логической эмфазы при инверсии. В фразеологическом материале Чосера инверсия часто встречается в глагольных ФЕ.

Выделенный при инверсии субстантивный компонент глагольных ФЕ превращается в логический предикат. Можно выделить два вида инверсии в глагольных ФЕ:

а) инверсия в глагольных ФЕ, в которых субстантивный компонент обнаруживает беспредложную связь с предшествующим глагольным компонентом;

to caste ones yen^I

Myu yen to the heven I caste.

НР, 495

б) инверсия в глагольных ФЕ, в которых субстантивный компонент обнаруживает предложную связь с предшествующим глагольным компонентом;

I Совр.англ. - to cast one's eyes.

to frye in ones owene grece^I

But certainly, I made folk swich chere,
That in his owene grece I made him frye
For angre, and for verray jalousye.

OT, D, 437-9

Таким образом, в глагольных ФЕ инвертирование субстантивного компонента или же всей предложной группы с субстантивным компонентом превращает его в логический предикат и порождает эмфазу. В данных глагольных ФЕ инвертированный порядок компонентов является окказиональным, о чем свидетельствует иллюстративный материал словарных статей словаря Б.Уайтинга.

Инверсия ФЕ как средство усиления смысловой нагрузки высказывания сопровождается эмфатической интонацией. Инвертированный элемент интонационно выделяется замедленным темпом произнесения, движением частоты основного тона и повышением интенсивности произнесения ударного слога [2, с. 187]. Совокупность семантического, синтаксического и интонационного факторов формирует эмфазу при инвертировании компонентов ФЕ [2, с. 137].

Явление инверсии наблюдается и в фразеологизмах-пословицах. Материал нашей картотеки подтверждает вывод Л.И.Селяниной, считающей, что порядок слов в английских пословицах отличается большой стабильностью [19, с. 188].

В целях усиления экспрессивно-эмоционального воздействия ФЕ на читателя конечный компонент или компоненты могут выноситься в начало ФЕ, изменяя фиксированную последовательность компонентов пословицы.

bet late than never²

Ye that it use, I rede ye it l e t e,

Lest ye lese al; for bet than never is late.

CT, G, 1409-10

¹ Совр. англ. - to fry in one's own grease.

² Совр. англ. - better late than never.

Во всех приведенных выше примерах инвертируется один или несколько компонентов, но инверсия в ФЕ осуществляется один раз, в единичных случаях инверсия осуществляется два раза - инвертируются и начальные и конечные компоненты ФЕ.

of two harmes chese the lesse¹

Of harmes two the lesse is for to chese.

✓ I / ✓ I / ✓ I / ✓ I / ✓ I

Yet have I lever maken him good chere

In honour, than myn emes lyf to lese;

Ye seyn, ye no-thing elles me requere?

ТС, II, 470-3

Этот пример интересен и тем, что в первом случае инвертированных компонентов two употребляется в постпозиции к субстантивному компоненту, к которому оно относится. В harmes two наблюдается occasionalный порядок следования компонентов², вызванный требованиями ямбической стопы. Благодаря инвертированию конечных компонентов chese выносятся на конец стихоряда и рифмуется со словом lese, что способствует образованию смыслового ударения и выделению семантически значимых элементов. В тексте инвертирование начальных и конечных компонентов данной ФЕ вызывает единый стилистический эффект повышения выразительности высказывания. Сама ФЕ, занимающая всю строку, становится единичной стихорядом.

Итак, инверсия компонентов ФЕ является одним из рекуррентных стилистических приемов в произведениях Чосера, одной из особенностей его стиля. Стилистический эффект инверсии ФЕ предопределяется свойственным им постоянством структурной организации. Стабильный порядок компонентов - имманентный признак ФЕ в течение многих столетий. Языковая фиксация

¹ Совр. англ. - of two evils choose the lesser.

² По свидетельству словаря Б.Уайтинга.

сация порядка компонентов происходит вместе с процессом возникновения ФЕ. Инверсия ФЕ представляет собой комбинированный структурно-семантический прием, при котором во всех случаях обязательным является нарушение фиксированной последовательности компонентов. Однако структура ФЕ может расширяться за счет вспомогательного глагола (см. инверсию в КФЕ со вспомогательным глаголом) или же оставаться без изменений количества компонентного состава. В смысловом отношении релевантными являются изменения взаиморасположения знаменательных компонентов ФЕ, однако при анализе поэтического текста следует учитывать также и вспомогательные компоненты. При инверсии ФЕ становится целый комплекс задач, основной из которых является логическое выделение мысли, способствующее повышению экспрессивно-эмоционального характера сообщения. Смысловое ударение при инверсии сочетается с ритмико-эвфонической функцией. Явление инверсии возникает в стихе как результат воздействия заданной метрической схемы на ФЕ. Инверсия выявляет ритмообразующие и рифмообразующие возможности ФЕ. Таким образом ФЕ становится значимым элементом стихотворного ряда. Инверсия ФЕ выявляет некоторые особенности функционирования ФЕ в стихотворном тексте.

Инверсия, как и другие стилистические приемы преобразования ФЕ в речи, является речевой нормой. Нормативность проявляется в диахронической воспроизводимости приема, который сам по себе принадлежит к языку, а индивидуальность приема проявляется в своеобразном, оригинальном его осуществлении, обусловленном требованиями данного контекста.

Литература

1. Р о й з е н с о н С.И. Глагольные комперативные фразеологические единицы в современном английском языке. Дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1972. 339 с.

2. Х о л о д н а я А.Л. Окациональное стилистическое использование грамматических категорий в фразеологических единицах в современном английском языке. Дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1973, 215 с.
3. К у н и н А.В. Инверсия как явление фразеологической стилистики. - В кн.: Проблемы лексики и фразеологии. Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И.Пушкина. Л., 1975, с. 86-94.
4. J e e r e g e n O. Essentials of English Grammar. New York, Henry Holt and Company, 1939, 337 p.
5. П а с с е к В.В. История вырождения различия между подлежащим и прямым дополнением в английском языке. Дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1951, 218 с.
6. S w i e s z k o w s k i W. Word Order Patterning in Middle English. S'Gravenhage, Mouton, 1962, 114 p.
7. M a s L e i s h A. The Middle English Subject - Verb Cluster. The Hague-Paris, Mouton, 1969, 276 p.
8. F r i e s Ch. American English Grammar. New York, D. Appleton-Century Company, 1940, 254 p.
9. И л ь и ш Б.А. Синтаксис Чосера. Дисс. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. Л., 1945, 237 с.
10. К у н и н А.В. Английская фразеология (теоретический курс). М., 1970. 343 с.
11. w h i t i n g V.J. Proverbs, Sentences and Proverbial Phrases from English Writings Mainly before 1500. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1968, 729 p.
12. Д а н ч е н к о Н.Н. Акцентно-слоговая структура фразеологических единиц в стихотворном тексте (на материале поэмы Дж. Байрона "Дон Жуан"). - В кн.: Фонетика и лексикология английского языка. Учен. зап. Латвийск. гос. ун-та им. П.Стучки. Рига, 1976, том 248, с. 143-158.

13. Ж и р м у н д с к и й В.М. Рифма, ее история и теория. СПб, Academia, 1923, 337 с.
14. Г о н ч а р о в Б.П. Рифма и ее смысловая выразительность. - В кн.: Изучение стихосложения в школе. М., 1970, с. 69-95.
15. N e i m o i a n u V. Levels of Study in the Semantics of Rhyme. - Style, 1971, vol. 5, No. 3, p.246-247.
16. The Book of Humorous Verse. New York. 1920.
791 p.
17. S v a r t e r g r e n Т.Н. Intensifying Similes in English. Inaugural Diss. Lund, Gleerup, 1918, 512 p.
18. Г а л ь п е р и н И.Р. Информативность единиц языка. М., 1974. 173 с.
19. С е л я н и н а Л.И. Варианты пословиц английского языка. Дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1970, 276 с.

ОБНОРСКАЯ М.Е.

Алтайский политехнический ин-т

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ НЕКОТОРЫХ МОДЕЛЕЙ СОЧИНЕННОГО РЯДА

Сочиненные ряды или многочленные сочинительные единства (МСЕ) обладают способностью нести большую информацию, как предметно-логическую, так и дополнительную [1, с. 68; с. 7]. Небольшая по объему конструкция порой становится чрезвычайно емкой, так как вызывает в нашем сознании чувства, представления и образы, эксплицитно в конструкции не выраженные¹. Являясь одним из элементов отражения действительности, МСЕ представляют собой сложное диалектическое единство: с одной стороны, эти конструкции, как будет показано далее, обладают емкостью, экономичностью, с другой стороны, они являются "полезно" избыточными.

Потенциально сочиненные ряды можно рассматривать как синтаксический способ компрессии информации [3]. Ниже мы постараемся выявить условия реализации этой способности МСЕ, и выделим типы сочиненных рядов, обладающих свойством компрессии информации.

My oversight was in not remembering that four members of their team were Canadians - all - it turned out, extreme-

¹ Это свойство особой художественной емкости элементов текста Ю.А.Филиппов образно назвал "релейной функцией" или "релейным действием" /2, с. 90-93/.

ly patriotic, well-built and within earshot. (SLS, p.17)

В норме в сочинительных сочетаниях наблюдается "взаимное обусловливание", семантическое согласование. Семантическое согласование синтаксически однородных элементов, как правило, сочетается с морфологической однородностью, в итоге говорят об однородности в широком смысле. Основной чертой этого сочиненного ряда является нарушение семантического согласования [4]. Для характеристики игроков выбираются такие признаки, которые с точки зрения семантики (а также морфологического оформления) являются неоднородными. Первый элемент ряда характеризует игроков канадской команды с точки зрения их моральных качеств, затем неожиданно следует их физическая характеристика и, наконец, столь же неожиданно их, так сказать, пространственная характеристика - указание на то, где они находились в тот момент. (Последнее важно для повествования, так как они услышали, как герой их оскорбил, задев при этом их национальное чувство: I made the unfortunate error of referring to their centre as "fucking Conack"). Таким образом, лишь в 3-х сочинениях элементах концентрируется большое количество информации, создается подтекст, начинает действовать "бисоциативность"⁴ читательского мышления - читателю предстоит вообразить последствия того, что они были extremely patriotic, well-built и within earshot¹.

Емкость МСЕ способствует тому, что читатель вовлекается в сотворчество. Сотворчество означает создание новой информации на ассоциативной основе, воспроизведение богатого целого, отражение действительности через скупой отбор конкретных признаков. Присущая МСЕ емкость, способность концентрировать и нести большую информацию объясняется

¹ Подобные примеры можно отнести к "опережающим высказываниям" (по терминологии Г.Г.Почепцова мл.). В данном случае происходит акцентуация того, что следует за настоящей ситуацией, акцентуация, т.н. секвенции [5].

структурой, внутренними свойствами конструкции.

В трансформационной грамматике МСЕ принято считать результатом трансформации соединения эквивалентных, однотипных структур. В течение долгого времени в традиционной грамматике предположения с сочинением (напр., с однородными членами) рассматривались (да и теперь порой рассматриваются) как результат слияния нескольких предложений. В сочинительных конструкциях находит свое выражение асимметричность языкового знака, т.е. диспропорция между планом выражения и планом содержания, связанная с принципом экономии в языке [6]. С помощью процедуры восстановления "опущенных", усеченных частей, или, выражаясь в терминах трансформационной грамматики, путем разложения на исходные ядерные предложения, восстановим глубинную структуру предложения с сочинительной конструкцией. Выявленный глубинный синтаксический каркас поможет понять поверхностную структуру, прольет свет на семантику предложения.

Now at the smell of space and vinegar Shapiro's eyes flooded, though he managed to keep his portly, good-humoured, sharp-nosed, refined look as he pressed the handkerchief to his shaven jowls.

(ИИ, p.79)

Ряд однородных определений можно рассматривать как результат трансформации четырех ядерных предложений¹:

He managed to keep his portly look.

He managed to keep his good-humoured look.

*He managed to keep his sharp-nosed look.

He managed to keep his refined look.

Уже структура конструкций создает предпосылки для их емкости, компрессии в них информации, число сочиненных чле-

¹ Из экономии места мы не будем продолжать анализ до конца и выделять ядерные предложения: He managed it. He kept his portly look и т.д. Об использовании трансформационного метода при стилистическом анализе см. [7].

нов может неограниченно возрастать. Именно этим обуславливается одна из их функций - функция отражения мира в многообразии его характеристик. Однако существует ряд факторов, способствующих компрессии информации в МСЕ. Одним из важнейших является семантическое рассогласование в МСЕ (см. пример I). Вернемся к примеру второму и соотнесем каждый компонент ряда с осью (look), чтобы затем соединить все эти элементы в один сложный, многогранный образ. Однако среди признаков, характеризующих персонаж с точки зрения его внешности, характере, расположения духа, предпоследний *sharp-posed* выделяется в частности тем, что означает качество постоянное, присущее персонажу, о котором нельзя сказать, что оно сохраняется (в течение какого-то времени), и употребить глагол *to keep*. Это подтверждает вышеприведенный анализ разложением на близкие к ядерным предложения: третье предложение - неостаточно, неграмматично.

Осмысление предложения с нарушенным семантическим согласованием достигается за счет частичного погашения в *keep* при соотнесении его с *sharp-posed look* фазисной семы "сохранять" и актуализации семы "обладать" (постоянно) каким-либо признаком. В *keep*, т.е., одновременно реализуются разные оттенки значения. Как результат взаимодействия этого сочиненного ряда с предшествующим контекстом - комический эффект: употребление третьего элемента - придает всему ряду ироническую окраску, дает почувствовать отрицательное, насмешливое отношение главного героя к персонажу.

Итак, компрессии информации в сочиненных рядах способствует нарушение семантического согласования между элементами ряда или между осью и элементами.

Блкими являются МСЕ, в которых элементы или ось употреблены в переносном значении; выразительность тропов достигается за счет взаимодействия актуализируемых и потенциальных семов [8].

The scientist does not like to see his algebra get up, shake itself, and walk away. (DT, p.53)

Элементы, выраженные глаголами, которые обычно характеризуют движение одушевленных предметов, находятся в явной логической несовместимости с осью, выраженной существительным, обозначающим неодушевленное, абстрактное понятие, и представляют собой вид семантического рассогласования - сочетание имен с несовместимыми семами [9, с.35]. Метафорическое олицетворение, создаваемое в результате сочетания несовместимых понятий, путем индукции в абстрактном существительном "algebra" сем "конкретности" и "одушевленности", вызывает эффект удивления, читателю предстоит воссоздать странную картину, соединить несоединимое в один образ. Об алгебре Даррел говорит, как о собаке: встала, отряхнулась и отошла.

Способностью к компрессии информации обладают МСЕ, разнородные элементы которых находятся в опосредованных отношениях с осью, в отношениях логического переподчинения. Это случаи так называемой контракции [9, с. 35, 42].

Then the dead, hot, pale air breathes on my face again. (FIID, p.53)

МСЕ представляет собой соединение трех семантически равноплановых определений: то, что Ю.Левин называет "атопо-конструкциями" [10]. Ни один компонент значения в каждом из элементов не совпадает, за исключением общего категориального (признак) и, возможно, индуцируемой в ряду коннотации отрицательной оценки (неприятный, несвежий), которая также обладает большой степенью общности. Каждый из трех элементов сочиненного ряда непредсказуем, избыточность в данном случае минимальна^I. Эффект, производи-

^I Говоря о том, что низкая избыточность может служить свидетельством богатства и яркости (неожиданности, нестандартности) литературной речи, авторы книги "Вероятность и информация". А.М.Яглом и И.М.Яглом приводят в пример язык У.Фолкнера [11].

мый конструкцией: странность, необычность описания воздуха создается за счет алогичности сочетания элементов (кроме hot) с осью (air).

Соединение этих семантически разнородных элементов направлено на то, чтобы вызвать ассоциации и настроения, связанные с каждым элементом. Это помогает понять состояние героя, приписывающего воздуху несуществующее качества: dead - возможно, оттого, что умерла его мать, pale - ассоциируется с dead; воздух приобретает окраску, вносится элемент синестезии. Именно такое восприятие героем окружающего связано с тяжелой, гнетущей атмосферой повествования.

Приведем для сравнения описание воздуха Д.Джойсом в его романе "Портрет художника в юности".

The air was soft and grey and mild and evening was coming.

Как и в предыдущем примере, один и тот же предмет наделяется признаками, обычно ему не присущими, - soft, grey. Однако подбор компонентов МСЕ, их соединение создают впечатление прямо противоположное - спокойное и в то же время глубокое, обостренное восприятие окружающего героем.

Читатель, декодирующий сообщение, опираясь на контекст, домысливает и восстанавливает имплицитно содержащийся неназванный объект, "посредствующий термин", к которому-то и относятся данные признаки и характеристики. При этом контракция не исключает референционную расплывчатость, неопределенность, множество интерпретации [12].

Следующий пример также представляет собой описание воздуха с помощью синестезии, воссоздающее общую атмосферу раздражения, изнуренности:

The very air was irritable and exhausted and spent.

(MR, p.414)

Емкими становятся МСЕ в результате соединения в сочиненном ряду слов, принадлежащих к разным тематическим

группам. Подобные сочетания с семантическим рассогласованием чаще всего используются как средство комического [13, с. 129; 216-217]. При этом в результате соположения элементов в сочиненном ряду, их синтаксической связи, происходит индуцирование семантической общности [14] и достигается их осмысление.

В следующих примерах элементы ряда выражены существительными, принадлежащими к разным тематическим группам (интересно проследить разницу в содержании, которое вкладывает в одно и то же понятие молодой человек и девушка).

"Does nothing frighten you, Anne Beddingfeld?"

"Oh, yes", I said, with an assumption of coolness I was far from feeling. "Wasps, sarcastic women, very young men, cockroaches, and superior shop assistants".

(CMBS, p.34)

Stephen struck by his tone of closure, reopened the discussion at once by saying: - I fear many things: dogs, horses, firearms, the sea, thunderstorms, machinery, the country roads at night.

(J.P.A., p.243)

Столкновение в одном сочиненном ряду логически несовместимых элементов создает комический эффект в первом примере (на наш взгляд, этому немало способствует и порядок следования элементов: соположение wasps и sarcastic women, very young men и cockroaches), раскрывает внутренний мир персонажа во втором. И в том, и в другом примерах в элементах МСЕ индуцируется общий семантический признак - "опасность", "страх".

Соединение морфологически разнооформленных элементов дает особый стилистический эффект (в нижеприведенном примере подчеркивает калейдоскопичность увлечений героини, ее беззаботность):

For Johanna is very pretty and very gay, and she likes dancing and cocktails, and love affairs and rushing about in high-powered cars.

(CMBS, p.3)

Другим важным фактором, способствующим емкости конструкций, компрессии в них информации является совмещение функций в МСЕ. Этим свойством, в частности, обладают "частично однородные члены".

"Частично-однородные" характеризуются тем, что в них один из признаков однородности - тождество синтаксической функции - не полностью реализован [15]. Это означает, что сочиненные между собой и соподчиненные одному члену предложения, частично-однородные члены выступают в функции разного вида сказуемых, обстоятельств и т.д.

The trader was fat and smooth and quietly smiling.

(MR, p.15)

Последний элемент МСЕ является грамматически непредсказуемым. Употребление его в сочиненном ряду объясняется явлением синтаксического синкретизма: совмещением и одновременной актуализацией двух функций в глаголе *to be*:

1) функции глагола-связки при двух предикативных членах (*fat* и *smooth*) в именном составном сказуемом и 2) функции вспомогательного глагола в аналитической форме *Part Continuous* простого глагольного сказуемого. Благодаря бивалентности глагола *to be* в данном предложении создается "формально-содержательная асимметрия, проявление которой заключается в том, что одна единица выражения сигнализирует две единицы содержания (дистаксия)" [6]. Для разрешения синкретизма необходимо найти и выделить глубинную структуру, соотнося каждый член с осью, - восполнить элементы плана выражения. Объединяются и портретная характеристика персонажа и повествование: описываются черты, присущие торговцу, и одновременно эти постоянные, неотъемлемые качества (*fat* и *smooth*) соотносятся с описываемым моментом (*was quietly smiling*), что способствует включению читателя в повествуемые события, а также создает компактность, сжатость изложения.

Увеличение емкости конструкции вследствие взаимодействия между осью и элементами можно проследить в следу-

щем, широко цитируемом примере:

He halted in the street where by night are found the lightest streets, hearts, vows and librettos.

(НСА, р.67)

Компрессия информации достигается за счет реализации двух значений глагола to find - прямого и переносного. Кроме того, читателю предстоит восстановить образы, "зашифрованные" переносом значений в метонимиях hearts и vows. Интересно и то, что в определении lightest, относящемся ко всему ряду, также реализуются прямые и переносные значения. "Экономия" синтаксических средств создает несомненный комический эффект. Если вышеприведенные примеры можно считать двухвалентными зевгмами, то в следующем примере одно и то же слово running (часть оси running season) реализует четыре значения:

"It's the running season", said Jeff, "for farmers, shad, maple trees and the Connemaugh River".

(HMRS, p.91)

Этот пример комментируют составители сборника Е.Ф.Лазаревич и А.Ф.Каганова [16, с.151]: - It's the running season (spring) - farmers busy running their farms, fish are running in shoals, sap is running from maple trees and so is the Connemaugh River which has burst its banks.

В другом примере, представляющем собой повтор с полисемией, проявляются одновременно два противоположных свойства МСЕ: избыточность и экономичность. В данном примере (как и в вышеприведенных) находит свое выражение "асимметрический дуализм" языкового знака.

Broken necks, broken hearts, broken lives, and all because they won't learn any language but broken English.

(ChSS, p.407)

Повтор одного и того же лексического элемента - определения broken перед разными определяемыми способствует акцентировке общего компонента значения - разрушать (усиливая тем самым эмоциональное воздействие на собесед-

ника и на читателя). В то же время в сочиненном ряду происходит реализация нескольких значений повторенного определения: в первом случае идиоматическое, основанное на прямом значении слова, во втором и третьем — на образном. Сочиненный ряд в данном случае служит контекстом для выявления значений одного и того же слова. Воспринятое МСЕ, однако, переосмысливается благодаря появлению определения *broken* в конце сложного предложения, перед существительным *English*. Если повторное употребление *broken* с односоставными предложениями, выражающими важные понятия, а также асиндетон и градация создают некоторую патетичность повествования, то в результате употребления *broken* перед *English* возникает обыденное, повседневное понятие с отрицательными коннотациями, в результате чего происходит резкое снижение тона повествования (*bathos*). Возникает эффект обманутого ожидания, увеличенный благодаря усиленному ожиданию, созданному закономерным контекстом и дистантным расположением последнего *broken*. Предложение приобретает иронический оттенок. Таким образом, каждый элемент МСЕ является лингвистическим контекстом, а сочиненный ряд вместе с последним именным сочетанием *broken English* выполняет роль стилистического контекста [17].

Все предложение образует стилистическую конвергенцию, доминантой которой является, пожалуй, каламбур.

Подведем краткие итоги.

Синтаксические характеристики сочиненных рядов обуславливают их емкость, компрессию в них информации. Ряд дополнительных факторов, а именно:

- 1) семантическое рассогласование (в случае разнородности членов или при взаимодействии их с осью),
- 2) одновременная реализация нескольких значений членов ряда или оси;
- 3) совмещение функций —

усиливают степень емкости МСЕ, обеспечивают компрессию и приращение в них информации. В "экономичных" МСЕ находят

проявление формально-содержательная асимметрия в языке.

Емкость конструкции позволяет создать сложные, многогранные образы, характеристики; компрессия информации, стимулируя читательское восприятие, способствует глубоко-му проникновению в текст. Нередко, особенно в случае разноплановых элементов, МСЕ образуют подтекст. На использовании данных свойств МСЕ основаны такие приемы, комического, как оксюморон, зевгма, разрядка (bathos), разнородное перечисление, синестезия.

Литература

1. А р н о л ь д И.В. Стилистика современного английского языка. Л., 1973. 303 с.
А р н о л ь д И.В. Стилистика декодирования. Л., 1974. 76 с.
2. Ф и л и п ь е в Ю.А. Сигналы эстетической информации. М., 1971. III с.
3. О б н о р с к а я М.Е. Стилистическое функционирование многочленных синтаксических единств с сочинительной связью. Автореферат дисс. на соиск. учен. степени канд. фил. наук. Л., 1974. 31 с.
4. Г а л ь п е р и н И.Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста. - В кн.: Принципы и методы семантических исследований: М., 1976, с. 267-290.
5. П о ч е п ц о в Г.Г. Семантика опережающих высказываний. - В кн.: Проблемы синтаксической семантики. М., 1976.
6. Ш а л к и н А.П. Об асимметрии как продукте соединения в английском языке. - В кн.: Вопросы германской филологии. Иркутск, 1968, с. 109-117.
7. O h m a n n R. Generative grammar and the concept of Literary Style. - In: Word XX, 1964, pp.423-439.

8. Г а к В.Г. К проблеме семантической синтагматики. - В кн.: Проблемы структурной лингвистики, 1971. М., 1972, с. 367-395.
9. Н и к и т и н М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Автореф. дис. на соиск. учен. звания доктора филол. наук. М., 1974. 50 с.
10. Л е в и н Ю.И. О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах. - В кн.: Структурная типология языков. М., 1966, с. 199-215.
11. Я г л о м А.М., Я г л о м И.М. Вероятность и информация. М., 1973. 511 с.
12. Н и к и т и н М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974. 222 с.
13. F e i n b e r g Leo. Introduction to Satire. Iowa State Univ. Press, 1967. 129 p.; G a i r e r i n I.R. Stylistics. M., 1971. 343 p.
14. Г и н д и н С.И. Онтологическое единство текста и виды внутритекстовой организации. - В кн.: Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1971, вып.14, с. 114-135.
15. П о с п е л о в а А.Г. Соотношение понятий: сочинение, соподчинение, тождество функций и однородность членов в простом предложении. - В кн.: Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Л., 1969, вып.2, с. 35-41.
16. The Skylight Room and Other Stories by O.Henry. 1972. 166 p.
17. А р н о л ь д И.В., Банникова И.А. Лингвистический и стилистический контекст. - В кн.: Стиль и контекст. Л., 1972, с. 1-13.

Список сокращений

- I. BH - S.Bellow. Herzog. N.Y., 1969.
2. CMBS - A.Christie. The Man in Brown Suit. London, 1970.
3. CMF - A.Christie. The Moving Finger. London, 1947.
4. ChSS - G.K.Chesterton. Selected Stories. Moscow, 1971.
5. DF - L.Durrell. Tunc. London, 1968.
6. FILD - W.Paulkner. As I Lay Dying. Penguin Book, 1965.
7. HCA - O.Henry. The Cop and the Anthem. Short Stories. Moscow, 1956.
8. HMRS - O.Henry. Modern Rural Sports. - "The Skylight Room and Other Stories". M., 1972.
9. JPA - J.Joice. The Portrait of an Artist as a Young Man. Penguin Book, 1960.
10. MR - D.du Maurier. Rebecca. Moscow, 1956.
- II. SMR - S.Maugham. Lain. The Best Short Stories. N.Y., 1957.
12. SLS - E.Segal. Love Story. N.Y., 1971.

ОЗОЛИНЬ О.Л.

/ЛГУ им. П.Стучки/

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИИ ОДНОКОРЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Лексические однокоренные параллелизмы привлекают самое пристальное внимание многих отечественных языковедов. Французские исследователи ограничиваются в основном отдельными, частными замечаниями, не вникая в такие проблемы, как тождество слова, вариантность и синонимия, которые непосредственно соотносятся с проблемой однокоренных слов. В предлагаемой статье указанные вопросы изучаются на материале вещественных прилагательных /ВП/. Категория ВП современного французского языка насчитывает 209 однокоренных параллелей, включающих 634 ВП¹. Их анализ проводится по следующим параметрам: 1/ изучение семантических отношений между ними, 2/ выявление особенностей их функционирования в современный период, 3/ определение их роли и места в лексике языка XX в., 4/ изучение причин их появления.

В результате семантического и синонимического сопоставления всех ВП обнаружены четыре вида однокоренных параллелей: равнозначные параллели, состоящие из однокоренных словообразовательных вариантов /ОСВ/²; параллели с однокоренными синонимами /ОС/; смешанные параллели, включающие однокоренные словообразовательные варианты /ОСВ/ и однокоренные синонимы /ОС/; разные ВП. Рассмотрим качественные

¹ Данные получены в результате сплошной выборки ВП по словарям современного французского языка Г I, 2, 3, 4 I, а также по текстам художественной литературы, прессы, научно-технической прозы и рекламы.

² Термин заимствован у И.Д.Стужиной Г 5, с. 43 I.

характеристики указанных типов.

I. Совпадающие по значению образования, объединенные общностью корневой части, но различающиеся своими словообразовательными аффиксами, рассматриваются в лингвистической литературе с двух взаимоисключающих точек зрения: одни языковеды исходят из определения их как модификаций слова в пределах тождества /В.В.Виноградов, А.И.Смирницкий, О.С.Ахманова, Е.С.Кубрякова, М.Д.Степанова и др./, другие -- причисляют единицы данного типа к различным однокоренным словам /М.С.Гурьчева, Н.А.Шигаревская, Д.Н.Шмелев, Ф.П.Филин и др./. В предлагаемой статье определяющим критерием словообразовательной вариантности считаем семантическое тождество сравниваемых вариантов с допустимыми изменениями в аннотативном плане I 6, с. 26 I, совпадение их сочетаемостных характеристик и наличие структурного инварианта I 7, с. 90-91 I. Равнозначные параллели немногочисленны, они составляют всего лишь 6% от общего числа параллелей. Проанализируем наиболее интересные случаи вариантности. Так, например, *hyalofide XVI* и *hyalin XV*, восходящие к греческому *hualos, verre*, являются семантическими эквивалентами. Свое значение "прозрачный, как стекло", обе формы реализуют в сочетании с вещественными существительными: *des liquides écarlates ou blêmes, ou hyalins; nuiseur hyalofide*. Вместе с тем, характеризуюсь тождеством значений, ВП различаются своими синтагматическими свойствами. *hyalin* обладает более широкой лексической сочетаемостью, ибо встречается также в контексте с абстрактными и конкретными существительными: *une pâleur, glafeul hyalins*. Кроме того, оно употребляется в литературно-художественной речи и минералогии: *quartz hyalin*, тогда как его семантический коррелят -- медицинский термин. Таким образом, формы, обладая семантическим тождеством, различаются дистрибутивными и стилистическими характеристиками¹. Следует отметить, что анализируемые ВП взаимодействуют с супплетивными формами *vitré XIV - vitreux XIII*, во-

¹ На возможность стилистических и дистрибутивных различий у идентичных по значению форм указывают С.Г.Бережан I 8, с. 133-134 I и В.Д.Апресян I 9, с. 223 I.

сходящими к латинскому vitrum, verre: humeur vitreuse, humeur vitrée de l'oeil. Способность данных ВП употребляться в полностью идентичных контекстах говорит о наличии словообразовательной вариантности.

О наличии вариантности свидетельствуют и примеры употребления azurin XV и azuré XIII, которые указывают на сходство предмета по цвету: un regard pâle, azurin, une teinte azurée. Идентичные по значению ВП отличаются по функционально-стилевым признакам и по частотным характеристикам. Azuré обладает более широкой сферой употребления, выступая как в общелитературном языке, так и в терминологии: saule azuré /ботаника/, papier azuré, filet azuré /типиграфия/. Абсолютная частотность ВП 251. Его коррелят встречается намного реже, данная форма словарями указывается как устаревшая. Сосредоточение функциональной нагрузки на одном из вариантов объясняется временной десемантизацией форманта - in, проявляющейся в утрате данной моделью своей продуктивности. Ее интенсивно вытесняет значительно более продуктивная модель с - é.

О вариантной конкуренции говорит также функционирование saxatile XVI и saxicole XIX. Обе формы обладают не только одинаковыми значениями (характеристика по месту), но и тождественной лексической сочетаемостью и сферой употребления: plante saxatile, plante saxicole.

Подытоживая анализ ОСВ, отметим, что 1/ в структурном отношении преобладает параллели с книжными и заимствованными ВП; 2/ основной контингент ОСВ однозначен; 3/ характеризуясь полной семантической эквивалентностью, они противопоставляются, как правило, по синтагматическим, функционально-стилистическим и частотным признакам; 4/ взаимозаменяемость тождественных ОСВ ограничивается их принадлежностью к определенным сферам употребления; 5/ абсолютное совпадение по всем параметрам /дистрибутивным, стилистическим, временным/ характерно в основном для терминологических ВП; 6/ ОСВ способны вступать в синонимические отношения как с супплетивными формами других параллелей /hyaloïde-vitreux /, так с этимологически неродственными ВП /duveté-velouté /.

II. Другой, четко выделяющейся группой однокоренных ВП являются ОС. Они образуют 34% от общего числа параллелей. ОС в статье признаются этимологически родственные, близкие по значению единицы, находящиеся в отношении неполной эквивалентности. Волею за С.Г.Бережаном Г 8, с.49 I релевантным признаком синонимии считается совпадение ЛСВ значений слов. Исходя из этого, анализ семантических структур и сочетаемости ОС идет по линии тождественных ЛСВ. Семантический объем ВП определяется по данным словарей и контекстуального анализа. Как явствует из анализа, ОС обладают более развитой системой значений, более высокими частотными характеристиками и более широкими синтагматическими возможностями по сравнению с ОСВ. К тому же они обнаруживают значительные количественные расхождения в сочетаемости. Рассмотрим в качестве примера *stercoraire XIX-stercoral XIX*. Обе формы восходят к латинскому *stercor*, *excrement XVI*, одна -- заимствованная, другая -- книжное образование. ВП коррелируют в выражении предметного отношения, выступая в лексически сходных контекстах и сферах употребления /медицина/: *fistule stercoraire, stercorale, matière stercoraire, stercorale*. В данном значении оба ВП синонимизируются с однозначным *fécal XVI*, книжное производное от латинского *faes, excrement*, которое также является медицинским термином: *les matières fécales, boi fécal*. Следовательно, однозначные *stercoral* и *fécal*, обладая полным семантическим и синтагматическим тождеством и имея одинаковые сферы обслуживания, могут рассматриваться как абсолютные синонимы. По отношению же к многозначному *stercoraire* они являются частичными синонимами. Интересно, что в своих дифференцирующих ЛСВ ВП взаимодействуют с супплетивными формами *scatorphile XIX* и *scatorphage XVI* (греч. *scator, excrement*). В значении "поедающий то, что обозначено основой", ВП употребляются в зоологии: *insecte stercoraire, scatorphage*; выражая характеристику по месту, -- в ботанике: *plante stercoraire, scatorphile*. Таким образом, многозначный *stercoraire* находится со своими синонимами в отношении включения. ВП как бы "разгружает" свой полисемичный коррелят.

В группе cuivreux XVI-cuivrique XIX-cuivré XVI семантически соотносимы лишь cuivreux и cuivré. Оба ВП употребляются как в прямом значении "содержащий одновалентную медь", принадлежат подязыку химии: oxyde cuivreux, cuivré, так и в переносном "цвета меди": ses cuisses cuivrées; les plaques cuivreux. Но в первом значении ведущим по частоте употребления является cuivreux, тогда как во втором -- cuivré. Обе формы обладают дифференцирующими значениями. Cuivré развивает второе переносное значение "звонкий, как медь": la voix cuivrée. Cuivreux присуще еще одно терминологическое значение "содержащий медь", по которому оно коррелирует с cuprifère, употребляясь в подязыке геологии и минералогии: minéral cuprifère, les alliages cuivreux. Совпадая в одних ЛСВ и дифференцируясь в других, соотносительные ВП представляют собой частичные синонимы и находятся друг к другу в отношении пересечения.

ВП vaseux XVI-vaseux XVII, коррелируя по ЛСВ "содержащий ил": côte, fond vaseux, vaseux, противопоставляются по локальному признаку: первое -- общеупотребительно, второе -- диалектально. Указанное обстоятельство противодействует взаимозаменяемости ВП в тождественных значениях и контекстах. Дифференцирующие переносные значения

1) мямля, растяпа -- un être vaseux; 2) непонятный, зауныный -- un raisonnement vaseux.

Параллель diamantin XVI-diamantaire XVI-diamanté XVIII-diamantifère XIX включает один синонимический ряд по ЛСВ "похожий на алмаз по блеску", в который входят diamanté-diamantin-diamantaire: l'éclat diamantin d'un oeil; diamantaires; une eau diamantée. Совпадая по значению, ВП отличаются временными и синтагматическими характеристиками. Форма с -in устарела уже в XVII в., она вытеснена более продуктивной моделью на -é. Сочетаемость diamantaire ограничена существительным pietre. Кроме того, ВП имеют различия в семантике: diamantin обладает еще одним переносным значением "твердый, как алмаз", -- cette fermeté diamantine; diamanté указывает на наличие, содержание вещества -- plume de stylo à pointe diamantée.

Анализ однокоренных параллелей с ОС свидетельствует I/ о преобладании двух и трехчленных параллелей; 2/ синонимическому взаимодействию подвергаются, как правило, два, реже три члена параллели, остальные ВП обнаруживают полную дифференциацию значений; 3/ ОС характеризуются частичной семантической эквивалентностью; 4/ разница в семантическом объеме коррелирующих единиц обусловлена преимущественно их разной мотивированностью: одни единицы являются носителями как прямых, так и переносных значений, другие же специализируются в передаче только метафорических признаков или же обе формы развивают разные переносные значения; 5/ тождественные по значению ОС обнаруживают в большинстве случаев различия по стиливым, временным, локальным, дистрибутивным и частотным свойствам, совпадения по всем указанным параметрам наблюдается реже; 6/ свобода взаимозаменяемости семантически и синтагматически тождественных ВП может ограничиваться их принадлежностью к определенному функциональному стилю или диалекту; 7/ основной способ взаимодействия между ОС -- включение.

Рассмотрим III-ю группу однокоренных ВП, насчитывающую 18% параллелей. Особенностью данного типа является наличие в пределах каждой параллели как ВП, полностью тождественных по значению, так и частично эквивалентных единиц. Особый интерес вызывает изучение взаимодействия членов параллели *sablonneux XII-sableux XVI-sablé XVI*. *Sablonneux* производное от старофранцузского *sablon*, которое в процессе языковой эволюции было вытеснено *sable* XV. Само ВП в силу широкой употребительности не только сохранилось, но и является ведущим по частоте употребления среди своих синонимов. С *sableux* ВП состоит в отношении вариантности, обе формы эквивалентны по значению и сочетаемости: *une piste d'envoi sablonneuse; le désert sablonneux; une bande sableuse; terrain sableux*. Однако *sableux* в отличие от своего эквивалента характеризуется терминологической отнесенностью: *alluvion sableuse* (геология). По отношению к *sable* оба ВП определяются как частичные синонимы, ибо не совпадают с ним по семантическому объему: *sable* присуще дифферен-

цирующее переносное значение "подобный песку": rôte sablée. Кроме того, в прямом употреблении ВП отличаются компонентами значений: allée, fontaine sablée, семантическая структура которого содержит дополнительно признак процессуальности, действия, восходящий к глагольной модели ВП. Семантическим эквивалентом исследуемых ВП является aréneux XIII.

Заемствованное ВП приобрело значение характеристики по месту и терминологизировалось: plantes aréneuses (ботаника). Исходное же значение ВП устарело и встречается изредка в возвышенно-поэтическом стиле: la plage aréneuse ne fournit une vaste page de soleil. Следует также отметить, что если в XIII в. ВП было изолировано, то с XIX в. образовалась однокоренная параллель aréneux-arénaire-arénicole-arénifère-arénacé, функционирование которой отражает тенденции современного языка к вытеснению из употребления моделей с семантически обедненными формантами семантически более полноценными формами. Так, aréneux и arénacé характеристике по месту уступили свои позиции arénicole: lombic, veg arénicoles, а в значении "содержащий песок" - arénifère.

IV группа ВП, в которую входят разные единицы, самая многочисленная. Она включает 42% параллелей. Анализ причин, обуславливающих полную дифференциацию ВП, выдвигает на первый план следующие факторы:

1. Образование ВП по разным моделям. Так, poudreux, отменное ВП, обозначает состояние и сочетается с вещественными существительными: la terre poudreuse; poudre, отглагольное образование, имеет значение "покрытый пудрой" и сочетается с конкретными существительными: le visage poudré.

2. Мотивация разными прямыми значениями исходных существительных: aqua - восходит к aqua -- жидкость: l'humeur, fruits, régime, milieux aqueux; aquatique -- к aqua -- водной массе: un animal, une plante, une ville, une respiration aquatique.

3. Развитие разных (прямых или переносных) значений общего источника ВП, обусловленных нередко семантической специализацией суффиксов: industrie cotonnière-voix, bruit

cotonneux; industrie caoutchoutière-viande caoutchouteuse.

4. Реализация разных переносных значений исходной единицы: glaceux развивает значение glace -- матовое пятно: diamant, brillant glaceux; glacial реализует другие переносные значения существительного -- холод: zone, mer, vent glacial.

5. Лексикализация различий в терминологии. Так, например, в химии модели служат для дифференциации химических элементов по валентностям: chlore-chlorique-chloreux.

6. Разные значения словообразовательных формантов basifère (ягодonoсный), bacciforme (ягодообразный), baccivore (пожирающий ягоды). Однако дифференцирующая функция присуща только элементам латино-греческого происхождения, восходящих к полнoзначным словам.

7. Специализация суффиксов: -ique -- в химии, -fère -- в минералогии, -vore -- в зоологии, -cale -- в ботанике и т.п.

Таким образом, варьирование -- необходимое и закономерное явление, отражающее развитие словообразовательной структуры слова. Его можно рассматривать, во-первых, как "балласт", от которого язык стремится освободиться, во-вторых, как резерв, обеспечивающий возможность выбора между знаками I Ю, с. 169 I.

Знаменателен факт наличия синонимических и антонимических отношений между ВП. Подобная синонимия и антонимия имеет двойственную природу: I. Денотативная: ВП обладают одинаковым денотативным содержанием, но восходят к разным языковым пластам (cuivrique-surgrifère, carbonyfère-houiller, sablonneux-argénaire и др.) или же ВП денотируют два семантических участка при дихотомическом делении целого (fumivore-fumigène, calcaire-anticalcaire, ferreux-non ferreux и др.). Очевидно, причины подобной синонимии следует искать в самой объективной реальности: а) наличие -- отсутствие признака, для обозначения чего французский язык выработал систему аффиксов; б) социальная дифференциация общенародного языка, благодаря чему последний располагает несколькими словами для обозначения идентичных понятий.

Такие синонимы различаются, как правило, неравными сочетательными способностями и находятся в дополнительной дистрибуции. 2. Коннотативную: синонимизация или антонимизация ВП основана на субъективно-психологических ассоциациях по сходству и контрасту: *givreux-glaceux, laiteux-lacté* (цвет), *métallique (voix) - diamantine (fermé)*, *acérées-mielles (paroles)*. В первом случае мы имеем дело с относительными прилагательными, во втором -- с качественными. Промежуточное положение занимают ВП типа *lardacé-adipeux-lipofide-graisseux (tissu), osseux - osseux* и т.п., которые, обозначая особенности строения предмета или присущие ему внутренние признаки, сближаются с качественными прилагательными, но по своим грамматическим признакам, постоянству и объективности выражаемого качества могут быть отнесены к относительным прилагательным I II, с.180 I. Выявление синонимических и антонимических отношений у ВП позволяет опровергнуть общепризнанное до настоящего времени положение о том, что относительным прилагательным не присуще явление синонимии и антонимии. Исследование не подтверждает также высказывания И.Л.Цыбовой I II, с.10 I о невозможности синонимических образований в книжных рядах.

Наблюдения позволяют установить предпосылки вариантности: 1/ наличие двух разных типов словообразования -- на исконной и книжной основе; 2/ синонимия, временная и структурная десемантизация аффиксов; 3/ сосуществование нескольких подъязычков в рамках общенародного языка; 4/ возможность соединения в языковой системе разных по времени происхождения элементов; 5/ наличие диалектов; 6/ непрерывность возникновения новых понятий в науке и технике; 7/ интернационализация языков, ведущая к заимствованию единиц при наличии собственных терминов. Основной фактор, обуславливающий функционирование вариантов -- взаимодействие частных подсистем.

ЛИТЕРАТУРА

I. R o b e r t P. Dictionnaire alphabétique et analogique

- de la langue française. P., Robert, 1951-1963. T. I-5. 9850 p.
2. L E X I S. Dictionnaire de la langue française. P., Larousse, 1975. 1951 p.
 3. T R E S O R de la langue française. Dictionnaire de la langue du XIX et du XX siècles. P., CNRS, depuis 1971. Vol. I-4.
 4. G R A N D L A R O U S S E de la langue française. En six volumes. P., Larousse, depuis 1971. T.I-5. 5385 p.
 5. С т у ж : н а И.Д. Однокоренные имена существительные в старофранцузском языке. Канд. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. М., 1974. 200 с.
 6. С м и р н и ц к и И.А.И. К вопросу о слове /проблема "тождества слова"/. -Тр. Ин-та языкознания, 1956, т. 4, с. 3 - 49.
 7. С т е п а н о в а М.Д. Вопросы лексико-грамматического тождества /на материале современного немецкого языка/. -Вопр. языкознания, 1967, № 2, с. 89 - 97.
 8. Б е р е ж а н С.Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев, 1973. 380 с.
 9. А п р е с я н Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. 367 с.
 10. Ш м е л е в Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. 320 с.
 11. С и м а т с к а я Л.А. Семантико-грамматические особенности относительных прилагательных в современном французском языке. Канд. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Л., 1966. 200 с.
 12. Ц н б о в а И.А. Соотношение суффиксального словообразования на исконной и книжной основе в современном французском языке. Автореф. канд. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. М., 1966. 23 с.

ЧУПИЛИНА Б.И., ИЗЕРГИНА И.А.
ЛЕТИ им.В.И.Ульянова(Ленина)

О ЯЗЫКОВОМ СТАТУСЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ

Исследование синонимических отношений, представляющих собой частный случай семантической эквивалентности [1], базируется на установлении сходств и различий между словами - членами синонимических рядов. Сравнение синонимов по своей лингвистической сущности подобно сравнению между собой лексико-семантических вариантов многозначного слова, так как полисемия и синонимия являются двумя сторонами основного онтологического свойства языка - асимметрии плана содержания и плана выражения.

Синонимы могут изучаться в содержательном плане на основании соотносительности по инвариантному признаку и противопоставленности по дифференциальным признакам в компонентном составе значений. В свою очередь, компонентный состав значения определяет лексическую сочетаемость данного ЛСВ. (Следует отметить, что в синонимические ряды входят не слова во всем их смысловом объеме, а отдельные ЛСВ.)

Помимо парадигматических и синтагматических характеристик, значение слова зависит и от внутриязыковой организации лексики. Обусловленность лексического значения системой языка представляет собой его языковой статус, который определяется как "совокупность соотносительных содержательных признаков, определяющих место данного слово-

значения в системе языковых средств выражения" [2]. То, что помимо содержательной стороны, значению свойственны собственно языковые характеристики, объясняется знаковой природой языка.

Синонимы можно классифицировать по содержательному аспекту значения (соответствующему предметно-понятийной отнесенности) и по языковому аспекту, который показывает его статус в системе номинативных средств языка.

Целью настоящей работы является сравнение английских электронных терминов-синонимов по их языковому статусу. Вопрос о классификации синонимов на основании полного или неполного семантического тождества и о возможных различиях между полными синонимами по линии структурного значения как в языке, так и в речи уже рассматривался в литературе на материале терминологической лексики [3].

В данной работе исследуются наиболее важные факторы, влияющие на языковой статус словозначения в системе общих номинативных средств языка: 1. Способ номинации (прямое - переносное значение) и 2. Референционная самодостаточность (степень обусловленности контекстом). Выбор этих факторов объясняется их взаимозависимостью: именно переносные значения, являясь вторичной функцией номинативных средств, референционно недостаточны и нуждаются в поддержке окружения для актуализации своего десигната. В качестве чисто языковых признаков рассматривается также роль функциональной дифференциации лексики (принадлежность к общенаучным словам или собственно терминам) и степень многозначности.

Материалом исследования служат термины, имеющие синонимы, отобранные методом сплошной выборки из первой тысячи слов частотного словаря П.М.Алексеева [4]. Для иллюстрации роли статутных признаков в описании терминологической синонимии выбраны три синонимических ряда: maximum - peak, energy - power, memory - storage - store. Общей особенностью данных рядов является совпадение компонентного состава синонимичных значений, установленное по словарным де-

финициям. Семантическая структура исследуемых слов определялась по толковому словарю Вебстера [5], синонимические ряды строились на основе толковых словарей по электронике [6], сочетаемость синонимичных терминов устанавливалась по данным двуязычных отраслевых словарей и текстовым примерам [7].

Термины *maximum* и *peak* синонимичны в значении - максимум, высшая точка -. При этом они обнаруживают ряд различий по линии языкового статуса. *Maximum* - однозначное общенаучное слово, принадлежащее интернациональному лексическому фонду, тогда как *peak* представляет такое распространенное в любой терминологии явление, когда в смысловой структуре общеупотребительного слова имеется терминологический ЛСВ. Сфера функционирования *peak* в значении - максимум - уже, чем сфера функционирования слова *maximum*, и ограничена точными науками.

Различие в языковом статусе у этих существительных заключается также в способе номинации выражаемого понятия: *maximum* - единица прямого означивания, то есть, значение - высшая точка - у этого слова является основным, у *peak* это значение занимает периферийное положение в смысловой структуре и производно от основного общеязыкового - пик, остроконечная вершина -.

Важная роль принадлежит и способу образования специального значения: по типу метафорического переноса от общеупотребительного значения - остроконечная вершина - было образовано значение - высшая точка кривой -, а от него путем метонимического переноса значение - максимум, высшая точка -, синонимичное прямому значению слова *maximum*. Нельзя не отметить различие в характере общеязыкового и специального значений у существительного *peak*: в значении - вершина - оно конкретно, тогда как в значении - высшая точка, максимум - абстрактно.

Референционная самодостаточность словозначения как проявление языкового статуса непосредственно связана со

ступень семантической производности: основное значение, как правило, не нуждается в поддержке окружения или контекста. На этом основании представляется возможным говорить о самодостаточности *maximum* и несамодостаточности *peak* в общем для них значении. Референционная самодостаточность словозначения предполагает весьма высокую вероятность его употребления без вербальных уточнителей. Повидимому, с этим связано почти полное отсутствие в словах сочетаний со словом *maximum*. Хотя *maximum* не нуждается в опоре на контекст в реализации своего прямого значения, оно недостаточно информативно с точки зрения полноты высказывания, поэтому в тексте обычно встречается в составе свободной атрибутивной группы, чаще в препозиции: *maximum voltage*, *maximum speed*. Поскольку синонимично значение - максимум - у слова *peak* производно, для его реализации необходима двухэлементная единица контекста N+N, в которой *peak* может занимать любую позицию: *peak current*, *diffraction peak*.

Можно предположить, что *maximum* и *peak*, как полные синонимы, проявляют существенное сходство в лексической сочетаемости. Действительно, в сочетании с абстрактными существительными, названиями физических величин встречаются оба синонима, например: *maximum amplitude* - *peak amplitude*, *maximum value* - *peak value*, что говорит об их содержательной равнозначности. Тем не менее, способ номинации (прямое - производное значение) накладывает определенные ограничения на сочетаемость слов-синонимов.

Maximum имеет более широкую сферу функционирования и более широкую сочетаемость, которая обусловлена в первую очередь, логическим фактором, то есть, связью соответствующих понятий. *Maximum* употребляется в любой отрасли знания в сочетании с существительными, в значении которых присутствует сема предельности. *Peak* в значении - максимум - сохраняет связь с прямым значением - остроконечная вершина -, что находит отражение в семантике сочетающихся

слов. Сочетания с peak обозначают физические величины и явления в процессе изменения или в зависимости от других величин, иными словами то, что изображается в виде кривой (peak load, peak current). В этих случаях peak и maximum взаимозаменяемы. Сочетания с названиями величин или измерений, изображаемых на шкале, встречаются с maximum и невозможны с peak (maximum scale reading, maximum deflection). Связь с основным значением прослеживается и в возможности сочетания peak с конкретными существительными - названиями измерительных приборов (peak voltmeter), что не встретилося с maximum.

Таким образом, сочетаемость полных синонимов maximum и peak имеет ограничения, зависящие от чисто языковых факторов.

Синонимы energy - power имеют такие же исходные характеристики, как и ряд maximum - peak. Energy однозначно, обозначает одно из фундаментальных понятий физики, принадлежит к интернациональному терминологическому фонду. Значение - энергия - прямое и не требует для своей реализации в речи поддержки лексического окружения.

Power - общеупотребительное многозначное слово, в семантической структуре которого имеется три терминологических значения: 1) мощность; 2) энергия; 3) степень (матем.). Значение - энергия - образовано от общезыкового путем специализации. Производность значения - энергия - обусловила необходимость употребления слова power в двухэлементной единице контекста при реализации этого значения, например, atomic power, acoustic power.

Как степень зависимости от контекста, так и сам характер лексической сочетаемости у синонимов energy - power определяется способом номинации и относится к языковому статусу. Так, в сочетании со словами, обозначающими вид, источник и цель использования энергии встречаются оба синонима, подтверждая этим полное семантическое тождество:

radiant energy - radiant power,
thermal energy - thermal power,
nuclear energy - nuclear power,
fusion energy - fusion power,
motive energy - motive power.

Однако в сочетаниях, обозначающих количественную характеристику энергии, употребляется только energy, так как слово power в таких случаях реализует свое более частотное в технике значение - мощность -; average power, nominal power, design power, instantaneous power и другие. В этом ограничении сочетаемости также проявляется влияние прямого значения на производное. Характер семантики слов, с которыми сочетается energy, позволяет предположить, что energy обладает более широким значением - энергия, имеющаяся в наличии -, что подтверждается материалом Drake's Cyclopedia of Radio and Electronics: While energy implies the ability or power to do work, this energy may not be in use but simply held available for use.

Таким образом, если не учитывать влияния содержательных характеристик словозначений (которые нивелируются у полных синонимов), ограничения, налагаемые системой языка на лексическую сочетаемость, проявляются в следующем: словозначения с переносным значением несамодостаточны и нуждаются в определенном лексическом окружении для реализации этого значения в речи; они характеризуются более узкой лексической сочетаемостью; ограничения лексической сочетаемости связаны с влиянием основного значения на производное.

Члены ряда memory - storage - store связаны общим значением - память вычислительной машины, запоминающее устройство - (store и storage объединяет еще и общность корня); все они характеризуются многозначностью в терминосистеме электроники. Самая высокая степень многозначности в этой области (4 значения) отмечена у storage:

1) запоминающее устройство; 2) запоминающий элемент; 3) запоминание, хранение, накопление; 4) аккумулятор, накопитель. По два значения имеют memory: 1) память ВМ; 2) запись, регистрация и store: 1) память ВМ; 2) запоминающая трубка.

Ни у одного из рассматриваемых терминов значение - запоминающее устройство - не является основным. У существительных memory и storage оно образовано путем переноса по функциональному сходству, что обуславливает различие в характере основного и специального значений: специальное значение конкретно, тогда как общеупотребительное значение этих существительных абстрактно: memory - 1) память; storage - 1) хранение. Значение - запоминающее устройство - у термина store мотивировано соответствующим значением глагола store.

Так как memory, storage и store имеют больше одного значения в терминосистеме электроники и ни у одного из этих терминов общее для них значение не является основным, то реализация терминологического значения каждого из них требует поддержки не только тематического контекста, но и ближайшего лексического окружения, то есть, ни одно из них не самодостаточно.

Минимальная единица контекста для всех членов данного синонимического ряда содержит два элемента и представляет собой атрибутивное сочетание N+N и Adj+N, где memory, storage или store выступают в качестве ядерного члена. В сочетаниях N+N и Adj+N возможна взаимозаменяемость memory, storage и store при определенном лексическом наполнении этих моделей. Так для реализации общего для этих синонимов значения - память ЭВМ - первым компонентом модели должно быть существительное или прилагательное, относящееся к следующим тематическим группам: тип запоминающего элемента (cylinder memory, drum storage) конструкция (stack memory, nest store), сфера применения (spacecraft memory, computer storage), принцип действия

(volatile storage, acoustic memory).

У термина *storage* отмечена также контекстная формула $ppr+N+N$, где на непосредственную связь предложения с существительным-определением указывает дефисное написание: *in-line storage*, *on-line storage*, *off-line storage*. В приведенных сочетаниях $ppr+N$ указывает на расположение запоминающего устройства по отношению к самой ЭВМ.

Термин *store* выступает в качестве ядра сочетаний состава $V+pp+N$ (pp - постпозитив): *push-up-store*, *push-down-store*. В данном случае определение характеризует конструкцию запоминающего устройства.

Различия в лексической сочетаемости, наблюдаемые у синонимов данного ряда, обусловлены как статутными признаками (влияние основного значения на производное), так и некоторыми семантическими особенностями этих слов. Так *memory* сочетается с определяющими словами, характеризующими память ЭВМ с точки зрения ее функционирования: *read-only memory*, *adressable memory*, *finite memory*. Определения к слову *storage* показывают, что "машинная память" рассматривается как часть конструкции ЭВМ: *supplementary storage*, *processor storage*, *information storage*.

Интересно отметить, что только словарь Ханделя [6] отмечает в словарной дефиниции функциональность *memory* и предметность *storage*: *memory* - any device into which information can be introduced and later extracted; *storage* - in a computer, the section used primarily for storing information.

Еще одна чисто языковая особенность слова - частотность. По-видимому как раз низкая частотность *store* (в словаре П.М. Алексеева этот термин не зарегистрирован) объясняет малую представленность сочетаний с этим словом в отраслевых словарях.

Из приведенных примеров видно, что при синонимах ЛСВ только по производным значениям наблюдается высокая степень семантической близости, но не равнозначность. Объяс-

нением того факта, что неполная тождественность значений не всегда регистрируется словарями, может служить свойственной вообще производным значениям некоторая семантическая нечеткость, которая снимается в определенных условиях контекста [8].

Таким образом, наличие в языке двухуровневой системы номинации (первичные - вторичные словозначения) влечет за собой ряд различий в лексической сочетаемости словозначений с прямыми и переносными значениями. Эти различия, обусловленные системой языка, относятся к языковому статусу и не зависят от природы референтов. Сравнение синонимов по статутным признакам способствует установлению иерархической структуры синонимического ряда и особенностей функционирования его членов, причем роль этих признаков возрастает, если синонимы не обнаруживают различий в содержательном аспекте. Языковой статус открывает также новый подход к пониманию взаимообусловленности синонимии и полисемии. Несомненно, представит изучение и других видов семантической эквивалентности с точки зрения языкового статуса.

Литература

1. А р н о л ь д И.В. Эквивалентность как лингвистическое понятие. - Иностранные языки в школе, 1976, №1, с. 11-18.
2. Н и к и т и н М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974. 222 с.
3. Ч у п и л и н а Е.И. О терминологической синонимии. - В кн.: Научный симпозиум "Семиотические проблемы языков науки, терминологий и информатики". М., 1971, ч.2, с. 512-514.
4. Частотный англо-русский словарь-минимум по электронике, составитель П.М.Алексеев. М., 1971.

5. Webster's New 20th Century Dictionary of the English Language Unabridged. New York-Toronto, 1958.
6. Carter H. Dictionary of Electronics. London, 1960; Handel S. A Dictionary of Electronics. London, 1978.
7. Англо-русский словарь по современной радиоэлектронике, М., Сов. энциклопедия, 1972, 448 с.; Англо-русский физический словарь. М., Сов. энциклопедия, 1968, 848 с.; Англо-русский словарь по автоматике, кибернетике и контрольно-измерительным приборам. М., Гостехиздат, 1971, 379 с.; Drake's Cyclopedia of Radio and Electronics. Chicago, 1943.
8. Никитин М.В. О семантике метафоры. - Вопросы языкознания, 1979, №1, с. 91-102.

СОДЕРЖАНИЕ

✓ Агамджанова В.И. Итеративность семантических признаков лексики предложения	3
✓ Байкова З.М. Выделение синонимического ряда лексических единиц с модальным значением уверенности подтверждения на основе семантического и функционального анализа (на материале современного английского языка)	18
✓ Банкав А.Я. К вопросу о французских заимствованиях в современной латышском языке	37
✓ Гусева Т.А. Сопоставительный анализ суффиксального словообразования в стандартном английском языке и в просторечии	44
✓ Данченко Н.Н. Парадигматические и синтагматические связи фразеологических единиц в поэтическом тексте	54
Заботкина В.И. Синтагматическая специфика новых предикатных лексико-семантических вариантов имен существительных современного английского языка	64
Кукушкина С.А. Исследование синтагматических связей в тексте методом тематической сетки	79
✓ Липса Е.Р. Семантическая обусловленность порядка слов в стиховой речи	87
Мамаева Н.Л. Проблемы структуры абзаца в функционально-стилистическом аспекте	96
✓ Наумова И.А. Стилистические особенности употребления причастия I в современном английском языке	117
✓ Начисчione А.С. Инверсия как элементарный прием окказионального преобразования фразеологических единиц в речи (на материале произведений Дж.Чосера)	128
Обнорская М.Е. Экспрессивные возможности некоторых моделей сочиненного ряда	142
✓ Озолинъ О.Д. Семантические корреляции однокоренных прилагательных в современном французском языке	155
Чупилина Е.И., Изергина И.А. О языковом статусе терминологических синонимов	165